РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVII

**Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 110-летнему юбилею монгольского ученого-монголоведа,
общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба**

St. Petersburg
2016

Редакционная коллегия: *доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель)*; *доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская республика)*
Рецензенты: *канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева*
Секретарь и редактор английского текста выпуска: *канд. филол. наук Д. А. Носов*
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: *D. S.* (*Philology*) *I. V. Kulganek; D. S.* (*Philology*) *L. G. Skorodumova; D. S.* (*History*) *T. D. Skrynnikova; D. S.* (*History*); *K. V. Orlova; PhD.* (*Philology*) *N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. A. Birtalan (Hungary)*; *PhD. R. Pop (Rumania)*; *PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)*
Peer-reviewed by: *PhD.* (*Philology*) *M. P. Petrova, D. S.* (*Philology*) *S. L. Neveleva*
Secretary and Editor of the English text: *PhD* (*Philology*) *D. A. Nosov*
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XVII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. — 104 с.

Семнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 110-летнему юбилею монгольского ученого-монголоведа, общественного деятеля, переводчика и публициста Мэргэн-гуна Гомбоджаба (1906—1940).

Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The seventeenth edition of the magazine «Mongolica» is dedicated to 110th anniversary of Mongolian scholar, public figure, translator and essayist Mergen-gun Gombodzhab (1906—1940).

This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: http://www.pvost.org

Подписано в печать 07.11.2016. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2016
© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Содержание

Н. Хишигт. Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940) (Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек) 6
И. В. Кульганек. Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба. 11
Д. А. Носов. Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде 24
Т. Тамир, Т. Аира. Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба. 27

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. Ш. Кадырбаев. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин 30
Т. Д. Скрынникова. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в. 35
И. М. Захарова, М. В. Мандрик. Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг. 42

ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА

Г. Батсуурь. Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка» 48
А. В. Зорин, Ю. С. Макарова. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения 52
Б. В. Меняев. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса . 61
Т. Содгэрэл. Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации 65
Д. Сувданцэцэг. Запятая в монгольском предложении: случаи постановки 69
А. А. Туранская. Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии 78

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харькова. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» 83

ПЕРЕВОДЫ

Ж. Дашдондог. Я никогда не был антисоветчиком (Перевод Л. Г. Скородумовой) 88
Ц. Доржготов. Подарок снега (Перевод А. Токмакова под редакцией Л. Г. Скородумовой) 91
С. Буяннэмэх. Врата литературы (*Окончание*) (Перевод А. Сапожниковой под редакцией Л. Г. Скородумовой) . 93

Информация об авторах. 103

Contents

N. Hishigt. Mergen-gun Gombodzhab — prince, scientist, translator (1906—1940) (translated by L. G. Skorodumova and I. V. Kulganek) . . . 6
I. V. Kulganek. Leningrad in the life of Mergen-gun Gombodzhab . . . 11
D. A. Nosov. Mergen-gun Gombodzhab and the Institute of Living Oriental Languages in Leningrad. . . . 24
T. Tamir, T. Aira. Books from the personal collection of Mergen-gun Gombodzhab . . . 27

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES

A. Sh. Kadyrbaev. Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period . . . 30
T. D. Skrynnikova. Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century . . . 35
I. M. Zakharova, M. V. Mandrik. The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913 . . . 42

PHILOLOGY: LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS

G. Batsuur. Images Novelty in Ts. Damdinsurung's Story «The Rejected Girl» . . . 48
A. V. Zorin, Yu. S. Makarova. Two Kalmykian Manuscript Copies of the Tibetan Collected Book «Mdo mangs» Kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore . . . 52
B. V. Menyaev. Oirat woodcuts from the private collection of Hotol-Tuges dedicated to cults of Buddha Amitayus . . . 61
T. Sodgerel. Tunes on tsuur in Western Mongolia: the classification. . . . 65
D. Suvdantsetseg. A comma in Mongolian sentence: cases of setting . . . 69
A. A. Turanskaya. Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography . . . 78

THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS REVIEWS

Ju. V. Boltach, I. V. Kulganek, E. Ju. Khar'kova. VIIth Conference, dedicated to Agvan Dordzhiev. . . . 83

OUR TRANSLATIONS

Zh. Dashdondog. I have never been anti-Soviet (translated by L. G. Skorodumova) . . . 88
Ts. Dordzhgotov. Gift from snow (translated by A. Tokmakov, edited by L. G. Skorodumova) . . . 91
S. Buyannemekh. Gates of literature (translated by A. Sapozhnikova, edited by L. G. Skorodumova) . . . 93

Information about the authors . . . 103

Мэргэн-гун Гомбоджаб, монгольский ученый-монголовед,
общественный деятель (1906—1940)

Н. Хишигт

Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940)

Имя монгольского ученого-филолога, общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба вошло в историю чрезвычайно сложного и часто — трагического периода Монголии первой половины XX в. Это время было одинаково непростым для политического и экономического обустройства страны в целом и для каждого человека в отдельности.

Мэргэн-гун Гомбоджаба можно назвать первым монгольским ученым новой формации, так как именно он был первым послан в 1925 г. Ученым Комитетом Монголии на учебу в Ленинградский институт живых восточных языков. Позже он был отправлен в Сорбоннский университет во Франции, где учился на филологическом факультете. Он был первым аспирантом Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, направленным Монгольской Народной Республикой, таким образом, ему принадлежит право называться одним из первых интеллигентов молодой страны, получивших европейское образование и начавших работать на новое государство. Судьба Гомбоджаба, как и судьбы многих монголов, востребованных для работы в духовной и идеологической сфере монгольского нового государства, была трагична. Тем не менее за свою недолгую жизнь он смог реализоваться как ученый — лингвист, историограф, филолог и переводчик. Он владел маньчжурской, китайской, тибетской грамотой, знал русский, французский, немецкий, английский языки.

Ему принадлежат переводы ряда научно-познавательных и научных статей для монгольской периодики того времени, он является автором нескольких статей и рецензий.

Во время работы в Бурятском ученом комитете в 1930—1932 гг. он вошел в группу ученых по составлению «Монгольско-русского словаря». Мэргэн-гун Гомбоджаб был учеником всемирно известных ученых, среди которых были монголоведы Б. Я. Владимирцов, П. П. Поппе, В. Л. Котвич, востоковеды А. Н. Самойлович, С. Е. Малов.

Судя по сохранившимся свидетельствам того времени, таким как дарственные надписи на книгах, подаренных Гомбоджабу, письма и воспоминания ученых, его высоко оценивали монголоведы того времени. Попав в крупнейших центр мирового монголоведения, молодой ученый близко познакомился с ними и многому у них научился.

М.-г. Гомбоджаб принадлежал к роду Сайн-Нойон-хана, оставившего глубокий след в истории Монголии, а также был последним князем, унаследовавшим титул управляющего хошуном (Мэргэн-гун) Сайннойонханского аймака. Имя Гомбоджаба в переводе с тибетского означает ‘вера’, ‘спасение’. Он родился в 1906 г. в хошуне Хөндлөн Мэргэн Сайннойонханского аймака (совр. сомон Рашаант Хубсугульского аймака) в семье Мэргэн-гуна Мунх-Очира. Первые шаги в получении образования были сделаны им под руководством перерожденца святого Агваанчойнжуурдондова (1870—1927), пандиты, ламы Тарвы, славившегося в Монголии своей ученостью, наряду с такими известными монгольскими мудрецами, как Зава Дамдин, Тарва пандита, Данда Чинсан (Чимидийн Дэмчигдорж), которых пригласила новая власть при создании в 1921 г. первого Ученого комитета. Ламе Тарве принадлежит известная книга «Благородные правила для народа», написанная им в 1923 г. и имевшая своей целью исправление нравов и власти в стране. Основной мыслью этой книги была идея о необходимости учиться, что стало для Гомбоджаба руководством к действию и заставило его поехать в столицу Монголии, а затем в Россию. В Урге (совр. Улан-Батор) он закончил школу для учителей, после чего его приняли на работу в Ученый комитет Монголии в качестве стажера.

В 1920-е гг. по заведенному обычаю тех мест М.-г. Гомбоджаб сосватал невесту — Туваансурэн, дочь знатного зайсана Цэвэна. У них родились пятеро детей — три дочери: Г. Дарьбазар, Дарьсурэн, Лхамсурэн — и два сына: Март и Дандар. После смерти отца в 1923 г. Гомбоджаб унаследовал все его титулы и звания.

В 1925 г. он поехал в Ленинград, где поступил в ЛИЖВЯ (Ленинградский институт живых восточных языков).

Большую роль в его образовании до ленинградского периода сыграли Министр образования и Председатель Ученого комитета С. Жамьян-гун и сотрудник Монголучкома Ч. Бат-Очир. Всего в ЛИЖВЯ из Монголии было направлено 20 человек, среди них известные впоследствии ученые — Б. Ринчен, Ц. Дамдинсурэн, О. Намнандорж. В Ленинграде Гомбоджабом были сделаны первые пробы перевода русской классики на монгольский язык, так, им была переведена повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель», велись переговоры о переводе научного сочинения по истории монголов Д. Оссона.

Во время учебы в Сорбонне во Франции. М.-г. Гомбоджаб — в третьем ряду второй слева

М.-г. Гомбоджаб с А. Н. Боржоновой (Оуюнбилиг)

После окончания института в 1926 г. он вернулся в Ученый комитет и вместе с Ч. Бат-Очиром и Бадамжавом был направлен в Китай (Пекин, Шанхай, Харбин, Хайлар) для сбора и изучения монгольских исторических летописей. 1927—1929 гг. Мэргэн-гун Гомбоджаб провел в Сорбонне в языковой школе при Филологическом факультете, куда он был направлен Министерством просвещения Монголии и где обучался под руководством известного французского монголоведа П. Пеллио. Именно через Гомбоджаба была передан в Сорбону Председателем Ученого комитета МНР О. Жамьяном известная монгольская летопись «Алтан товч».

На пути к Парижу Гомбоджаб встречался с известным востоковедом С. М. Вольфом, оставившим воспоминания о молодом человеке как о замеча-

тельном лингвисте, высокообразованном человеке, свободно владеющем русским и французским языками. К сожалению, обострение международной обстановки, смута в общественно-политической жизни страны привели к тому, что Министерство просвещения МНР отозвало студентов, направленных на учебу во Францию, до окончания срока обучения.

Во время работы в Буручкоме. 30-е годы. М.-г. Гомбоджаб в четвертом ряду второй справа.
На фотографии есть Б. Барадийн (во втором ряду четвертый слева), П. П. Поппе (во втором ряду третий слева), А. Н. Боржонова (в четвертом ряду вторая слева)

Во время экспедиции по Бурятии в 1927 г. М.-г. Гомбоджаб и А. Н. Боржонова стоят в третьем ряду.
Н. Н. Поппе сидит во втором ряду (второй справа)

После Сорбонны М.-г. Гомбоджаб, проработав некоторое время в Учкоме МНР, по его командировке поехал работать в Государственный институт культуры БМАССР, являлся членом терминологической комиссии и участвовал в подготовке выпусков серии терминологических словарей, в том числе «Орфографического словаря» и «Самоучителя новой письменности» («Şine ysegte өөrөө surka debter»)*, а также занимался научными исследованиями. В 1930 г. ездил в экспедицию под руководством Н. Поппе для изучения шаманизма в Бурятии.

Во время работы в Улан-Удэ (1930—1932) Гомбоджаб женился на Боржоновой Агриппине Николаевне, у них родились сын Зоригт и дочь Билэгт. Находясь в Бурятии, Гомбоджаб некоторое время работал также в Кяхте.

В 1933 г. он вернулся на Родину, где вошел в Комиссию по созданию словаря научной терминологии. Перевел сочинение В. Котвича «Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии», которое было издано в 1914 г. в Петербурге.

С 1934 г. Отдел языка Монгольского Ученого комитета начал выпускать серию научных статей «Монгол хэл бичгийг сайжруулах бодлогын өгүүлэл» («Статьи об улучшении монгольской грамотности»), где М. Гомбоджаб опубликовал статью «Как улучшить качество школьных учебников» («Сургуулийн бичгийн чанарыг сайжруулъя»).

Помимо основной научной работы М. Гомбоджаб немало усилий отдавал образованию молодого поколения, преподавал в средней русской школе и центральной государственной школе.

Перед отправкой в аспирантуру Института востоковедения АН СССР (1934) Гомбоджаб получил рекомендацию от Бюро Монгольского Ученого комитета (XV заседание от 23 ноября), в которой он был охарактеризован как сотрудник, «обладающий незаурядными способностями в науке», стажирующийся по теме «Русская и европейская терминология».

Об успешности его учебы в аспирантуре можно судить по отзывам, оставшимся в воспоминаниях и записках ученых того времени. Так, в книге В. Л. Котвича «Из эпистолярного наследия», опубликованной в 2011 г. в Улан-Баторе (гл. ред. Ч. Дашдаваа), имеются строчки из письма В. А. Казакевича (с. 297), в которых он высоко оценивает научную находку Гомбоджаба — способ обозначения разницы между звуками монгольской речи «ө», «ү», «т», «д».

Во время учебы в аспирантуре Гомбоджаб закончил свою диссертацию, что подтверждает отзыв его научного руководителя Н. Н. Поппе. Несомненно, Гомбоджаб завершил эту работу в срок благодаря своему незаурядному уму, филологическим способностям, широким знаниям. В диссертации он всесторонне показал, что «Цагаан туух» является монгольским письменным памятником, исторической хроникой, содержащей важные для науки сведения по истории монгольского народа. Однако кандидатская работа Мэргэн-гуна Гомбоджаба «Цагаан туух» до сих пор не найдена. Он был арестован по ложному доносу 11 августа 1937 г., в то время, когда заканчивал работу над диссертацией и подходил к концу его аспирантский срок. Больше он к ней не вернулся. М.-г. Гомбоджаб погиб в Северо-Восточном лагере 8 августа 1940 г. Был реабилитирован в 1956 г.

Памятник у школы им. М.-г. Гомбоджаба в пос. Аршан Хубсугульского аймака. Монголия 2016.

Монгольский народ и научная общественность чтят память об одном из лучших представителей национальной интеллигенции. К столетию ученого на его родине, в поселке Рашаант Хубсугульского аймака был поставлен памятник перед школой, которая носит имя М.-г. Гомбоджаба. Периодически проводятся чтения памяти М. Гомбоджаба.

В августе 2016 г. была проведена Международная научная конференция, посвященная 110-летию М. Гомбоджаба, в которой участвовали ученые из Монголии, России, Китая.

В рамках конференции было проведено два заседания — в Улан-Баторе и на родине Гомбоджаба, на которых было прочитано более 20 докладов, подготовлена выставка, смонтирован фильм о жизни и деятельности ученого. В организации конференции

* Gombozab, B. Baraadiiin. **Şine ysegte өөrөө surka debter.** Buriaad-Mongol Ulasiin Keblel. Deede Yde, 1933. (Гомбожаб и Д. Барадин. Самоучитель бурят-монгольского нового литературного языка для знающих старо-монгольский литературный язык. Бурят-Монгольский Государственный Институт Культуры, сектор языка и письменности. Бургосиздат. Верхнеудинск, 1933.)

Участники конференции, посвященной 110-летию М.-г. Гомбоджаба на его родине в кочевье Агь Хубсугульского аймака

Участники конференции, посвященной 110-летию М.-г. Гомбоджаба в Улан-Баторе 19 августа 2016 г.

главное участие принимали родственники ученого, родные внуки — Т. Тамир и Т. Аира, а также многочисленные родственники, почтившие память своего знаменитого предка из княжеского рода. Проведенное мероприятие наглядно показало важность исследований монгольского ученого М.-г. Гомбоджаба для мирового востоковедения, интерес монгольской общественности к истории своего народа, перспективы дальнейших исследований по истории науки.

Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек

И. В. Кульганек

Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба

В настоящее время в Санкт-Петербурге имеются три архива, где сосредоточены документы, связанные с Мэргэн-гуном Гомбоджабом: Архив востоковедов ИВР РАН (СПб., Дворцовая наб. д. 18); Архив ФСБ РФ (СПб., Литейный пр. д. 4); ЦГА СПб (СПб., ул. Антонова-Овсеенко, д. 1, к. 1).

Мэргэн-гуна Гомбоджаба связывают с городом на Неве годы учебы в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) (1925—1926), учеба в аспирантуре Института востоковедения АН СССР (1934—1937), а также годы, проведенные в тюрьме НКВД (1937—1939) до отправки в Северо-Восточный лагерь, где он погиб 17.08.1940 г.

Для публикации подготовлены следующие документы [1]:

Архив востоковедов ИВР РАН:

1. Ф. 152. Оп. 3. Д. 167. Личное дело М.-г. Гомбоджаба.
2. Ф. 152. Оп. 1. № 307. Справка о приеме в аспирантуру М.-г. Гомбоджаба.
3. Ф. 152. Оп. 1. № 307. Справка об отчислении из аспирантуры М.-г. Гомбоджаба.
4. Ф. 152. Оп. 3. № 167. Отзыв Н. Н. Поппе, руководителя диссертации М.-г. Гомбоджаба.
5. Ф. 152. Оп. 1. № 307. Договор между М.-г. Гомбоджабом и Институтом востоковедения АН СССР о подготовке к изданию монографии М.-г. Гомбоджаба «Цагаан туух» (издание текста, перевод, научный комментарий).

Архив ФСБ РФ:
Шифр: П-19648

1. Протокол допроса от 13 августа 1937 г.
2. Протокол допроса от 15 апреля 1939 г.
3. Выписка из протокола совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР от 19 февраля 1940 г.

ДОКУМЕНТЫ:

Архив востоковедов ИВР РАН: Ф. 152. Оп. 3. Д. 167. Личное дело М. Гомбоджаба (Личный листок по учету кадров)

Фамилия: Мэргэн

Имя: Гомбоджаб

Отчество: (пропуск)

Год и месяц рождения: 1906 г.

Пол: муж.

Место рождения (по существующему административному делению): Агиту. Монголия

Национальность: монгол

Соц[иальное] происхождение: а) бывш[ее] сословие (звание) родителей: тайджи

Основное занятие родителей до Октябрьской революции: отец был дзасаком хошуна. После Октябрьской революции: (пропуск)

Основная профессия (занятие) к моменту вступления в партию: (пропуск)

Соц[иальное] положение: служащий

Партийность: б/п

Какой организацией принят в партию: (пропуск)

Партстаж: (пропуск)

№ партбилета: (пропуск)

Стаж пребывания в ВЛКСМ: (пропуск)

Состоял ли в других партиях (каких, где, по какое время): нет

Состоял ли ранее в ВКП(б), с какого и по какое время и причины исключения или выбытия: (пропуск)

Участвовал ли в оппозициях, каких, когда: (пропуск)

Членом какого профсоюза состоите и с какого года: ВШ с 1932 г.

Образование: незаконченное высшее

Подробное название учебного заведения (ВУЗа, ВТУЗА, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение: Ленинградский институт восточных языков

Название факультета или отделения: монгольский разряд

Отчислен или нет: (пропуск)

Дата, месяц и год вступления: 1924

Окончания или ухода: 1925 уч. г.

Окончил или нет: (пропуск)

Если нет, то с какого курса ушел: (пропуск)

Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения: монголовед

Название учебного заведения: Парижская Сорбонна

Название факультета: ж[урналистики], филологии

[1] При цитировании орфография документов сохранена.

Дата вступления — окончания: 1927—1929

Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения: (пропуск)

Ученая степень: (пропуск)

Имеет ли научные труды и изобретения (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать приложение): (пропуск)

Был ли за границей (пропуск)

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. № 307. Справка о приеме в аспирантуру М. Гомбоджаба

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 25 ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ Комитета по подготовке кадров

Ленинград от 19 ноября 1934 г. § 10

Тов. ГОМБОЧЖАБ МЭРГЭН зачисляется прикомандированным от Монгольской Народной Республики в Институт Востоковедения АН; на стипендию включить с 1 ноября 1934 г. в размере руб. 300 — в месяц.

Основание: Распоряжение Зам. Пред. КПК.

Подлинный за надлежащими подписями.

Выписка верна. Секретарь (подпись)

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. № 307. Справка об отчислении из аспирантуры М. Гомбоджаба

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 47 по научно-учебной части Ленинградского филиала Сектора Спецаспирантуры Академии наук СССР

от 29 августа 1937 г.

ГОМБОДЖАБА Мэргеэн /Гомбочжаб/ отчислить из аспирантуры Академии наук СССР по Ин-ту Востоковедения с 1 сентября 1937 г.

П. п. Зав. Сектором Спецаспирантуры

профессор В. И. Раздобреев.

Верно: инструктор Р. Алле

Выписка верна: Секретарь Габер

Ст. научно-технический сотрудник

Архива востоковедов: А. Ф. Сергачев

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. № 167. Отзыв Н. Н. Поппе, руководителя диссертации М. Гомбоджаба

ОТЗЫВ

о научно-исследовательской работе аспиранта ГОМБОДЖАБА МЕРГЕНА

ГОМБОДЖАБ Мерген избрал темой своих исследований монгольское сочинение Цаган Тухе, являющееся одним [из] древнейших произведений на монгольском языке и одним из интереснейших памятников исторической литературы. Сочинение Цаган Тухе представляет собой отчасти историю Юаньского периода, частично же в ней излагаются принципы, которыми руководствовались в своих государственных делах императоры монголов периода XIII—XIV ст[олетий].

ГОМБОДЖАБ Мерген готовит издание текста с русским переводом, комментариями исторического, филологического и лингвистического характера и историческое исследование. В настоящее время им проделана значительная часть работы по изданию текста и составлен черновой перевод части текста. Работа эта в названных частях признается мною удовлетворительной. Темпы работы вполне нормальные. Уже в настоящее время можно утверждать, что первоначальные сроки ее окончания будут более или менее точно соблюдены.

Качество работы не вызывает каких-либо сомнений, хотя многие места текста поддаются осмыслению с большим трудом, но трудности эти т. МЕРГЕНОМ постепенно преодолеваются.

Член-корреспондент АН СССР: (подпись) /Поппе Н. Н./

Архив ФСБ РФ: Шифр: П-19648. Протокол допроса от 13 августа 1937 г.

[с. 1] С С С Р Народный комиссариат внутренних дел Управление НКВД — СССР по Ленинградской области Управление государственной безопасности

Протокол допроса к делу № 24667

августа мес. 13 дня [1937 г.]. Я, Врио Опер Уполномоченный сержант Г. Т. Шванев допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия: Мэрген
2. Имя и отчество: Гомбоджаб
3. Дата рождения: 1906
4. Место рождения: Агиту Халхо Монголия Сайн-Найонский аймак Мергенгуновский хошун.
5. Местожительство: В/О, 12 линия, д. 33, кв. 17.
6. Нац[иональное] и гражд[анское] (подданство): монгол г[раждани]н МНР.
7. Паспорт (пропуск)
8. Род занятий: Аспирант Академии Наук СССР.
9. Социальное положение: Сын владетельного князя /тайджи переводится на русский язык приблизительно как ‘дворянин’/
   отец: князь хошуна
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
    а) до революции учился
    б) после революции учился
11. Состав семьи: жена Боржонова Агрипина Николаевна
    по-монгольски Оюн-билик — домохозяйка. Сын Цзорикту 6 лет, дочь Биликту 3 года. Проживают В/О, 12 линия, д. 33, кв. 17

    Подпись [2]: М. Гомбожаб [с. 2]
12. Образование (общее, специальное): незаконченное высшее
13. Партийность (в прошлом и настоящем): б/п. С 1923 по 192[неразборчиво] состоял в Монгольской Народной Революционной Партии.

[2] Подпись имеется на кириллице и на старомонгольской письменности.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
до революции: нет
после революции: нет
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов[етской] Власти:
нет
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете: не состоит
17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан[ских] отрядах), когда и в качестве кого: не служил.
18. Служба в белых и др. к[онтр]р[еволюционных] армиях (когда, в качестве кого): не служил
19. Участие в бандах, к[онтр]р[еволюционных] организациях и восстаниях: не участвовал
20. Сведения об общественно-политической деятельности: нет.

Подпись [3]: М. Гомбожаб

Примечание: Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого и допрашивающего [4].

[с. 3] Вопрос: Перечислите всех ваших знакомых, находящихся в г. Ленинграде, других городах СССР и за границей.

Ответ:

1. Самойлович Александр Николаевич, директор института Востоков[едения] Академии Наук СССР. Знакомство по служебной линии.

2. Поппе Николай Николаевич, знаком с ним с 1925 г. В 1925—1926 году жил у него год. В 1926 году вновь встретился с ним в Монголии в Улан-Баторе. Осенью 1926 года приехал снова к нему и временно остановился у него. И остальное время пребывания в Ленинграде я поддерживал с ним близкую связь. Поппе человек неустойчивый в своих политических убеждениях.

3. Алексеев Василий Михайлович, академик, знаю с 1925 года.

4. Казакевич Александр Владимирович, знаю его с 1924 года, познакомился с ним в Улан-Баторе.

5. Востриков Андрей, знаю его с 1931, познакомился с ним в 1931 году.

6. Черемисов, знаком с ним с 1934 года, познакомился с ним в Институте Востоковедения.

Подпись: М. Гомбоджав

7. Румянцев, научный сотрудник Монголь-[с. 4] ского кабинета, познакомился с ним в Институте.

8. Пучковский Леонид Сергеевич, познакомился в 1934 году в Институте Востоковедения.

9. Шастина Нина Павловна, познакомился с ней в Монголии, знаком с ней с 1924 года.

10. Бурдуков Алексей Васильевич, знаю его с 1925 года, познакомился с ним в Монголии, когда он проезжал и останавливался у меня ночевать. Вновь встретился в Ленинграде в 1934 г.

11. Владимирцева Лидия Николаевна /жена академика Владимирцева/ познакомился с ней в 1925 году.

12. Цендин Дамдин-Сурун, аспирант Института Востоковедения Акад[емии] Наук СССР. Знал его с 1930 года, познакомился с ним в Улан-Баторе. В Монголии занимал ряд ответственных должностей.

13. Далай Цыерыгдцен аспирант И[нститута] В[остоковедения], знаком с 1930 года, познакомился в Монголии в Улан-Баторе.

14. Гонгоржаб, служитель Военно-Медицинской Академии, знаю его с 1924 года, познакомился с ним в Монголии, в Улан-Баторе в Монголии, был преподавателем.

15. Жамцарано Цыбен, старший научный [с. 5] сотрудник Монгольского кабинета ИВАНа, националист, [считает], что все монгольские народности должны быть объединены в одно целое. С Жамцарано Ц. я знаком с 1924 года, в период проживания в Ленинграде часто встречался с ним.

16. Тубянский Михаил Израилевич, знаком с ним с 1930 года, познакомился с ним в Монголии по совместной работе в Ученом комитете.

17. Рачковский Иван Петрович, геолог, секретарь Монгольской комиссии. Знаком с ним с 1930 года.

18. Амогаев Матвей, директор Восточного Института, знаком с ним с1924 или 1925 года.

19. Батухан Эрдэни, был преподаватель Восточного Института, в настоящее время нигде не работает. Знаком с ним с 1924 года.

20. Гочитский Цыден-Еши, инженер ф[абри]ки «Скороход», знаю его с 1924 года. Познакомился с ним в Монголии.

21. Доржиев Агван, знаком с ним с 1924—1925 года, когда он приезжал в Монголию. [с. 6]

22. Дылыков Санджи Ракша, аспирант Института Вос[токоведения] Акад[емии] Наук, знаком с ним с 1934 года, познакомился в Ленинграде.

23. Барадин Базар, познакомился с ним в 1925 году в Монголии.

24. Задбаев Балжир, познакомился с ним в 1934 г. в г. Ленинграде.

25. Тамерганов, знаком с ним с 1934 г. Познакомился в Ленинграде.

26. Рыгдылон, знаком с ним с 1930 года, познакомился с ним в Бурято-Монголии.

27. Гомбоин, познакомился с ним в 1930 году в Монголии.

28. Воробьев Павел Иванович, познакомился с ним в 1925 году.

В Москве

1. Дендып, посол Монголии в Москве. Знаком с 1933 года.

2. Чимит, секретарь полпредства Монголии в Москве. Знаю с 1930 года.

3. Джа-Дамба, агент торгпредства Монголии в Москве, знаю его с 1924 года.

4. Васильев, переводчик полпредства.

[с. 7]

[3] См. примеч. 3.

[4] И действительно, каждая страница протокола допроса заканчивается подписью М. Гомбоджаба.

5. Забанов Ирдини Баир, переводчик полпредства в Москве.

6. Батарху, корректор издательства иностранных рабочих. Знаком с 1930 г.

7. Содном по фамилии Балдыно, аспирант Академии Наук в Москве. Знаком с 1930 года.

8. Дугур-Сурун. Аспирант Академии Наук в Москве, знаю с 1927 года.

9. Дондок, аспирант акад. Наук, знаю с 1933 года.

10. Цыбик Шалонов, аспирант Акад. Наук знаю с 1934 года.

11. Иши-Доржи, редактор в издательстве иностранный рабочий. Знаю его с 1923 года в Монголии.

12. Балдыно, работает в издательстве, иностранный рабочий, зав. монгольским отделением, знаком с ним с 1933 г.

13. Иринчин Ильбык-Доржи, преподаватель КутВ, знаю с 1924 года по Монголии.

14. Санжеев Гарма, преподаватель Нариманов-ского Института в Москве. [с. 8.]

Знаком с ним с 1926 года. Познакомился в Ленинграде.

15. Манжигеев, преподаватель Вост[очного] Института им. Нариманова в Москве, знаком с ним с 1930 года по Монголии.

16. Бадмаев, работал в 1930 году в Монгольской Государственной Внутренней Охране. Знаком с 1930 г. по Монголии.

17. Дмитриев Иван Григорьевич, работник Исторического музея в Москве. Знаком с 1934 г. по Москве.

18. Чуцнаев, председатель бюджетной комиссии. Знаком с 1934 года по Монголии.

19. Сампилон, находится [в] Карелии. Выслан из Монголии. Знаком с 1925 года.

В Иркутске

Кузьмин Николай Николаевич, знал с 1931—1932 г. по Бурято-Монголии.

В Бурято-Монголии

1. Ирбанов Михаил Николаевич, секретарь Бурятского Обкома. Знаком с 1930 г. по Бурятии.

2. Хацгаев, преподаватель. Знаю с 1925 г. по Монголии.

3. Абышеев Даши Артаевич, преподаватель. Знаю с 1925—1926 года по Монголии.

4. Алексеев Артем Иванович, преподаватель. Знаю с 1930 г. по Верхнеудинску.

5. Вампилон Баирто, преподаватель. Знаю с 1925 года по Москве.

6. Чаванова, преподавательница. Знаком с ней с 1930 года.

7. Радна-Базарон, директор Института культуры. Знаю с 1929 года по Монголии.

8. Хабаев, директор Института культуры. Знаком с ним с 1930 г.

В Монголии

1. Дышдып, председатель Ученого комитета. Знаком с 1933 года.

2. Доржи, научный сотрудник Ученого комитета. Знаю с 1924 года.

3. Шагджи, сотрудник Ученого комитета. Знаю с 1923 года.

4. Цебель, сотрудник Ученого комитета [с. 9]. Знаю с 1924 года.

5. Пуян-Чурлан, сотрудник Ученого комитета. Знаю с 1924 года.

6. Гомбожаб, сотрудник Ученого комитета. Знаю с 1925 года.

7. Нацок Доржи, сотрудник Ученого комитета. Знаком с 1923—1924 года.

8. Санджа, сотрудник Ученого комитета. Знаю с 1923 года.

9. Панзаракча, секретарь Ученого комитета. Знаю с 1933 года.

10. Симуков Андрей, научный сотрудник Ученого комитета. Знаю с 1923 года.

11. Амор, премьер-министр МНР. Знаком с 1924 года по Монголии.

12. Челболсан, министр Внутренних дел МНР.

13. Доксон, председатель Малого Хурала.

14. Дончи, министр финансов.

15. Дчимид, Военный министр.

16. Лобсаншара, секретарь ЦК МНРП.

17. Лоссол, член правления Монголба[?].

18. Пуяннемеху, писатель.

19. Ешим-Сурун, директор Монгольского национального театра.

20. Ульдзуй Хутак, секретарь Амора.

21. Тогорджаб, член Правительства МНР.

[с. 9]

22. Тогорджаб (Бадмаев), директор школы Министерства финансов.

23. Намсарай, Управделами Министерства Иностранных дел.

24. Курысит, работник Министерства юстиции.

25. Бату-Тумыр, министр Просвещения.

26. Кончжа, председатель аймачного Правления.

27. Дамби-няма, товарищ министра Просвещения.

28. Иринчин (Бимбаев), секретарь Госиздата.

29. Ташеев, преподаватель Партийной школы.

30. Буда-дари, преподаватель техникума.

Допросил: врио. опер. упол[номоченный]. 2 отд[еления] 3 отдела.

Сержант Г. Б. (подпись)

Архив ФСБ РФ: Шифр: П-19648. Протокол допроса от 15 апреля 1939 г.

Протокол допроса обвиняемого Мерген Гамбаджаб от 15 апреля 1939 г.

ДОПРОС НАЧАТ в 0 ч.30 м.

Вопрос: Назовите правильно свою фамилию, имя и отчество?

Ответ: Правильно моя фамилия Мерген, имя — Гамбаджаб, а отчество у нас в употреблении не принято и в документах не значится.

Вопрос: Данные Вами на следствии показания о своей преступной деятельности Вы в настоящее время подтверждаете?

О**твет:** Мною на следствии был подписан протокол, написанный следователем, т. е. преступления, которые изложены в протоколе, мною не совершались.

Вопрос: Вы говорите неправду. Факты преступной деятельности Вашей лично и Ваших единомышленников, изложенные в протоколах допросов от 25/XII и 30/XII-37 г. достаточно изобличают Вас в неискренности сделанного Вами в настоящее время заявления, рассчитанного на введение следствия в заблуждение. Предупреждаем, что Ваше запирательство ни к чему не приведет, и предлагаем давать только правдивые показания.

Ответ: Повторяю, что в настоящее время я говорю только правду и вводить в заблуждение не собираюсь.

Вопрос: Участником «Японо-Бурятского Центра» Вы являлись?

Ответ: Нет, участником Японо-Бурятского Центра я никогда не являлся.

Вопрос: В принадлежности к Японо-Бурятскому Центру Вы изобличаетесь не только своими показаниями, но и показаниями ряда других участников организации, проводивших диверсионно-шпионскую работу совместно с Вами в пользу Японии.

[с. 2]

Ответ: Повторяю, что к Японо-Бурятскому Центру я не имел никакого отношения и о существовании такого не знал.

Вопрос: Для изобличения Вас в неискренности приводим выдержку из показаний обвиняемого (пробел) от 26/IV-37 г... «Из участников шпионско-повстанческой организации из монгол (пробел) назвал мне следующих: (перечисляет) Мерген Гамбаджаб — б. князь, аспирант Академии наук СССР».

Ответ: Это неверно. Участником шпионско-диверсионной повстанческой организации я не был.

Вопрос: Приводим Вам еще выдержку из протокола допроса обв[иняемого] (пробел) от 21/VIII — 37 г. … «Кроме перечисленных мною выше лиц, мне известно, что агентами японской разведки, проводившими по ее заданию шпионскую и подрывную работу, являются: (перечисляет) Гомбаджаб Мерген — халхасец, князь, проживает в Ленинграде».

Ответ: Считаю, что (пробел) в отношении меня врет.

Вопрос: Из каких соображений (пробел) мог давать против Вас лживые показания?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: С (пробел) Вы знакомы?

Ответ: Да, знаком, (пробел) я знаю примерно с 1924—25 г. по Ленинграду.

Вопрос: В каких взаимоотношениях находились Вы с (пробел)?

Ответ: Взаимоотношения между нами были неплохие, но не выходящие за рамки обычного знакомства.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что Вы поддерживали преступную связь с (пробел)?

[с. 3]

Ответ: Нет. Преступной связи у меня с (пробел) не было.

Вопрос: В таком случае приводим Вам выдержку из показаний обвин[яемого] (пробел), данных им на допросе от 10/IX — 37 г. «…Участниками контр-революционной шпионской организации являются: Гамбаджаб Мерген — бывш[ий] Князь, аспирант Института Востоковедения Академии наук СССР». Вы и теперь будете продолжать запирательство?

Ответ: (пробел) говорит неправду.

Вопрос: Следствие вынуждено привести Вам еще ряд имеющихся против Вас показаний, в том числе приводим выдержку из показаний (пробел). «…Мне известно, что кроме меня участниками шпионско-диверсионной организации, созданными японскими разведывательными органами, являются: (перечисляет) Гамбаджаб Мерген — аспирант Академии наук СССР». Что Вы можете привести в свое оправдание?

Ответ: Могу только сказать, что показания (пробел) — ложь.

Вопрос: Кроме названных лиц Вас в достаточной степени изобличает (пробел). Вот его показания: … «Под моим руководством участники Японо-Бурятского Центра завербовали (пробел), Гомбоджаба Мерген, (пробел) и др.» Нужно ли Вам приводить показания других, изобличающих Вас, лиц?»

Ответ: Независимо от любого числа людей, дающих на меня показания, виновным себя я все равно признать не могу.

ДОПРОС ПРЕРВАН в 6 часов.

Ответ записан правильно, мною прочитан, в чем расписываюсь Мерген Гамбаджаб.

Допросил: следователь след[ственной] части УНКВД гор. Ленинграда (Строгих)

Подлинник в этом деле (подпись).

Архив ФСБ РФ: Шифр П-19648. Выписка из протокола совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР от 19 февраля 1940 г.

Выписка из протокола № 14 Совещания при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР

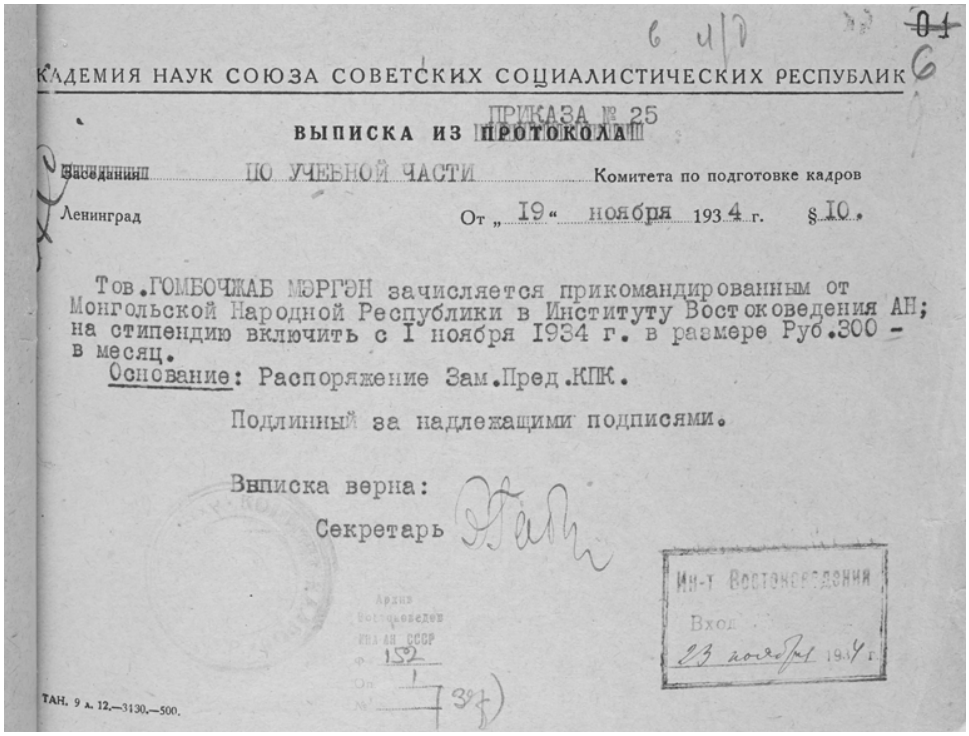
От 19 февраля 1940 г.

Слушали: 24667/УНКВД Ленинградской области по обв[иняемый] Гамбаджав, 1906 г. р. Хахло-Монголия [так! — *И. К.*], монгол, подданный МНР, сын монгольского князя, б/п.

Постановили:

Мерген Гамбаджаб за участие в шпионской диверсионной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, срок с 11-го августа 1937 г.

Ответственный сотрудник Особого совещания (подпись) Иванов (печать)



АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 25
ПРОТОКОЛА

заседания по УЧЕБНОЙ ЧАСТИ Комитета по подготовке кадров

Ленинград От „19" ноября 1934 г. § 10.

Тов.ГОМБОЧЖАБ МЭРГЭН зачисляется прикомандированным от Монгольской Народной Республики в Институту Востоковедения АН; на стипендию включить с I ноября 1934 г. в размере Руб.300 - в месяц.

Основание: Распоряжение Зам.Пред.КПК.

Подлинный за надлежащими подписями.

Выписка верна:

Секретарь

Ин-т Востоковедения
Вход
23 ноября 1934 г.

Архив Востоковедов ИВ АН СССР ф. 152 оп. 1 № 397

ТАН. 9 л. 12.—3130.—500.

Выписка из приказа от 19 ноября 1934 г. о прикомандировании М.-г. Гомбоджаба в ИВ АН СССР

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 47.

по научно-учебной части Ленинградского филиала Сектора Спецаспирантуры Академии наук СССР

от 29 августа 1937 г.

ГОМБОДЖАБА Мэргэн /Гомбочжаб/ отчислить из аспирантуры Академии наук СССР по Ин-ту Востоковедения с I-го сентября 1937 г.

П.п.Зав.Сектором Спецаспирантуры
профессор В.И.Раздобреев.

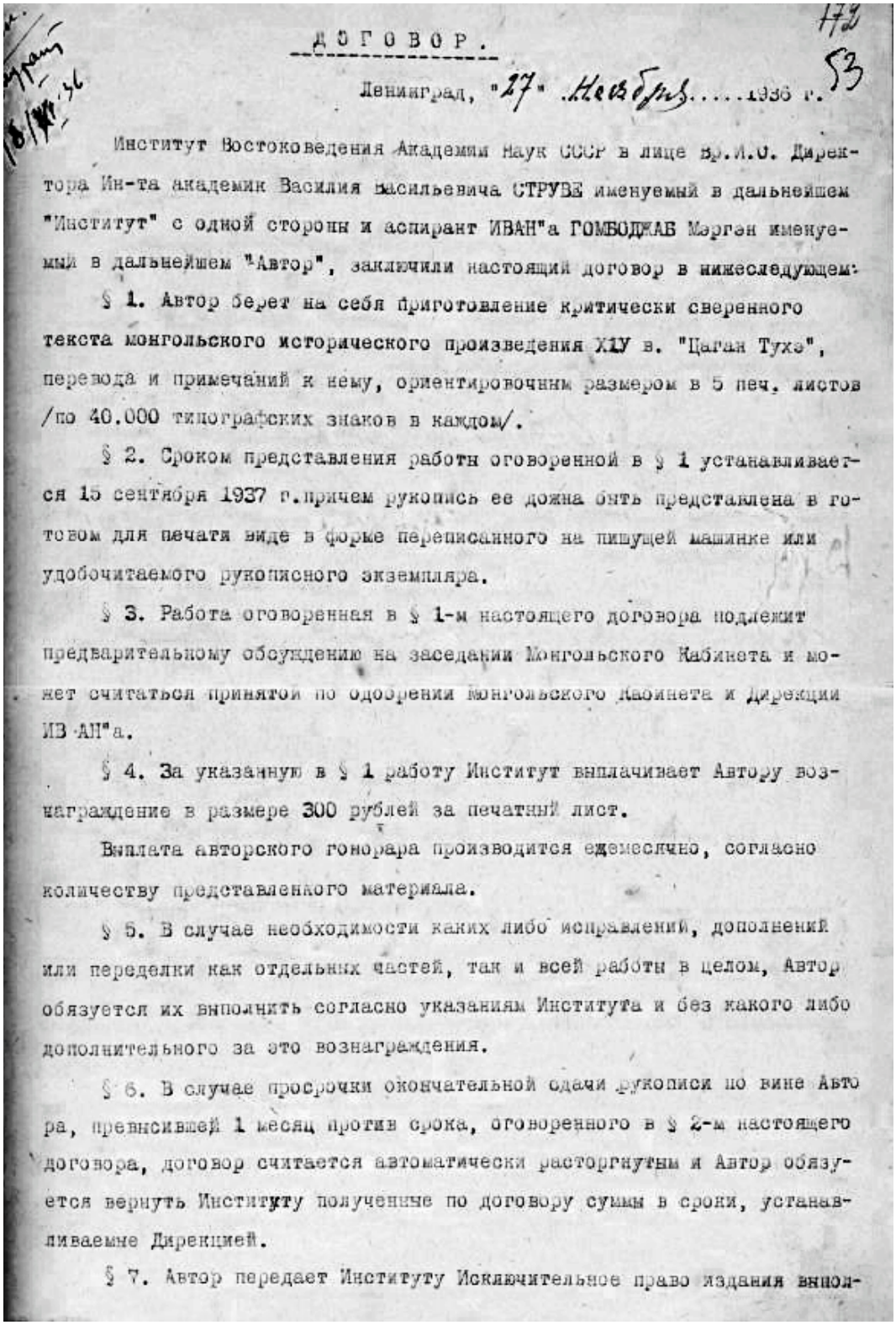
Верно: инструктор Р.Алле

Выписка верна:
Секретарь Габер.

ф.I52, оп.I /I937/, ед.хр.I, лл.I34

Ст.научно-технический сотрудник
Архива востоковедов /А.Ф.СЕРГАЧЕВ/

Выписка из приказа от 29 августа 1937 г. об отчислении М.-г. Гомбоджаба из аспирантуры ИВ АН СССР



ДОГОВОР.

Ленинград, "27" Ноября 1936 г.

Институт Востоковедения Академии Наук СССР в лице Вр.И.О. Директора Ин-та академик Василия Васильевича СТРУВЕ именуемый в дальнейшем "Институт" с одной стороны и аспирант ИВАН"а ГОМБОДЖАБ Мэргэн именуемый в дальнейшем "Автор", заключили настоящий договор в нижеследующем:

§ 1. Автор берет на себя приготовление критически сверенного текста монгольского исторического произведения XIV в. "Цаган Тухэ", перевода и примечаний к нему, ориентировочным размером в 5 печ. листов /по 40.000 типографских знаков в каждом/.

§ 2. Сроком представления работы оговоренной в § 1 устанавливается 15 сентября 1937 г.причем рукопись ее должна быть представлена в готовом для печати виде в форме переписанного на пишущей машинке или удобочитаемого рукописного экземпляра.

§ 3. Работа оговоренная в § 1-м настоящего договора подлежит предварительному обсуждению на заседании Монгольского Кабинета и может считаться принятой по одобрении Монгольского Кабинета и Дирекции ИВ АН"а.

§ 4. За указанную в § 1 работу Институт выплачивает Автору вознаграждение в размере 300 рублей за печатный лист.

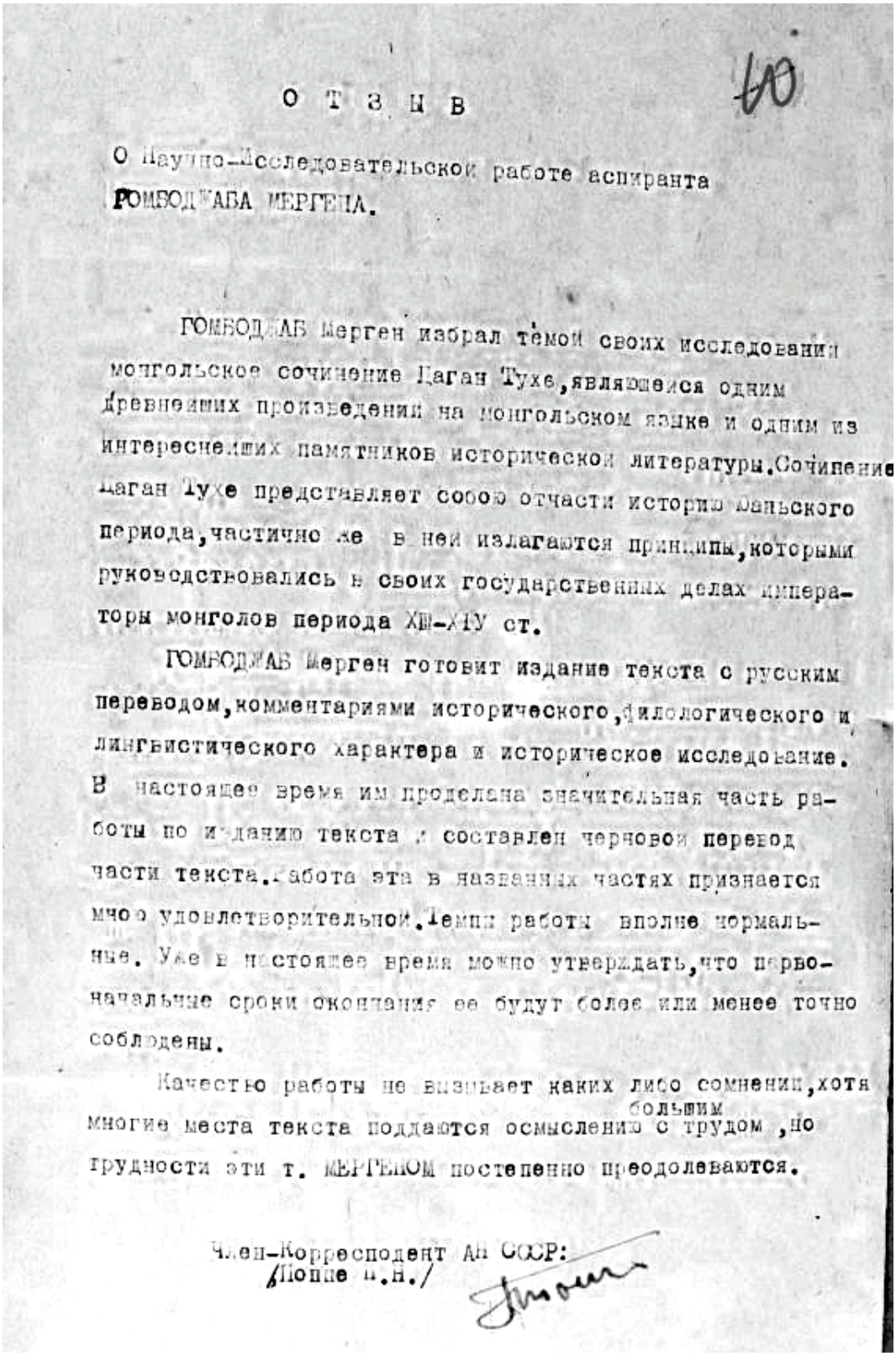
Выплата авторского гонорара производится ежемесячно, согласно количеству представленного материала.

§ 5. В случае необходимости каких либо исправлений, дополнений или переделки как отдельных частей, так и всей работы в целом, Автор обязуется их выполнить согласно указаниям Института и без какого либо дополнительного за это вознаграждения.

§ 6. В случае просрочки окончательной сдачи рукописи по вине Автора, превысившей 1 месяц против срока, оговоренного в § 2-м настоящего договора, договор считается автоматически расторгнутым и Автор обязуется вернуть Институту полученные по договору суммы в сроки, устанавливаемые Дирекцией.

§ 7. Автор передает Институту Исключительное право издания вышол-

Договор от 27 ноября 1936 г. Института востоковедения АН СССР с М.-г. Гомбоджабом о подготовке к публикации работы «Цагаан туух»



О Т З Ы В

О Научно-Исследовательской работе аспиранта
ГОМБОДЖАБА МЕРГЕНА.

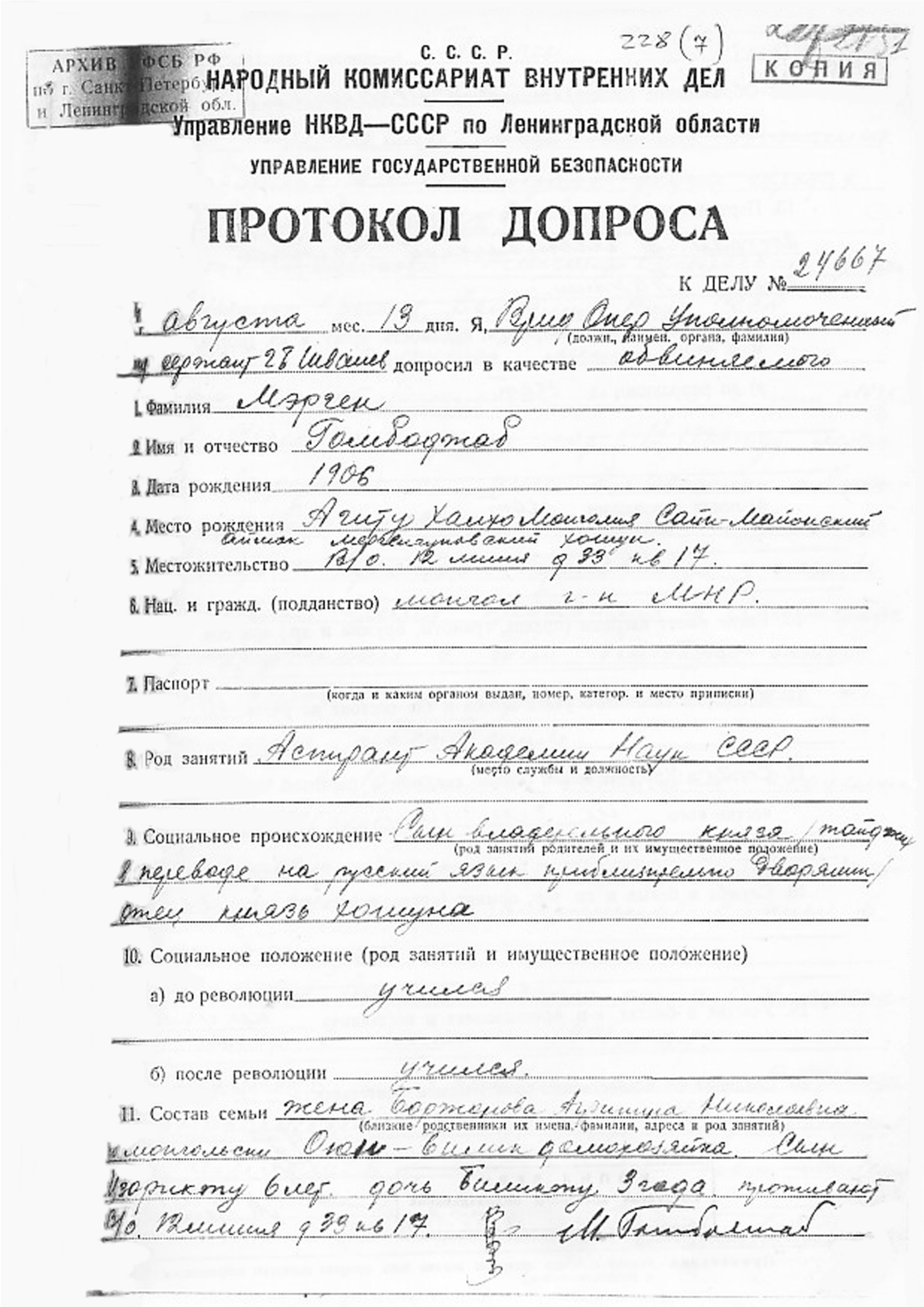
ГОМБОДЖАБ Мерген избрал темой своих исследований монгольское сочинение Цаган Тухе, являющееся одним древнейших произведений на монгольском языке и одним из интереснейших памятников исторической литературы. Сочинение Цаган Тухе представляет собою отчасти историю Юаньского периода, частично же в ней излагаются принципы, которыми руководствовались в своих государственных делах императоры монголов периода XIII-XIV ст.

ГОМБОДЖАБ Мерген готовит издание текста с русским переводом, комментариями исторического, филологического и лингвистического характера и историческое исследование. В настоящее время им проделана значительная часть работы по изданию текста и составлен черновой перевод части текста. Работа эта в названных частях признается мною удовлетворительной. Темпы работы вполне нормальные. Уже в настоящее время можно утверждать, что первоначальные сроки окончания ее будут более или менее точно соблюдены.

Качеству работы не вызывает каких либо сомнений, хотя многие места текста поддаются осмыслению с большим трудом, но трудности эти т. МЕРГЕНОМ постепенно преодолеваются.

Член-Корреспондент АН СССР:
/Поппе Н.Н./

Отзыв научного руководителя Н. Н. Поппе о кандидатской диссертации М.-г. Гомбоджаба



АРХИВ УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл.

228 (7)

КОПИЯ

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД—СССР по Ленинградской области

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № 24667

1 августа мес. 13 дня. Я, Врид Опер Уполномоченный (должн., наимен. органа, фамилия) мл. сержант ГБ Швачев допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия Мэргэн

2. Имя и отчество Гомбоджаб

3. Дата рождения 1906

4. Место рождения Агиту Хайхо Монголия Сайн-Нойонский аймак мерген-гуновский хошун.

5. Местожительство В/о. 12 линия д 33 кв 17.

6. Нац. и гражд. (подданство) монгол г-н МНР.

7. Паспорт (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)

8. Род занятий Аспирант Академии Наук СССР. (место службы и должность)

9. Социальное происхождение Сын владетельного князя (тайджи (род занятий родителей и их имущественное положение) в переводе на русский язык приблизительно дворянин) отец князь хошуна

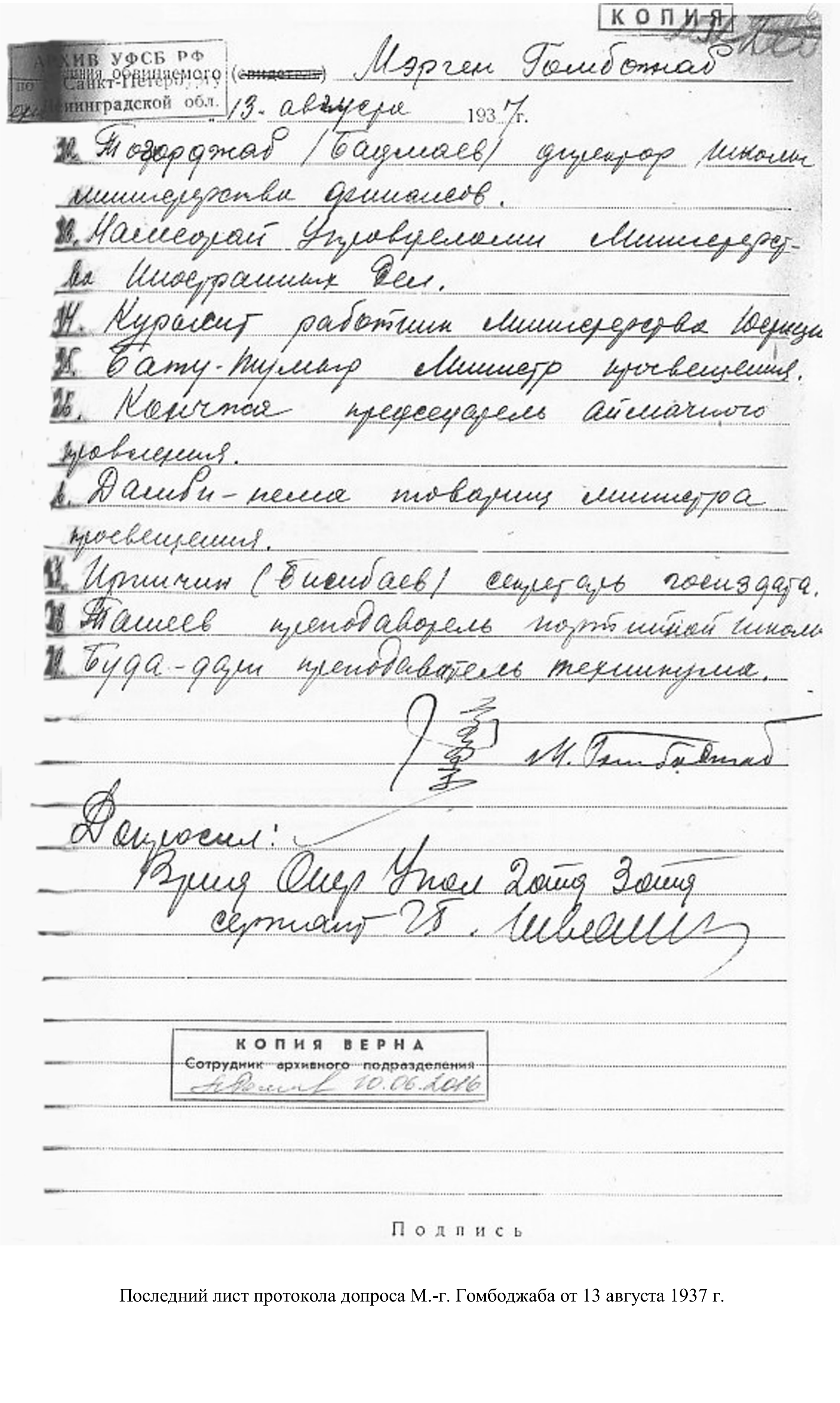
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции учился

б) после революции учился.

11. Состав семьи жена Гомбоева Антонина Николаевна (близкие родственники их имена, фамилии, адреса и род занятий) монгольские Оюн-Билик домохозяйка. Сын Цзорикту 6 лет, дочь Билигту 3 года проживают В/о. 12 линия д 33 кв 17. М. Гомбоджаб

Первый лист протокола допроса М.-г. Гомбоджаба от 12 августа 1937 г.


КОПИЯ

АРХИВ УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл.

Показания обвиняемого (свидетеля) Мэргэн Гомбожаб

13 августа 1937 г.

Тогорджаб (Бадмаев) директор школы министерства финансов.

Намсорай Управляющий Министерства Иностранных Дел.

Куруш работник Министерства Юстиции

Бату-Тумур Министр просвещения.

Кончток председатель аймачного управления.

Дамби-нема товарищ министра просвещения.

Иринчин (Бимбаев) секретарь госиздата.

Ташеев преподаватель партийной школы

Буда-даши преподаватель техникума.

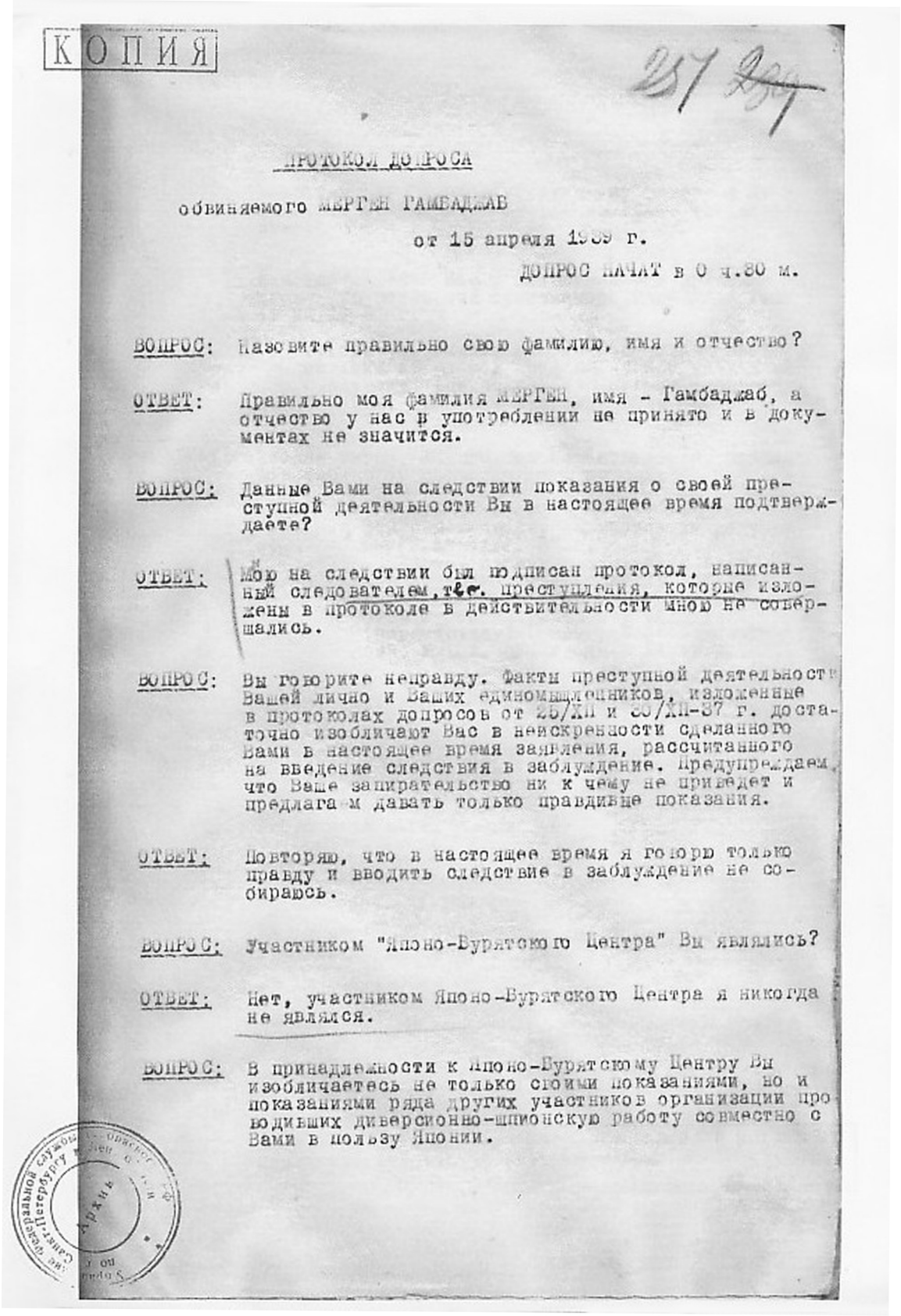
М. Гомбожаб

Допросил:
Врид Опер Уполн 2 отд 3 отд
сержант ГБ [illegible]

КОПИЯ ВЕРНА
Сотрудник архивного подразделения
10.06.2016

Подпись

Последний лист протокола допроса М.-г. Гомбоджаба от 13 августа 1937 г.



КОПИЯ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого МЭРГЭН ГАМБАДЖАБ

от 15 апреля 1939 г.

ДОПРОС НАЧАТ в 0 ч.30 м.

ВОПРОС: Назовите правильно свою фамилию, имя и отчество?

ОТВЕТ: Правильно моя фамилия МЭРГЭН, имя - Гамбаджаб, а отчество у нас в употреблении не принято и в документах не значится.

ВОПРОС: Данные Вами на следствии показания о своей преступной деятельности Вы в настоящее время подтверждаете?

ОТВЕТ: Мною на следствии был подписан протокол, написанный следователем, т.е. преступления, которые изложены в протоколе в действительности мною не совершались.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Факты преступной деятельности Вашей лично и Ваших единомышленников, изложенные в протоколах допросов от 25/XII и 30/XII-37 г. достаточно изобличают Вас в неискренности сделанного Вами в настоящее время заявления, рассчитанного на введение следствия в заблуждение. Предупреждаем, что Ваше запирательство ни к чему не приведет и предлагаем давать только правдивые показания.

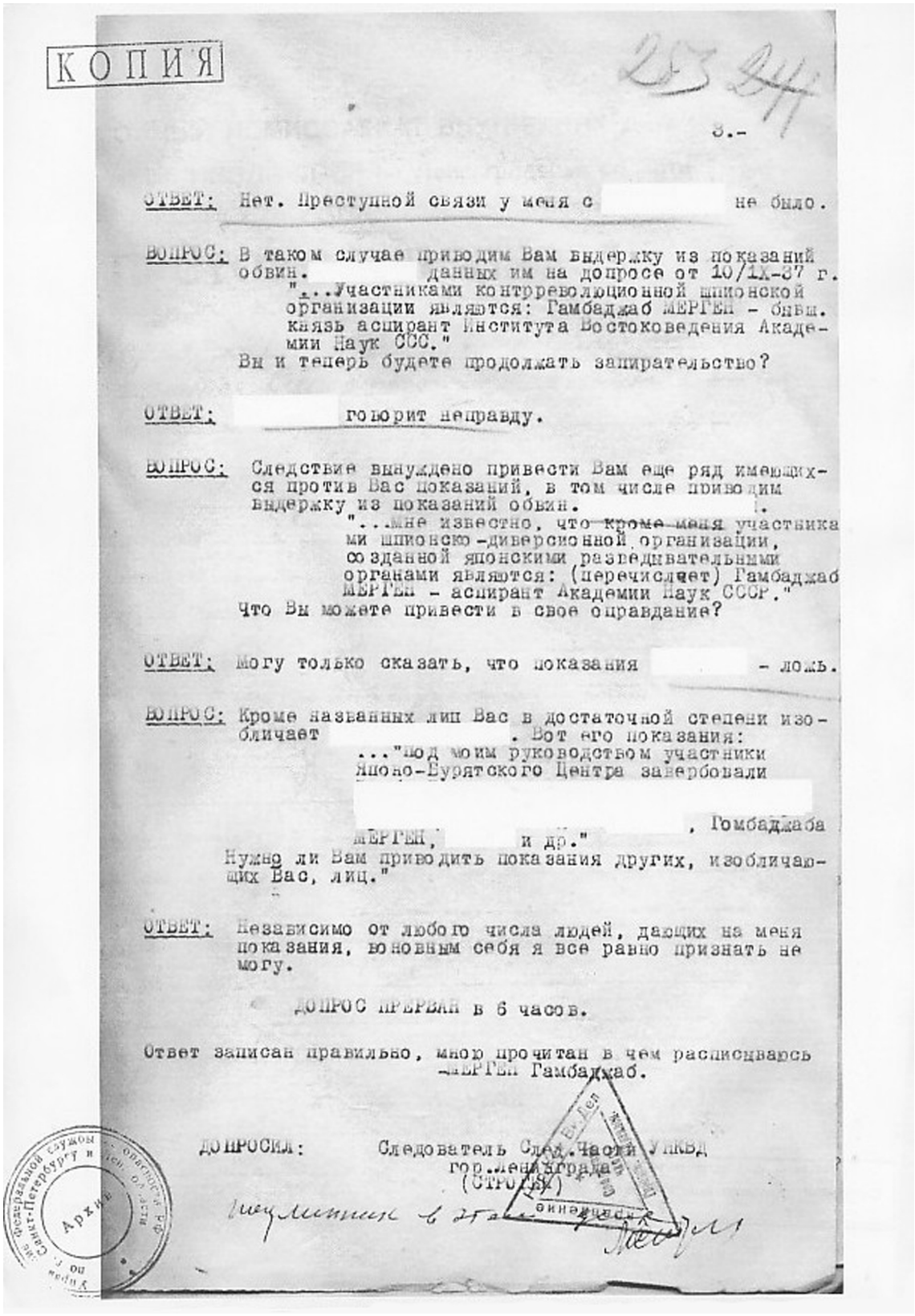
ОТВЕТ: Повторяю, что в настоящее время я говорю только правду и вводить следствие в заблуждение не собираюсь.

ВОПРОС: Участником "Японо-Бурятского Центра" Вы являлись?

ОТВЕТ: Нет, участником Японо-Бурятского Центра я никогда не являлся.

ВОПРОС: В принадлежности к Японо-Бурятскому Центру Вы изобличаетесь не только своими показаниями, но и показаниями ряда других участников организации проводивших диверсионно-шпионскую работу совместно с Вами в пользу Японии.

Первый лист протокола допроса М.-г. Гомбоджаба от 15 апреля 1939 г.



КОПИЯ

283 44

3.-

ОТВЕТ: Нет. Преступной связи у меня с [redacted] не было.

ВОПРОС: В таком случае приводим Вам выдержку из показаний обвин. [redacted] данных им на допросе от 10/IX-37 г.
"...Участниками контрреволюционной шпионской организации являются: Гамбаджаб МЕРГЕН - бывш. князь аспирант Института Востоковедения Академии Наук СССР."
Вы и теперь будете продолжать запирательство?

ОТВЕТ: [redacted] говорит неправду.

ВОПРОС: Следствие вынуждено привести Вам еще ряд имеющихся против Вас показаний, в том числе приводим выдержку из показаний обвин. [redacted]
"...мне известно, что кроме меня участниками шпионско-диверсионной организации, созданной японскими разведывательными органами являются: (перечисляет) Гамбаджаб МЕРГЕН - аспирант Академии Наук СССР."
Что Вы можете привести в свое оправдание?

ОТВЕТ: Могу только сказать, что показания [redacted] - ложь.

ВОПРОС: Кроме названных лиц Вас в достаточной степени изобличает [redacted]. Вот его показания:
..."под моим руководством участники Японо-Бурятского Центра завербовали [redacted], Гомбаджаба МЕРГЕН, [redacted] и др."
Нужно ли Вам приводить показания других, изобличающих Вас, лиц."

ОТВЕТ: Независимо от любого числа людей, дающих на меня показания, воновным себя я все равно признать не могу.

ДОПРОС ПРЕРВАН в 6 часов.

Ответ записан правильно, мною прочитан в чем расписываюсь
МЕРГЕН Гамбаджаб.

ДОПРОСИЛ: Следователь След.Части УНКВД
гор.Ленинграда
(СТРОЙКА)

Последний лист протокола допроса М.-г. Гомбоджаба от 15 апреля 1939 г.

КОПИЯ

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 14 284

совещания при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР

от „19" февраля 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
24667/УНКВД Ленинской области, по обв. Гамбаджаб, 1906г.р., у, Хахло-Монголия, Донский Аймака, монгольский МНР, сын монгольского князя, б/парт.	МЕРГЕН Гамбаджаб за участие в шпионскойдиверсионной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, срок с 11-го августа 1937г.

Направлена ... 193 ... /ИВАНОВ/

Отв. секретарь Народного совещания

АРХИВ УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл.

КОПИЯ ВЕРНА

Сотрудник архивного подразделения 10.06.2016

Выписка из протокола совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР от 19 февраля 1940 г.

Д. А. Носов

Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде

1920-е и 1930-е гг. стали для Советской России периодом формирования научных и образовательных институтов, отвечавших за подготовку различных специалистов по советскому и зарубежному Востоку и его всестороннее изучение. Активное участие в этом процессе принимали как молодые ученые, так и ориенталисты с мировым именем, прошедшие школу русского классического востоковедения. Тем самым была обеспечена преемственность научной традиции и расширение ее влияния далеко за пределы России.

Особую роль в этом играло учебное заведение, организованное постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 7 сентября 1920 г. на базе бывшего Лазаревского (Армянского) института в Москве и получившее название Центральный институт живых восточных языков. По техническим причинам этот институт должен был временно располагаться в Петрограде [Иориш, Кононов, 1977. С. 19]. Идея создания высшей практической востоковедной школы возникла за год до революции среди петроградских востоковедов [Там же. С. 21], а датой фактического учреждения ЦИЖВЯ принято считать 20 октября 1920 г., когда его приняли на довольствие, приравняв в правах к военно-техническим вузам [Там же. С. 22]. За первые пять лет своей работы в Петрограде институт дважды переезжал и в июле 1925 г. получил наконец в свое распоряжение удобное для организации учебного процесса бывшее здание Государственного контроля, находившееся по адресу: Максимилиановский переулок (ныне переулок Пирогова), дом 7 [Там же. С. 22—23].

Институт, до ликвидации его в 1938 г., сменил несколько названий: ЦИЖВЯ 18 августа 1922 г. был переименован в Петроградский институт живых восточных языков [Там же. С. 31], в 1924 г. — в Ленинградский институт живых восточных языков (далее: ЛИЖВЯ) [Там же. С. 40], а 4 июня 1927 г. — в Ленинградский Восточный институт [Там же. С. 58].

С самого основания Института особую роль в его работе играли монголоведы. Первым ректором был избран Владислав Людвигович Котвич (1872—1944), а его заместителем с 4 декабря 1920 г. по 12 января 1921 г. являлся Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931) [Там же. С. 23—24]. В разное время в структуре Института существовало несколько монголоведных подразделений, но особое место всегда занимало специальное отделение для подготовки студентов из МНР. Так, например, одной из причин того, что Институт не был переведен в начале 1925 г. из Ленинграда в Москву, явилось то, что в этом случае пришлось бы ликвидировать монгольский сектор, состоявший из командированных Монгольской республикой слушателей. Монголы были бы вынуждены уехать для обучения в другие страны, что сочли политически недопустимым [1].

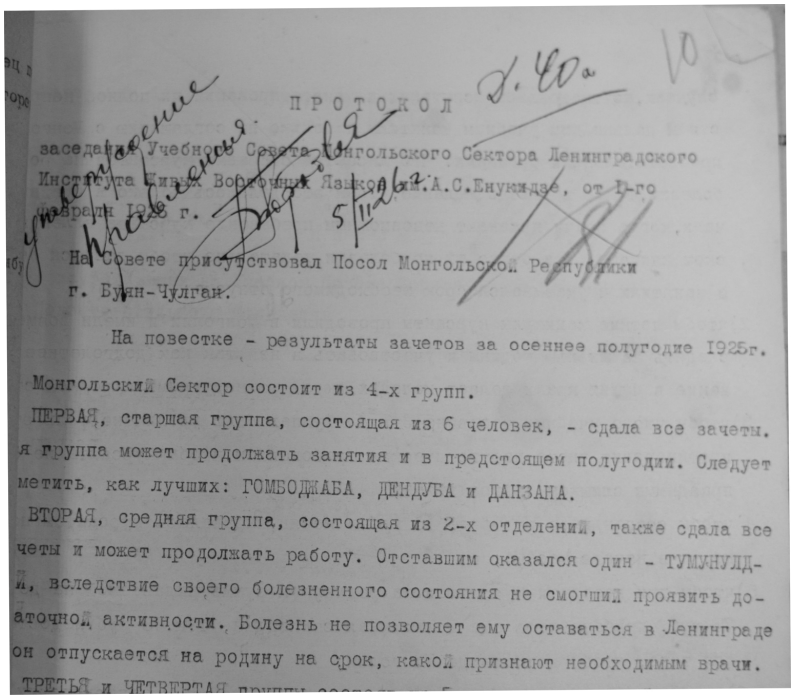
Студенты из Монголии командировались двумя организациями: Министерством просвещения и Монценкоопом. В период обучения им оказывали поддержку как сотрудники посольства, так и простые земляки и единоверцы-буддисты. В структуре ЛИЖВЯ в начале 1925 г. существовало специальное общежитие для студентов-монголов на 20 человек [2]. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить его адрес, но по косвенным данным мы можем предположить, что оно располагалось по адресу: Ленинград, Старая Деревня, Благовещенская улица, дом 15. Именно здесь, согласно алфавитному списку научных работников ЛИЖВЯ на 20 апреля 1926 г., проживала большая часть лекторов из Бурятии и Монголии, в том числе преподаватель подготовительного отделения (и одновременно студент старших курсов ЛИЖВЯ) Бямбын Ринчен (1905—1977) [3], будущий академик АН МНР. Ныне эта улица является частью Приморского проспекта, где находятся построенный в 1907—1909 гг. жилой дом и возведенный в 1909—1915 гг. буддийский храм. Также из одного документа следует, что медицинскую помощь монгольским студентам оказывал тибетский врач [4].

В 1925/26 учебном году среди преподавателей ЛИЖВЯ числились такие выдающиеся монголоведы, как Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин (1879—1956) и Н. Н. Поппе (1897—1991) [5]. Как свидетельствуют документы Института, в этом учебном году среди студентов из Монголии оказался талантливый моло-

[1] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 6. Д. 3. Л. 4.
[2] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 6. Д. 3. Л. 6.
[3] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 14. Л. 1.
[4] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 10.
[5] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 14. Л. 1—2.

дой человек — Мэргэн-гун Гомбоджаб (1906—1940).

К сожалению, о первом пребывании М. Гомбоджаба в Ленинграде известно немногое, не было точно известно, в каком именно году — 1924-м или 1925-м — он поступил в ЛИЖВЯ [Тамир, Аира, 2016. С. 43]. Монгольским историкам на основе архивных материалов, хранящихся в Санкт-Петербурге и Улан-Баторе, удалось убедительно доказать тот факт, что будущий ученый прибыл в Институт не ранее осени 1925 г. [Тамир, Аира, 2016. С. 44].



ПРОТОКОЛ

заседания Учебного Совета Монгольского Сектора Ленинградского Института Живых Восточных Языков им.А.С.Енукидзе, от 1-го февраля 1926 г.

На Совете присутствовал Посол Монгольской Республики г. Бурн-Чулган.

На повестке - результаты зачетов за осеннее полугодие 1925г.

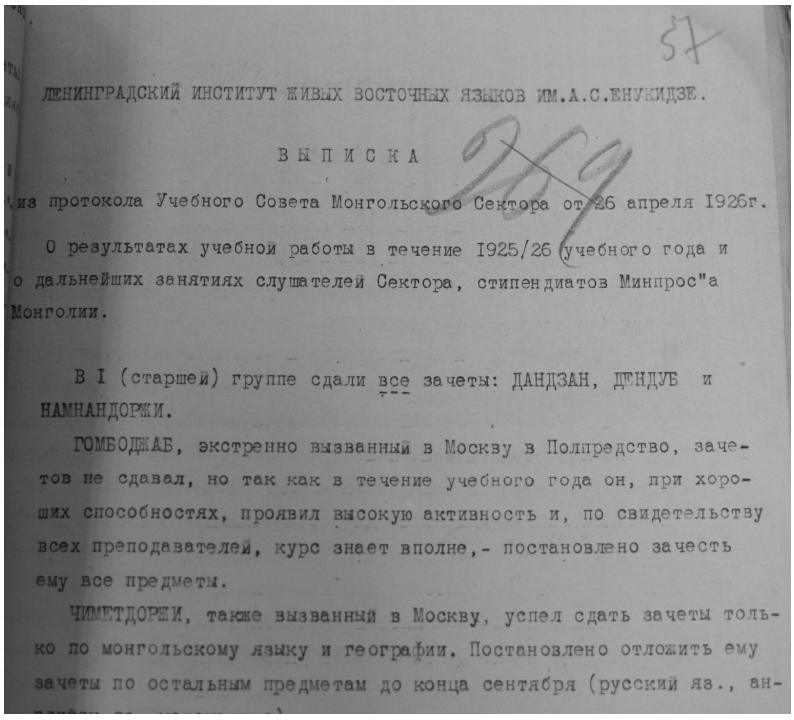
Монгольский Сектор состоит из 4-х групп.

ПЕРВАЯ, старшая группа, состоящая из 6 человек, - сдала все зачеты. я группа может продолжать занятия и в предстоящем полугодии. Следует метить, как лучших: ГОМБОДЖАБА, ДЕНДУБА и ДАНЗАНА.

ВТОРАЯ, средняя группа, состоящая из 2-х отделений, также сдала все четы и может продолжать работу. Отставшим оказался один - ТУМУНУЛД-, вследствие своего болезненного состояния не смогший проявить до-аточной активности. Болезнь не позволяет ему оставаться в Ленинграде он отпускается на родину на срок, какой признают необходимым врачи.

ТРЕТЬЯ и ЧЕТВЕРТАЯ группы

Выдержка из протокола заседания Учебного Совета монгольского сектора ЛИЖВЯ от 1 февраля 1926 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 10)



ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ ИМ.А.С.ЕНУКИДЗЕ.

ВЫПИСКА

из протокола Учебного Совета Монгольского Сектора от 26 апреля 1926г.

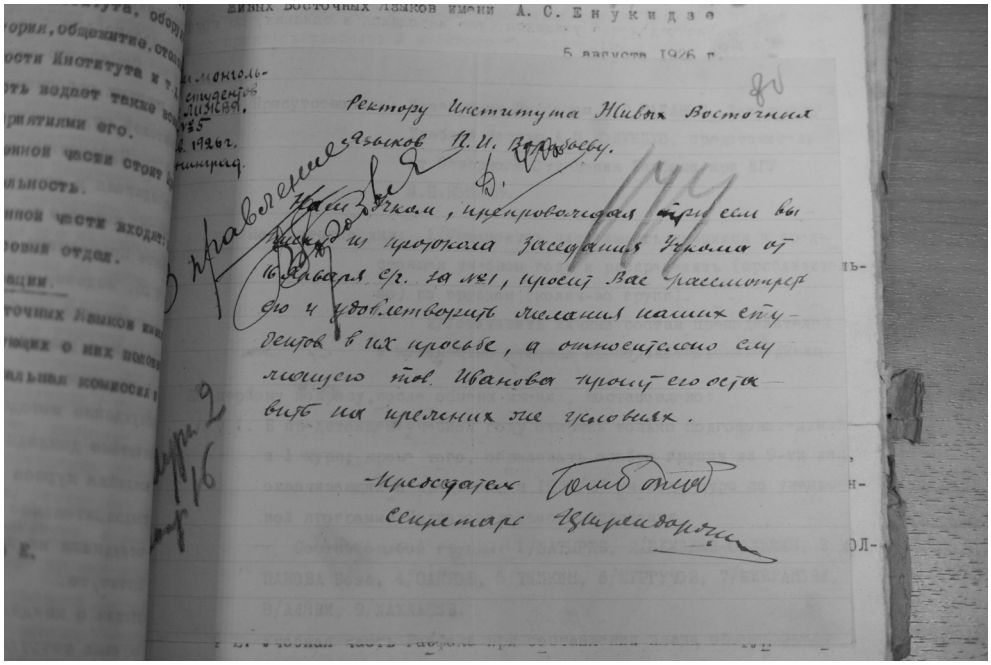
О результатах учебной работы в течение 1925/26 учебного года и о дальнейших занятиях слушателей Сектора, стипендиатов Минпрос"а Монголии.

В I (старшей) группе сдали все зачеты: ДАНДЗАН, ДЕНДУБ и НАМНАНДОРЖИ.

ГОМБОДЖАБ, экстренно вызванный в Москву в Полпредство, зачетов не сдавал, но так как в течение учебного года он, при хороших способностях, проявил высокую активность и, по свидетельству всех преподавателей, курс знает вполне,- постановлено зачесть ему все предметы.

ЧИМЕТДОРЖИ, также вызванный в Москву, успел сдать зачеты только по монгольскому языку и географии. Постановлено отложить ему зачеты по остальным предметам до конца сентября (русский яз., ан-

Выдержка из протокола заседания Учебного совета монгольского сектора ЛИЖВЯ от 26 апреля 1926 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 57)



Записка ректору ЛИЖВЯ от Учкома монгольских студентов при ЛИЖВЯ № 5 от 19 января 1926 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 80)

Несмотря на скудность материалов, касающихся учебы М. Гомбоджаба в ЛИЖВЯ, мы можем с полным правом утверждать, что он проявлял выдающиеся способности. В протоколе заседания Учебного совета Монгольского сектора ЛИЖВЯ, состоявшегося 1 февраля 1926 г. в присутствии посла Монгольской республики г. Буянчулгана он был отмечен как один из лучших студентов старшей группы по итогам успешной сдачи всех зачетов за осеннее полугодие 1925 г. [6]

Через несколько месяцев, 26 апреля 1926 г., Учебный Совет Монгольского сектора решает «зачесть ему все предметы» без сдачи зачетов, так как «в течение учебного года он, при хороших способностях, проявил высокую активность и, по свидетельству всех преподавателей, курс знает вполне» [7]. Это был уникальный случай для Института. Несмотря на то что М. Гомбоджаб был не единственным, кто отсутствовал по уважительной причине (был экстренно вызван в Полпредство), только ему позволили не проходить аттестацию. Это, по нашему мнению, является красноречивым свидетельством того, насколько высоко преподаватели ценили трудолюбие и таланты студента.

В годы учебы в ЛИЖВЯ М. Гомбоджаб проявил себя не только как одаренный исследователь, но и как общественный деятель, возглавлявший Ученый комитет монгольских студентов Института [8].

За последние несколько лет были найдены новые документы, свидетельствующие о значительной роли Ленинграда как образовательного центра для монгольской молодежи в 1920—1930-е гг., по-новому были осмыслены события этого времени. Предстоит большая работа по восстановлению творческого пути М. Гомбоджаба. Но и те документы, что упомянуты в данной статье, красноречиво свидетельствуют о том, сколь важной была деятельность этого молодого ученого для формирования советско-монгольских научных связей, позволяющих плодотворно сотрудничать и в настоящее время.

Литература

Иориш, Кононов, 1977: *Иориш И. И., Кононов А. Н.* Ленинградский восточный институт. М., 1977 (*Iorish I. I., Kononov A. N.* Leningradskij vostochnyj institut. M., 1977).

Тамир, Аира, 2016: Мэргэн гүн Гомбожаб (Намтар, баримт, эх сурвалж) / Т. Тамир, Т. Аира эрхэлсэн. Улаанбаатар, 2016 (Mergen gun Gombozhab (Namtar, barimt, eh survalzh) / T. Tamir, T. Aira jerhjelsjen. Ulaanbaatar, 2016).

[6] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 10.
[7] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 57.
[8] ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 7. Д. 26. Л. 80.

Т. Тамир, Т. Аира

Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба

Арест М.-г. Гомбоджаба застал ученого в самый напряженный период его научной деятельности. Им только что была написана кандидатская диссертация, началась работа над монографией по изданию монгольской исторической летописи «Цагаан туух». За спиной были Ленинградский институт живых восточных языков, Филологическое отделение в Сорбонне, работа в Бурятском ученом комитете. К этому времени М. Гомбоджабом была собрана довольно большая личная монголоведческая библиотека. Она состояла из основополагающих и новейших исследований истории, языка, культуры монгольских народов. Большая часть книг представляет собой дар российских ученых своему коллеге, молодому другу и ученику. Несмотря на тяжелые годы репрессий, коснувшиеся всей семьи М.-г. Гомбоджаба, его родные смогли сохранить почти все книги. Большой поклон за это в первую очередь его жене, нашей бабушке, А. Н. Боржоновой, которая пронесла эти книги через всю свою жизнь, включая места ссылки. Ниже мы предлагаем список книг, до настоящего времени хранящихся в нашей семье как самая главная реликвия нашего знаменитого предка, нашего деда — ученого-монголоведа, сайн-нойона Мэргэнгуна Гомбоджаба.

1. Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.

Примечание об особенностях экземпляра: печать: «Библиотека ... С.-Петербургского университета»; печать: «Студенческой библиотеки И. К. У.»; надпись: «Книга выдана гр. Гомбоджаб в обмен из библиотеки ЛГУ. 27/VI 37».

2. Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929 (2 экземпляра).

Примечание об особенностях экземпляра: надпись «29/X-29. г. Иркутск»; дарственная надпись: «Дорогому молодому товарищу по научной работе А. Н. Боржоновой от автора».

3. Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. С.-Петербург, 1910.

Примечание об особенностях экземпляра: экслибрис M. G. (Mergen Gombojav); дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Гомбожапу Мергену от автора».

4. Козьмин Н. Н. Очерки скотоводческого хозяйства в Бурреспублике. Земельные нормы скотоводческого населения Бурятии. Вып. II Верхнеудинск, 1926.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Уважаемой А. Н. Боржоновой от автора. Каждый народ должен иметь собственную территорию; без земли нельзя построить хозяйство и не на чем создавать культуру. 29/X 29 г. Иркутск».

5. Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири. Издание Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Иркутск, 1923 (2 экземпляра).

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Уважаемой Агриппине Николаевне Боржоновой от автора»; надпись: «г. Иркутск, 29 X 29»).

6. Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.

Примечание об особенностях экземпляра: экслибрис M. G. (Mergen Gombojav); надпись: «29/X-29. г. Иркутск. Подпись: Боржонова». Дарственная надпись: «Агриппине Николаевне Боржоновой на память об общей работе». Подпись: «Козьмин».

7. Poppe N. Geserica. (Untersuchung der sprachlichen eigentümlichkeiten der mongolischen version des gesserkhan). Separatum. Asia major. Lipsiae, MCMXXVI.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Дорогому Гомбоджабу от автора. 12/XII 26».

8. Поппе Н. Н. Чуваши и их соседи. Общество изучения местного края. Чебоксары, 1927.

Примечание об особенностях экземпляра: надпись: «А. Боржоновой».

9. Poppe N. Das Mongolische sprachmaterial einer leidener handschrift. (Поппе Н. Н. Монгольский языковой материал одной Лейденской рукописи.) Известия Академии наук СССР. 1927. Ленинград, 1928 (2 экземпляра)

Примечание об особенностях первого экземпляра: дарственная надпись на старомонгольском: «Эрхэм нөхөр Гомбожав Танд өргөв. Н. Поппе»; Дарственная надпись на втором экземпляре: «Эрхэм

нөхөр Оюунбилэг Танд өргөв. Н. Поппе» (на старомонгольском языке).

10. Хороших П. П. Музыкальные инструменты, театр и народные развлечения бурят-монголов (Опыт программы). 1926. Отдельный оттиск из «Бурятоведческого сборника» бурят-монгольской секции ВСОРГО. Вып. 1. С. 52—68.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись «А. Н. Боржоновой от автора. 23/I-1926».

11. Поппе Н. Н. Аларский говор. Часть первая. Ленинград, 1930.

Примечание об особенностях экземпляра: экслибрис M. G.; дарственная надпись на старомонгольском: «Эрхэм нөхөр Оюунбилэг Танаа дурсгал болгож өргөв. Н. Поппе».

12. Поппе Н. Н. Дагурское наречие. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6. Издательство Академии наук СССР. Ленинград, 1930.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись на старомонгольском: «Эрхэм нөхөр Оюунбилэг Танд барив. Н. Поппе».

13. Летописи хоринских бурят. Вып. I: Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе. Труды Института востоковедения. IX. Материалы для истории бурят-монголов. II. Москва; Ленинград, 1935.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Многоуважаемому Гомбоджаб Мэргэну от Н. Поппе. 3/X 35».

14. Поппе Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. Труды Института востоковедения. XXVI. Издательство Академии наук СССР. Москва; Ленинград, 1937.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Дорогому Гомбоджабу на добрую память от автора».

15. Поппе Н. Н. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Труды института востоковедения. XII. Москва; Ленинград, 1939.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Многоуважаемому Гомбоджабу Мэргэну от издателя».

16. Поппе Н. Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. Образцы народной словесности монголов. Том V. Москва; Ленинград, 1963.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Гомбоджабу Мэргэну от (неразборчиво)».

17. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. (B. Vladimircov. Inscriptionssur roches de Tsoktu-taiji de Khalkha). Издательство Академии наук СССР. Ленинград, 1927.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись на старомонгольском: «Эрхэм нөхөр Го. Мэргэн Танд барив. Өчүүхэн Владимирцовааас».

18. Владимирцов Б. Я. Где «пять халхаских поколений». (Доложено в заседании ОН 1.X.1930). Доклады Академии наук СССР, 1930.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «A monsieur Gombojab Mergen de son ami fidele. B. V.».

19. Цыбиков Г. Ц. Учебник монгольского языка для самостоятельного изучения грамотными по-русски. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Бургосиздат. Верхнеудинск, 1929.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Kundete nөhөr Mergen Gombozhabte zokijoogchini bariba. 10/III 1930».

20. Хороших Пав. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири. Опыт инструкции. Издание этнологической секции Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. 1925.

Примечание об особенностях экземпляра: надпись: «От автора»; дарственная надпись: «А. Боржоновой. 20.XII.25 г.».

21. Бамбаев Б. Б. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1929.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Дорогому другу Оюн-билик от автора. г. В. Удинск. 26/XI-29».

22. Санжеев Г. Д. Дархатский говор и фолькор. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 15. Издательство Академии наук СССР. Ленинград, 1931.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «А. Н. Боржоновой».

23. Барадин Б. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Издание всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. Баку, 1929.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Erhim nuker Mergen Gombojabta bariba. B. Baraadin 1930 on».

24. Барадин Б. Краткое руководство по грамматике и графетике нового бурят-монгольского литературного языка. Бургоиздат. Верхнеудинск, 1931.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Kairata nөhөr Gombojab Mergende kamta kөdөlmөrlөsөnii duraskalda, haluun zyrkenii өmөnөөs barijna. Подпись, 1931».

На первой странице в предисловии: «Всем товарищам, помогавшим мне в составлении краткого руководства, в особенности Гомбоджапу Мэргэну, приношу здесь горячую мою товарищескую признательность».

25. Казакевич В. А. Современное состояние исторических памятников в Восточно-Сибирском крае. Доклады на сессии Академии наук СССР. 17.XII.1934 г.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Дорогому Гомбоджабу от автора

25/XII 35. Исторический сборник АН СССР. 15.IV, 1935».

26. Бурдуков А. В. Этюды по этнографии калмыков.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Уважаемому Гомбоджап Мергену от автора. 1936 г. Ноябрь».

27. Бурдуков А. В. Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов в Джаргалантуйском и Джабхалантуйском округах Монгольской Народной Республики.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Уважаемому Гомбоджап Мергену от А. Бурдукова. 1936. Ноябрь».

28. Гомбоин Л. Фонетическая система бурятского языка. (Тезисы к диссертации на степень кандидата наук). Ленинград, 1936, март. (2 экземпляра).

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Уважаемому Гомбожаб Мергену от автора. Ленинград, 22/III 36»; на другом экземпляре: «Уважаемой Агриппине Николаевне Боржоновой от автора. Ленинград, 22/III 36».

29. Боржонова А. Н. К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими. 1926.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Sain nөkөrdөө (Gombojab) Martahgyi jabakaiin tula bariba. O-B. 24/VI-30. Перед отъездом в Агу-».

30. Боржонова А. Н. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский. Материалы по изучению языка и его диалектов. Иркутск, 1927. (9 экземпляров).

Примечание об особенностях экземпляров: имеются дарственные надписи на четырех экземплярах. На первом — дарственная надпись на старомонгольском: «Сайн их багш нарын дор шавийн мэнд үү Агриппина»; на втором — дарственная надпись на старомонгольском: «Сайн шавь дор миний мэнд үү баяр (?)»; на третьем — дарственная надпись: «Дорогому учителю Марку Константиновичу с приветом. Автор»; на четвертом — дарственная надпись: «Дорогому товарищу — славной Марии Владимировне от Оюнбилики. 30/III-30».

31. Санжеев Г. Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 8. Издательство Академии наук СССР. Ленинград, 1930 (3 экземпляра)

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Глубокоуваж. А. Боржоновой от автора. 10/IV 30; В-Удинск, 19/IV 30. Ojuunbilig».

32. Казакевич В. А. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева. Летописи хоринских бурят. Труды Института востоковедения. IX. Материалы для истории бурят-монголов. II. Издательство Академии наук СССР. Москва; Ленинград, 1935.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Дорогому Гомбоджабу от автора и издателя. 29/XII 35».

33. Забанов М. Н. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Бурят-монгольский ученый комитет. Верхнеудинск, 1929.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Боржоновой от (неразборчиво)».

34. Боккаччиогийн зохиол. Декамерон хэмээх бичиг. Цэвээн монголчов. Гадаадын СССР дахь гадаадын үйлдвэрчний хэвлэлээс БНМАУ-ын ардын гэгээрүүлэх яамны захисан ёсоор хэвлэн гаргав. Москва хот. 1936 (на старомонгольском).

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Мэргэну от переводчика 13/III 37».

35. Бертагаев Т. А. Опыт исследования терминотворчества в бурятском языке. (Тезисы диссертации на степень кандидата наук.) Академия наук СССР. 1935, июль.

Примечание об особенностях экземпляра: дарственная надпись: «Уважаемому Гомбожабу от автора. 22/X».

А. Ш. Кадырбаев

Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин

Статья посвящена анализу правовых взаимовлияний между монгольским и казахским народами на базе их памятников степного права: казахского «Жеты-Жаргы», монгольских «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» во время правления династии Цин в Китае, когда ее армия пыталась покорить монгольские народы.

Ключевые слова: степное право, «Жеты-Жаргы», казахи, «Их Цааз», ойраты, калмыки, «Цааджин Бичик», халхасцы, хунтайджи, маньчжуры, Цин, Джунгарское ханство, Чингисиды, султан, нойон, батыр, бий, зайсанг.

Взаимоотношения кочевых народов Великой Степи — тюркоязычных казахов с монголоязычными ойратами-джунгарами и их прямыми потомками калмыками (называемыми общим тюркским словом «калмак» или «калмык» в эпосах тюркских степных народов и их преданиях и в русских документах, где наряду с названием «калмык» по отношению к джунгарам используется термин «зюнгорцы» или «зенгорцы»), а также с халхасцами — восточными монголами, насчитывают сотни лет. Столкновения с ойратами, в этногенезе которых значительна тюркская струя, начались еще в XV в., почти одновременно с выходом казахов как этноса и государства на историческую арену Евразии. Ойраты еще во второй половине XIV в. вышли из-под власти всемонгольского хана, и ими стали управлять их предводители — тайши, тайджи, хунтайджи, чья власть тогда распространялась до западных склонов Хангайских гор на востоке, песков Гоби на юге, Семиречья на западе, верховьев Иртыша и Енисея на севере.

В конце первой половины XV в. ойратов возглавил энергичный Эсен-хунтайджи, объединивший основные ойратские племена и поколения, известные как чоросы, дэрбэты, торгоуты и хошоуты, в один союз, распространивший свою власть на всю Монголию и претендовавший даже на восстановление государства Чингис-хана. Ойраты покинули свою прародину Халху — Монголию, двигаясь на запад в поисках свободных и пригодных для кочевания земель, которые они нашли к северу от Тянь-Шаня, в современной Джунгарии, отвоевывая их в течение XV в. у своих тюркизированных «родичей» — моголов, чье государство возникло на руинах монгольского государства в Средней Азии — Чагатайского улуса — осколка империи Чингисидов. Уже в это время ойраты прорываются до Сыр-Дарьи.

Первым из казахских ханов в войну с ойратами вступил Тахир, правивший в 1523—1531 гг. Он построил у подножия одной горы крепость «Джанатан» для отражения ойратских набегов. В 1626—1627 гг. на тропу войны с ойратами вступал хан Ишим (Есим). В борьбе с ойратами прошла вся жизнь сына и наследника Ишима — Джангир-хана, побывавшего у них в плену. Джангир-хан принял смерть в бою с ойратами в 1652 г., погибнув в единоборстве с хунтайджи Галданом [Султанов, 2001. С. 204; Казахско-русские отношения... 1961. С. 3; Левшин, 1832. С. 59].

К середине XVII в. ситуация на казахских границах меняется. Если до этого угроза шла с востока от ойратов, то после распада в 1627—1628 гг. ойратского союза и откочевки из его пределов части ойратов — племени хошоутов в Тибет, а торгоутов численностью около четверти миллиона человек во главе с Хо-Урлюком в Нижнее Поволжье и создания ими в 30-е гг. XVII в. под протекторатом России Калмыцкого ханства на фоне ослабления Ногайской Орды в этом регионе — положение становится угрожающим для казахов и на западе. Калмыки Поволжья при поддержке Российского государства тревожат своими набегами казахские и ногайские кочевья, доходя даже до Мангышлака, вынудив большинство мангышлакских туркмен отступить на юг, а часть — на запад, в степную зону Северного Кавказа, где и поныне обитают их потомки — ставропольские туркмены.

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские племена, пережив смутное

время, начали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. под предводительством Батурахунтайджи создали Джунгарское ханство, ставшее последней кочевой империей в истории Центральной Азии. В сентябре 1640 г. по инициативе правителей обновленной Джунгарии в Тарбагатае собрался всемонгольский съезд — чулган, где был принят в качестве всемонгольского ойратский свод законов «Их Цааз» — «Великое уложение», призванный усилить единство монгольских народов под главенством ойратов перед лицом внешней опасности и уменьшить вероятность усобиц. Объединительные меры Батурахунтайджи, правовой основой которых в строительстве джунгарской государственности был «Их Цааз», сопровождались развитием городов, буддийских ламаистских монастырей, земель, ремесел в подвластных Джунгарскому ханству с XVII в. оседлых областях Восточного Туркестана и Прииссыккулья [Златкин, 1983; Моисеев, 1991]. К концу XVII в. положения «Их Цааз» стали основой монгольского правового памятника «Цааджин Бичик», принятого маньчжурской династией Цин, в 1644 г. завоевавшей Китай и подчинившей Халху — Монголию, для управления халха-монголами, а позднее, после разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками в 1759 г., и ойратами.

Примерно с этой же эпохой связано создание законодательного памятника казахов «Жеты-Жаргы» — «Семь уложений» хана Тауке, текст которого во многом перекликается с ойратским «Их Цааз», что, несомненно, свидетельствует о культурных связях между этими кочевыми народами. Время правления сына Джангир-хана Тауке ассоциируется в казахской народной памяти с «золотым веком» казахской государственности, когда «народ жил в покое, существовал порядок, были законы и правосудие», олицетворением которых были суд биев и «Семь уложений» хана Тауке. При всех ратных достижениях Тауке-хана, снискавшего славу знатока военного дела и получившего за храбрость титул «батыра» в боях с ойратами и калмыками, все же главная его заслуга в казахской истории состоит в том, что он был вдохновителем законотворчества и в этом качестве строителем Казахского государства. Неудивительно, что ко времени правления хана Тауке относится деятельность самых знаменитых представителей суда биев — глав родов и племен в Казахской степи. По преданию, Тауке-хан собрал для совета трех биев — Тюля-бия из Старшего жуза, Казбек-бия из Срединного жуза, Айтек-бия из Младшего жуза — этнополитических объединений, из которых состояло Казахское ханство, называемых в русских источниках ордами, составил и обсудил с ними некоторые законоположения, регулировавшие жизнь казахского общества. По другому преданию, Тауке-хан собрал семь биев и эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Есима в новые обычаи, называемые «Жеты-Жаргы». Можно утверждать, что идея создания «Жеты-Жаргы» относится к 70-м гг. XVII в. и что создание «Жеты-Жаргы» явилось ответным действием казахского Тауке-хана и его окружения на законодательную инициативу противника Казахского государства правителя Джунгарского ханства Галданахунтайджи, когда казахи вели изнурительную борьбу с джунгарами. Появление «Жеты-Жаргы» обусловлено стремлением приспособиться к новой военно-политической ситуации, сплотив казахов для борьбы с внешним врагом — джунгарами, война с которыми была неизбежной.

Насколько известно, у самих казахов «Жеты-Жаргы» не было записано. Оно дошло до нашего времени в поздних записях российских ученых и известно в двух редакциях на русском языке. Одиннадцать фрагментов «Жеты-Жаргы», впервые записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» (т. е. рода жаппас) Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника».

Текст второй редакции памятника приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А. Левшина, видного российского ученого и государственного деятеля. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента «Жеты-Жаргы») запись А. Левшина не представляет памятник в первоначальном виде. Как Г. Спасский, так и А. Левшин, записали «Уложения» хана Тауке спустя более 100 лет после его составления, что отразилось на точности его передачи, в частности из-за публикации его не на языке оригинала. Тем не менее именно Г. Спасскому и А. Левшину принадлежит честь открытия «Жеты-Жаргы» для мировой науки. Таким образом, история изучения памятника имеет давнюю традицию. К «Жеты-Жаргы» обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов.

Сходство между казахским и ойратским «Уложениями» объясняется и идентичными условиями хозяйственно-производственной деятельности кочевого образа жизни, который вели казахи и ойраты с калмыками и халхасцами, несмотря на то, что казахи оказались под влиянием исламской цивилизации, а ойраты и калмыки с халха-монголами — ламаистской или тибетской ветви буддизма. Несмотря на многовековые контакты с исламской цивилизацией, мусульманами стали лишь немногие ойраты, отюреченные потомки которых стали известны в Средней Азии позднее под названием сарт-калмак, ныне представляющих одно из родоплеменных объединений киргизов. А из современных монголоязычных народов мусульманами стали немногочисленные дунсяне (150 тыс. чел.) и баоань (10 тыс. чел.), живущие ныне в Северо-Западном Китае и в Восточном Туркестане или Синьцзяне.

Как и «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» носил сословный характер, законодательно закреплял традиционные привилегии ойратского и калмыцкого обществ и деление их на «цаган» и «хара ясун» («белую» и «черную кость»). Если у казахов высшими сословиями были знать «белой кости» — потомки Чингисхана, они же султаны или «торе», из числа которых вышли все ханы Казахского ханства, и «кожа», или

ходжи — потомки сподвижников пророка Мухаммада, представители мусульманского духовенства, то, как представляется, у ойратов и калмыков им соответствовали по властным полномочиям, но не по происхождению, хунтайджи-правители и нойоны. Нойоны принадлежали к «белой кости» и вели свою родословную от предков Чингис-хана. Как и титул «султан» у казахов, звание «нойон» было наследственным, по праву рождения. Большим почетом в ойратском и калмыцком обществах пользовались ламаистские священнослужители, освобожденные от податей, военной службы и прочих повинностей, в подчинение им хунтайджи и нойонами выделялись из простых кочевников люди, так называемые «шабинеры», освобожденные по закону от податей и несения воинской службы.

К ойратской знати «черной кости», подобно биям у казахов, вероятно, можно отнести зайсангов, которые часто по наследству управляли аймаками — административно-хозяйственными единицами, на которые делились Джунгарское и Калмыцкое ханства. Но, в отличие от биев, власть которых над своим родом-племенем всегда вытекала из наследственного принципа, зайсанги могли быть отстранены от власти по произволу нойонов и хунтайджи, могли лишиться этого звания и даже жизни. В казахском же обществе чаще ханы опасались биев, поскольку из-за трений с ними могли лишиться военной поддержки возглавляемых биями родоплеменных ополчений, из которых в основном формировалось войско Казахского ханства. Кроме того, ойраты и калмыки не знали такого явления, как суд биев, освященного казахской народной традицией, поскольку зайсанги не обладали судебными полномочиями. Особое место в ойратской сословной структуре занимали дарханы и эркетени, где-то очень условно их можно сравнить с казахским сословием батыров. Они за особые заслуги освобождались от податей, повинностей и власти зайсангов, могли свободно кочевать в составе любого аймака или даже вне его. По законам 1640 г. дарханом становился тот, кто спасал жизнь нойона в бою. В Калмыцком ханстве возможности стать дарханом значительно расширились, при этом не только они сами, но и члены их семей освобождались от податей и повинностей.

Основную массу населения Джунгарского и Калмыцкого ханств составляли простолюдины-кочевники, так называемые албату. Как и казахские кочевники, они несли воинскую повинность, платили подати на содержание хунтайджи и нойонов, однако на этом сходство заканчивается. Если казахские кочевники были людьми свободными, к тому же имевшими личное оружие, хотя и не обладали правами знати «белой» и «черной кости», то албату, в отличие от них, были полностью подчинены своим нойонам и зайсангам, которые могли их наказывать, освобождать, продавать в одиночку или с семьей другому владельцу. Позднее, к XVIII в., у ойратов и калмыков сложилась категория населения, сопоставимая с аналогичной в казахском обществе — рабами (по-казахски «кул». — *А. К.*), называемыми по-разному — цоохоры, китады, цоохор мухулай, цоохор китады. Они были полностью зависимы от своего хозяина, которым мог быть не только представитель знати, но и простой кочевник. При этом цоохоры составляли «исключительную собственность» хозяев, которой последние могли располагать «по своему усмотрению» [Султанов, 1982. С. 67—76; Горяев, 1997. С. 24—26].

Картина контактов казахов с ойратами, халха-монголами и калмыками в это время будет неполной, если не затронуть наряду с правовым и культурный аспект, в частности языки, на которых основывалась дипломатическая практика указанных сторон, в том числе и во взаимоотношениях друг с другом. К их числу относились монгольский; ойратский, или калмыцкий; среднеазиатский тюрки, или чагатайский; фарси, или персидский языки. Интересно, что посольство хана Срединного жуза казахов Аблая, чье мусульманское имя Абиль-Мансур, в Санкт-Петербург во главе с Урусом вело переговоры с российскими властями в 1762—1763 гг. на монгольском языке. Первое послание цинского императора Цяньлуна к казахам в 1755 г. было переведено на монгольский язык в ставке командующего маньчжуро-китайскими войсками в Джунгарии, а в состав цинского посольства к казахам были включены ойраты как проводники и переводчики. Сам Цяньлун знал монгольский, чагатайский и тибетский языки. Дипломатическая переписка его двора с казахскими и кокандскими ханами осуществлялась и на чагатайском (среднеазиатском тюрки) языке [Бейсембиев, 2004. С. 64].

Некоторые представители казахской верхушки, в частности упомянутый Аблай, хан Срединного жуза, и его современник хан Старшего жуза Жолбарыс, знали персидский и ойратский языки. Известен случай, когда им пришлось «толковать» цинским послам, чей переводчик плохо говорил по-казахски, «на колмацком и персидском разговоре». В 1759 г. цинские власти «отправили обратно к Аблай-салтану с письмами на двух языках — калмыцком и мунгальском» его послов, побывавших при дворе императора Цинской династии. К тому же, как сообщают русские источники, «сам он Аблай по-китайски читать и писать умеет и разговор нарочито знает» [Хафизова, 1995. С. 252—253; АВПРИ, 1762—1763. Л. 49, 54—54 об.].

Среди известных персонажей казахской истории хан Младшего жуза Абулхаир, возглавивший борьбу казахов с джунгарским нашествием, в молодости долгие годы провел в окружении калмыцкого хана Аюки, хорошо знал калмыцкий язык и традиции калмыков. К этому можно добавить, что одной из жен Абулхаир-хана была калмычка Баяна.

Таким образом, взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками — это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение, как в дипломатической практике, «династийных» браках представителей

знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками — «Жеты-Жаргы» и «Их Цааз», а также халхасцев — «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом.

Вместе с тем, при всех параллелях между «Жеты-Жаргы» с «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», они имеют и существенные отличия, поскольку в казахском обществе не было такой более всеобъемлющей власти государства над подданными, как в Джунгарском и Калмыцком ханствах, которые хотя и нельзя еще назвать, по этому признаку, государствами восточной деспотии, но все же можно признать, что ойраты и калмыки гораздо ближе подошли к этому образцу, чем казахи, не говоря уже о положении халха-монголов, подвластных маньчжурской династии Цин, правившей с 1644 г. в Китае и Халхе — Внешней Монголии. Ойратский «Их Цааз», и в особенности халхаский «Цааджин Бичик», отличаются от «Жеты-Жаргы» чрезмерной регламентацией всех сторон общественной и частной жизни кочевников. Если в «Уложении» Тауке-хана есть понятие преступления против личности, но нет понятия преступления против государства, то в «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» за преступления против государства предусмотрена целая система жесточайших наказаний — от крупных штрафов в виде взимания с виновного голов скота, ударов плетью или палками до заточения в тюрьму и смертной казни путем удушения, отсечения головы, разрубания на куски, а также отдачи в рабство виновного и его семьи. А в «Жеты Жаргы» предусмотрено, что если, например, сын доносил на отца, совершившего преступление против государства или кого-либо, то наказанию подвергали в первую очередь сына за донос, ибо «на старшего нельзя доносить». К тому же, в отличие от хунтайджи, халхаских владетелей и маньчжурских богдыханов, казахские ханы и султаны не могли наказывать преступников без согласия глав родов и племен — биев, в руках которых была законодательная и судебная власть, ополчения возглавляемых ими родов, формировавшие основные военные силы Казахского ханства, а если такие попытки предпринимались, то род, из которого происходил виновный, вставал на его защиту [Моисеев, 1991. С. 90].

Вышеизложенные обстоятельства обусловили более, говоря современным языком, конечно, с заметной долей условности, «демократический» характер «Жеты-Жаргы» сравнительно с «Их Цааз» [Их Цааз, 1981; Голстунский, 1880; Гольман, 1959. С. 139—162] и «Цааджин Бичик» в части прав и свобод всех сословий кочевого общества, каковыми были казахи, ойраты и калмыки, халха-монголы, но предопределили большую слабость казахской государственности по сравнению с джунгарской, и тем более с халха-монгольской под властью Цинской династии, на порядок более централизованными и эффективными в плане военной организации, что и проявилось в джунгарско-казахских войнах и столкновениях казахов с калмыками и цинскими войсками, кавалерию которых в немалой степени представляли халхасцы. Но войны канули в Лету, а культурные контакты этих народов продолжаются, поскольку невозможно представить историю казахов вне связей с монгольскими народами — ойратами, калмыками и халхасцами, какими бы неоднозначными они ни были, о чем и свидетельствуют рассмотренные выше памятники права казахов, ойратов и халха-монголов — «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» и «Цааджин Бичик».

Таким образом, «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» являются законодательными памятниками кочевых народов Центральной Азии XVII—начала XVIII в. Они позволяют оценить мир, в котором появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим произведениям видно, как их творцы трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным.

Использованные источники и литература

АВПРИ, 1762—1763: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762—1763. Д. 9 (Arhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. F. Kirgiz-Kaysatskiye dela. 1762—1763. D. 9).

Бейсембиев, 2004: *Бейсембиев Т. К.* Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии // Рух-Мирас — Казахстанский культурологический альманах. № 2 (2). 2004 (*Beysembiev T. K.* Sredneaziatskiy (chagatayskiy) tiurki i ego role v kulturnoy istorii Evrasii // Ruh-Miras. Kazakhstanskiy kulturologicheskiy almanah. № 2 (2). 2004).

Голстунский, 1880: *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. Калмыцкий текст с русским переводом. СПб., 1880 (*Golstunskiy K. F.* Mongolo-oyratskie zakony 1640 goda. Dopolnitelnye ukazy Galdan-huntaidzhi i Zakony, sostavlenniye dlia volzhskih kalmykov pri kalmitskom hane Donduk-dashi. Kalmitskiy text s russkim perevodom. SPb., 1880).

Гольман, 1959: *Гольман М. И.* Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. 1959 (*Gol'man M. I.* Russkie perevodi i spiski mongolo-oiratskih zakonov 1640 goda // Mongolskiy sbornik. Ecomomika, istoriya, arheologiya. 1959).

Горяев, 1997: *Горяев М. С.* О состоянии калмыцкого общества и хозяйства в конце XVIII—XIX веке. VII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1997 г. Доклады российской делегации. М., 1997 (*Goriaev M. S.* O sostoyanii kalmitskogo obchestva i hozyaistva v kontse XVIII—XIX veke. VII Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Ulan-Bator, avgust, 1997. Doklady rossiyskoy delegatsii. M., 1997).

Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983 (*Zlatkin I. Ya.* Istoriya Dzhungarskogo hanstva. M., 1983).

Их Цааз, 1981: Их Цааз (Великое уложение) — памятник монгольского феодального права XVII в. / Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструируемый монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. М., 1981 (Yih Zaaz (Velikoye ulozhenie) — pamyatnik mongolskogo feodalnogo prava XVII veka / Oiratskiy text, transliteratsiya svodnogo oiratskogo texta, reconstruiruemiy mongolskiy text i ego transliteratsiya, perevod, vvedeniye i kommentarii C. D. Dylykova. M., 1981).

Казахско-русские отношения… 1961: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Сборник документов и материалов. М., 1961 (Kazahsko-russkiye otnosheniya v XVI—XVIII vekah. Sbornik dokumentov i materialov. M., 1961).

Левшин, 1832: *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. СПб., 1832 (*Levshin A. I.* Opisaniye Kirgiz-kaisatskih ord i stepey. Ch. 2. SPb., 1832).

Моисеев, 1991: *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII—XVIII вв. Алматы, 1991 (*Moiseev V. A.* Dzhungarskoye Khanstvo i kazakhi. XVII—XVIII veka. Almaty, 1991).

Султанов, 1982: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982 (*Sultanov T. I.* Kocheviye plemena Priaraliya v XV—XVII vekah. M., 1982).

Султанов, 2001: *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. Алматы, 2001 (*Sultanov T. I.* Podnyatiye na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana. Almaty, 2001).

Хафизова, 1995: *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.). Алматы, 1995 (*Hafisova K. Sh.* Kitaiskaya diplomatiya v Zentralnoy Asii (XIV—XIX vv.). Almaty, 1995).

A. Sh. Kadyrbaev

Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period

The article is devoted to the analysis of legal relations governed by law between Monglian and Kazakh peoples on base of their steppe legislation — monuments of law: Kazakhish «Jety-Jargy», Mongolian «Ikh Tsaaz» and «Tsaadzhin Bitchig» during rule of Qing dynasty in China when it's army tried to conquer Mongolian peoples.

Key words: «Jety-Jargy», steppe legislation, Kazakhs, «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig», Oirats, Kalmyks, Khalkha-mongols, *huntayji*, manchurs, Qing dynasty, Jungar khanate, *sultan*, *noyan*, *biy*, *zaisang*.

Т. Д. Скрынникова

Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в. [1]

В статье уделяется внимание выявлению тех понятий, которые моделировали в текстах XVII в. границы общемонгольской идентичности. Анализ монгольских текстов показал, что восстановленная Даян-хаганом общемонгольская полития сохраняла свою актуальность и в XVII в., обозначаясь и как *великий Монгольский улус*, и как *Великий улус шести тумэнов*, позиционируя идентичность всей Монголии.

Ключевые слова: Монголия, власть, концепт *великий улус*, шесть тумэнов, традиционная политическая культура.

Монгольские летописи выполняют функцию носителей социальной памяти: актуализация и мультипликация исторических рассказов (мифов?), выступающих в функции «обосновывающей истории». Это свидетельствует об осознании необходимости возрождения через вспоминание исторического прошлого, чтобы, как писал Леви-Стросс, «сделать его движущей силой своего развития». Можно говорить о семиотизации истории. Причем этому процессу подвергаются не только славные страницы монгольской истории, но и трагические фигуры, например Тогон-Тэмур, побежденный китайцами и изгнанный из Пекина. Ему приписывается образование сорока тумэнов монголов (а ретроспективно в «Алтан товчи» — Чингис-хану), а происхождение китайского императора связывают с монголами.

Необходимость обращения к прошлому обусловлена негативными оценками настоящего (отсутствие реального единства монголов перед лицом объединившихся успешных маньчжуров) и неудовлетворенностью реальностью настоящего, что отсылает к воспоминаниям о героическом прошлом. Национальное возрождение (пробуждение) монголов способствовало мобилизации культурно-исторической памяти, противопоставляя нестабильной современности эпоху величия монголов. Ревитализация славных страниц истории приобретает значение в плане формирования представления о себе, а также как фактор, направляющий деятельность. Зафиксированные в письменных памятниках XVI—XVII вв. актуальные концепты были кодифицированы и приобрели устойчивую форму. Причем, безусловно, социально воссозданное прошлое было результатом целенаправленного конструирования. И в этом случае политическая культура представляла собой целый комплекс знания, обосновывавшего идентичность и объективированного в разных символических формах, нашедших отражение и зафиксированных в письменных текстах — рукописях XVII в. В них можно обнаружить мифы, исторические рассказы, нормативные представления, обряды, географические объекты, приобретшие функции/значение символов монгольской идентичности.

Период конца XVI—XVII в. на территории Внутренней Азии и граничившего с ней Китая характеризуется серьезными политическими и межкультурными столкновениями. Это определило и канон, по которому строились монгольские сочинения той эпохи, особенно выраженных острых и глубоких политических и культурных конфликтов. Во-первых, борьба за политическое превосходство между новым игроком на политическом поле — маньчжурами — и монголами, противостояние, которое можно считать и межкультурным. И, во-вторых, внутренние столкновения — конфликты между монгольскими властвующими домами в борьбе за лидерство в монгольском мире, которые зачастую одновременно сопровождались и религиозными противостояниями между сторонниками распространения буддизма и традиционалистами, сохранявшими приверженность шаманизму.

Этот процесс этнического возрождения сопровождается процессом этнического обновления (несовпадение этнической карты), когда вспоминается сначала эпоха Чингис-хана и события сразу после него, т. е. эпоха взлета, а затем период «малых ханов» — время забвения имперских традиций, и реконструируется «подлинная» монгольская идентичность. Этот период можно назвать временем интенсификации культурной идентичности, когда вспоминается только *значимое* прошлое, а *вспомненное* прошлое становится значимым историческим фактом. В этом про-

[1] Статья выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 15-01-00170 «Эволюция представлений о власти в монгольском обществе XIII—XX вв.».

цессе поисков собственной идентичности в период возвращения монголов на политическую арену в качестве активных акторов вспоминание становится актом семиотизации, где особую значимость приобретает концепт *ulus* — маркер монгольской политической идентичности, определявший уровень развития политической организации монгольского общества.

Несомненно, именно Чингис-хан становится главным символом возрождающейся монгольской общности, и вокруг его образа формулируются основные идеи общемонгольского единства, которые должны служить целям объединения всех монголов под эгидой всемонгольского хагана, значение которого заметно возросло со времен Даян-хагана. Жизнь и деятельность Чингис-хана, отца-основателя Монгольского улуса, является в большей части монгольских исторических сочинений XVII в. главной темой и занимает зачастую большую часть сочинений. Если в *Тайной истории монголов* мы встречаемся с простыми формами употребления концепта *ulus* [2]: упоминается «улус множества монголов» (*olon mongqol ulus* [Rachewiltz, 1972. P. 173]), даже Чингис-хан называется просто «хаган, владыка улуса» (*ulus-un ejen qahan* [Ibid. P. 173]), то *вспомненное значимое* прошлое, связанное с деятельностью Чингис-хана, в источниках XVII в. приобретает более значительные черты.

Необходимое для XVII в. объединение монголов, что способствовало бы противостоянию маньчжурам, актуализировало тему *собирания народов* (*ulusi quriyalčaju*), которой не было в такой форме в *Тайной истории монголов*: «…собирали вместе все народы [ШТ, 1957. С. 130]» (монг. *...bükü ulusi quriyalčaju* [Цендина. С. 32—33]. В результате Чингисхану приписываются следующие слова в поэтическом фрагменте его завещания: «…Подобный сокровищнице весь великий народ мой!» [ШТ, 1957. С. 133], (монг. *...kü sang metü gür yeke ulus mini* [Цендина. С. 43—44]), где улус уже обозначается как великий — определение, подчеркивающее значительность созданного Чингис-ханом сообщества, актуальность единства которого манифестировалось в это непростое для Монголии время.

Тема *собирания* Чингис-ханом народов под своей властью повторяется постоянно. Это отмечал сам Чингис-хан: «Когда соединял и собирал воедино великий народ <…> Когда собирал обширные многие народы» [ШТ, 1957. С. 133—134] (монг. *yeke ulus-i joban jügejü jüggele quriyaqu čaγ-tur <...> eng olan ulus-i quriyaqu-dur* [ШТ, 1957. С. 36]). Это вслед за ним повторил суннитский Хилугэтэй Багатур: «С поспешностью собранный, твой народ рассеется <…> Прежде соединенный, народ твой станет чужим» [ШТ, 1957. С. 134] (монг. *qamuγ-un jögegsen ulus činu tarqamji. <...> üris-ün jögegsen ulus činu öber kümüni bolon tarqamji* [ШТ, 1957. С. 37]). И концепт *ulus* в словах, сказанных нукеру Чингис-хана Боорчи его женой по имени Тэгусхэн Гоа, также выступает с определением «великий», поскольку маркирует результаты деятельности Чингис-хана: «…когда великие милости даны были ныне всему великому народу» [ШТ, 1957. С. 130] (монг. *...edüge narmai yeke ulus-tu yeke qayira boltala* [Цендина. С. 32—33].

Следует отметить, что, несмотря на то что Н. П. Шастина переводила концепт *yeke ulus* как ‘великий народ’, нельзя исключать и его значения в политийном смысле — как суперсложную конфедерацию под эгидой Чингис-хана. Автор *Шара туджи* довольно последователен в обозначении монгольской общности под властью всемонгольских хаганов. Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингис-хана, термином *ulus* обозначалась некая достаточно устойчивая общность — полития. Подтверждением этого может служить следующая цитата из *Шара туджи*: «Гудэн-хан, драгоценную великую державу усмиря, весь великий народ покоем осчастливил» [ШТ, 1957. С. 149] (монг. *güden qaγan qas yeke törü-yi töbsitkejü: gür yeke ulusi engke jiryaγulju* [ШТ, 1957. С. 74]). Политийность понятия *yeke ulus* подкрепляется сопровождающим его словом — gür, что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное сложное сообщество. Гарантом его стабильности был правитель — проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хаган цивилизовал и гармонизировал пространство социума (*gür yeke ulus*) благодаря своей связи с törü [3].

Неоднозначность термина *ulus* в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле семьдесят четыре года и умер в возрасте восьмидесяти лет» (монг. *tendece Dayan qaγan: jiryuγan tümen ulus-i jonggilan tökögircü: narbai yeke Mongγol ulus-i engkejigülün jiryaγuluγad: dalan dörben jile qan oron-dur saγuju: nayan nasun-iyan gü taulai jile tengri bolbai* [ET, 1990. P. 130]). Здесь, как видим, термином *ulus* обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность — весь великий Монгольский улус, что позволяет предположить, с одной стороны, некую самостоятельность тумэнов, с другой — недостаточно крепкое/цельное единство. Это, пожалуй, единственный случай, когда великий улус обозначен также и монгольским — *yeke Mongγol ulus*. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хан всех ввел [под свою эгиду] — три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (монг. *tendece Dayan qaγan baraγun*

[2] Подробнее см.: [Скрынникова, 2015].

[3] На мой взгляд, Н. П. Шастина предложила неточный перевод фразы qas yeke törü-yi töbsitkejü (‘драгоценную великую державу усмиря’). Ее следует читать так: ‘установил яшмовое великое törü’.

γurban-i burin oroγulun: jirγuγan tümen yeke ulus-iyan tökögerün tübsidkeged [ET, 1990. P. 129].). В результате образованная им полития называется и «великий Монгольский улус», и «великий шеститумэнный улус», что, по существу, свидетельствует об актуальности и синонимичности двух разных концептов в наименовании общности.

Это владения правителя, поскольку отмечается, что он «объединил **свой** великий улус» (*yeke ulus-**iyan** tökögerün*), и затем Мандухай и Даян-хаган «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов], сказали, [что] нужно назначить джинонгов… и в трех правых [тумэнах] назначили джинонгом Улус Болада» (монг. *jirγuγan yeke ulus-un alban-i γubciqui yosutu: jinong bolγan… kemegsen-dür: Ulus bolad-i baraγun γurban-dur: jinong bolγar-a* [ET, 1990. P. 124]).

Как видим, в результате деятельности Мандухай-Сэцэн-хатун и Даян-хагана за общемонгольским сообществом закрепилось обозначение его как «великий улус» (*yeke ulus*), причем это обозначение постоянно ревитализовалось и даже ретроспективно применялось к Монгольскому улусу, созданному Чингис-ханом, чтобы повысить авторитет монгольского единого сообщества, реального или виртуального. Более того, в качестве идентификационных маркеров границ общности, образованной Чингис-ханом, в летописи *Шара туджи* используются и другие обозначения. Прежде всего это обозначение собственно монгольской общности как «сорок тумэнов»: «В то время как братья вчетвером жили, пришел Богурджи и сдружился [с Чингисом]. Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа» [ШТ, 1957. С. 128] (монг. *aq-a degüü dörbegüle yabutala: boγurči irejü nökučebei: tere metü ulam nökür nemejü . basa deyilejü abču . döčin tümen mongγol ulusi oruγulju* [Цендина. С. 22]. В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже, — сорок тумэнов монгольского народа. Предположительно, представление о монголах как общности сорока тумэнов относится ко времени Юаньской династии, поскольку в *Шара туджи* имеются сведения о том, что при изгнании Тогон Тэмура из Китая «из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» [ШТ, 1957. С. 140] (монг. *döčin tümen mongγol-un jirγuγan tümen inu γarbai* [Цендина. С. 22]). В «плаче» Тогон-Тэмура мы также обнаруживаем эту тему — собирание народа Чингис-ханом под своей эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри (Небо. — *Т. С.*) Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною… Собранный, соединенный народ свой я покинул» [ШТ, 1957. С. 142] (монг. *qan tngri-yin köbegün Činggis qaγan-u jögegsen ulus-i örkijü… qamur-un jögegsen ulus-i ni orkiju* [ШТ, 1957. С. 55]).

И хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов, и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэнов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные им его прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» [ШТ, 1957. С. 145] (монг. *döčin dörben-i tengse* [Цендина. С. 22]), где число «сорок» обозначает монголов, а «четыре» — ойратов. В данном случае *tümen* является синонимом *ulus*. Известно обозначение монголов и ойратов как «сорок и четыре [тумэна]», что упоминается и в *Шара туджи* в следующем виде: «Испытай Сорок и Четырех» [ШТ, 1957. С. 145] (монг. *döčin dörben-i tengse* [Цендина. С. 22]). Свидетельством того, что *tümen* и *ulus* могут выступать в качестве синонимов, является и следующий поэтический фрагмент восхваления монгольских тумэнов: «Так называемые Дурбэн ойрат. Харият, один из них Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис… — вот четыре тумэна ойратов» [ШТ, 1957. С. 159] (монг. *dörben oyirad gegči qariyad . nigen-i ögülüd edüge sargis gegči ulus bolba … dörben tümen oyirad gegči ene* [Цендина. С. 170—171]). В этом отрывке четыре объединения ойратов называются тумэнами, и одно из них одновременно обозначается как *ulus*, что, безусловно, свидетельствует о том, что последний термин приобретает политийное значение.

Проблема единения монголов в середине XVII в., времени составления летописей, была актуальна и восстановление общемонгольского единства манифестировалось в разных формах. Именно в этом ключе оценивалась деятельность Лигдан-хагана, ставшего всемонгольским правителем в эпоху смут: «Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел» [ШТ, 1957. С. 150] (монг. *eyeber bolγan yadaγad. jirγuγan yeke ulusi kücir-iyer quriyaγad: γučin nigen jil qan orun saγuju* [Цендина. С. 108—109]). Автор летописи использует выражение «jirγuγan yeke ulus», которое является синонимом сочетания «jirγuγan tümen» и, соответственно, этот идентификационный маркер следует переводить не «шесть великих народов», как это предложила Н. П. Шастина, а «великий улус шести [тумэнов]». Что касается вопроса о том, какие они, шесть тумэнов, то ответ мы находим в *Шара туджи*: «Три восточных (левосторонних. — *Т. С.*) тумэна: Тумэн Чахар… Тумэн Халха, — живущий в Хангай-хане… Тумэн Урянха… Три западных (правосторонних. — *Т. С.*) тумэна: тумэн Ордос… охраняющий городобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна… Великий Юншиэбо… к Юншиэбо присоединив харачинов и асутов — будет один тумэн. Таковы шесть этих тумэнов» [ШТ, 1957. С. 159].

После смерти последнего всемонгольского хагана «старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. — *Т. С.*) соединились со своим великим улусом» (монг. *aq-a degüü yeke ulus-luγaban neyileldün*) и «собрали весь великий улус» (монг. *narmai yeke ulus-i quriyan cuγlaγulju* [ET, 1990. P. 181]) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна.

Ордос [4] был сакральным центром монгольской общности — «великого улуса шести тумэнов» (*jirγuγan yeke ulus*), именно там проходила инаугурация всемонгольского хагана. «Шесть монгольских тумэнов собрались перед юртой, обладающей харизмой хана, поклонившись священным предметам у лиственницы, перед Владыкой (Чингис-ханом. — *Т. С.*) весь великий улус Боди-хагану дал титул „кудэнг-хаган“» (монг. *Qan suu-tu caγan ger-ün emün-e jirγuγan tümen ciγuluγad. Qar-a modun-u dergede bolγan qutuγ-tur mörgöjü ejen-ü emün-e-ece. Qamuγ yeke ulus bodi qaγan-dur küdeng qaγan cola ögbe* [ETNS, 2001. S. 159]). Безусловно, в выражении «весь великий улус» заключен политийный смысл, что подчеркивается ниже по отношению к этому же факту собрания шести тумэнов в связи с инаугурацией Боди-хагана — «Шести[тумэнный] великий улус» (mong. *jirγuγan yeke ulus* [ETNS, 2001. S. 161]).

Шесть тумэнов, «сочетая универсальный закон вселенной и религию, делают мирным универсальный закон вселенной великого народа (улуса)» (монг. *törö sasin-i jasan jokiyan jasaγad yeke ulus-un törö-yi engke amuγulju* [ETNS, 2001. S. 212]). Связь правителя с törö, которое одновременно является и törö не только своего социума, но и всего мира, объясняется тем, что, несмотря на буддийскую направленность летописей, рождение правителя связывается с Небом: «Рожденный волей Высшего Неба, Владыка всего мира Богда Алтан-сэцен-хаган» (*Deger-e tngri-yin jayaγ-a-bar törögsen. Delekei dakin-u ejen boγda altan secen qaγan* [ETNS, 2001. S. 266]). Здесь мы наблюдаем «парад» маркеров, отмечающих исключительность тумэтского Алтан-хана: qaγan, boγda, владыка вселенной, благодаря чему Алтан-хан мог выполнять гармонизирующую функцию в своем и чужом социумах.

Наиболее ярким примером связи правителя и törö является информация о Мэргэн-джиноне — правителе Ордоса, что нашло отражение в биографическом сочинении, посвященном Алтан-хану. Когда Алтан-хану было 13 лет, умер его отец. Тогда тремя правыми тумэнами стали владеть Эрхэту-Мэргэн-джинон и Алтан-хаган совместно с младшими братьями. Они «тщательно управляли великим улусом» (монг. *Todorqai-a yeke ulus-i jiluγadun jalaju* [ETNS, 2001. S. 156]). Следует обратить внимание на определение Мэргэн-джинона как владыки народа: «Владыка народа Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган были людьми» (монг. *Ulus-un ejen Erdeni mergen jinong altan qaγan qoyaγula* [ETNS, 2001. S. 157]), мысли которых беззаботны, смелы и дружелюбны. Нельзя не обратить внимания также на первую часть имени Эрхэту-Мэргэн-джинона — Эрхэту, что маркирует принадлежность Мэргэн-джинона к властной элите: обладающий силой (всесильный), обладающий властью.

Взяв три правых тумэна белых юрт владыки, Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган остановились на южном склоне Хангая, взяв три левых тумэна, остановились на северном склоне Хангая. «Выдающийся великий улус кочевал там в 1538 г., набирая силы. Великий улус шести тумэнов сел на коней и атаковал» (монг. *Erkin yeke ulus noqai jil-e tende nutuγlaju. taγulaγad saca. Juryuγan tümen yeke ulus mordaju dobtuluγsan* [ETNS, 2001. S. 159]). И урянханы были побеждены счастливой харизмой (сюр-тур). Победив врагов, «великий улус возрадовался» (монг. *yeke ulus bayasqulang-tan bolju* [ETNS, 2001. S. 159]). «Великий улус, радуясь, там кочевал» (монг. *yeke ulus bayasuγad tende nutuγlaju* [ETNS, 2001. S. 164]). Когда же Алтан-хагана не стало, «мысли всего великого улуса не были спокойны. …Весь великий улус печалился от горя и скорби» (монг. *Qamuγ yeke ulus-un setkil ülü amun… Tegsi qamuγ yeke ulus γasal-un sinal-un enelgegdejü* [ETNS, 2001. S. 196]). В описании этих событий можно отметить двойственность значения концепта *ulus* (*yeke ulus*): с одной стороны, постоянно подчеркивается его политийность через упоминание политической структуры (шесть тумэнов: три правых и три левых, центр — восемь белых юрт), управление этими структурами; с другой — он мог обозначать и людей, которых можно взять, чтобы пойти на завоевание: «Взяв множество своего народа, пошли на Южный Китай» (монг. *yeke ulus-iyan abuγad nanggiyad-tur ayalaju* [ETNS, 2001. S. 160]); «Взяв бесчисленное количество людей, Алтан-хаган пошел на Китай» (монг. *Caγlasi ügei yeke ulus-iyan abuγad altan qaγan kitad-tur ayalaju* [ETNS, 2001. S. 165]). Глаголы, с которыми употребляется концепт *yeke ulus* **(сесть на коней, атаковать, радоваться, печалиться, кочевать)**, позволяют с полной определенностью говорить о том, что речь идет не о государстве, а о людях. Именно весь народ может собраться, чтобы участвовать в избрании хагана. Причем следует обратить внимание на то, что словосочетание *yeke ulus* относится как к шести, так и к трем тумэнам.

Как владыка Ордоса, где расположен мемориальный комплекс, посвященный Чингис-хану, Мэргэн-джинон «отправился к белым юртам владыки и сделал центром ордосский тумэн, поселившись там» (монг. *ejen-ü caγan geri jiluγaduγad . masi ordos tümen-i* ***töblen*** *sayujuqui* [ETNS, 2001. S. 154]). В качестве владыки Ордоса Мэргэн-джинонг благодаря острому уму «стал центром/ядром/сердцевиной *törö* шести тумэнов» (монг. *jirγuγan tümen-ü törö-yin* ***töbci*** *bolju* [ETNS, 2001. S. 154]). «Поскольку удивитель-

[4] Почитание Чингис-хана в Эджэн-Хоро в Ордосе имеет давнюю традицию. Значение харизматической личности Чингис-хана в манифестации монгольской идентичности отмечается уже в XIII в. После того как Хубилай, внук Чингис-хана, провозгласил себя императором в Китае, основав династию Юань, им на государственном уровне был официально учрежден в 1260 г. культ Чингис-хана, или «культ восьми белых юрт», тем самым манифестировался приоритет монгольской идентичности в империи. Почитание Чингис-хана в месте предполагаемого захоронения определяется сакральностью его личности, согласно традиционным представлениям, тело его стало гением-хранителем — онгоном.

ный Мэргэн-хара стал опорой *törö*, дали [ему] титул „мэргэн джинон“» [ETNS, 2001. S. 159] (монг. *Гayiqamsiγ mergen qar-a-yi törö-yin sitügen bolba kemejü margen jinong cola ögbe* [ETNS, 2001. S. 159]).

Как видим, törö-yin *töb*ci и *töb*len имеют один корень, маркирующий центр, который связан с Ордосом и восьмью белыми юртами. Титул *джинон* [5] носил, как правило, правитель, возглавлявший левое крыло, в котором находился сакральный центр общности, и, соответственно, Мэргэн-джинон был лицом, на которого было возложено исполнение ритуалов для укрепления и роста *törö*. Речь идет о *törö* в значении сакрального Закона, находящегося в сакральном центре социума и связанного с верховным правителем (*qad-un törö*, *degedü boγda qaγan-u törö*), обеспечивавшим гармонию в социуме и природе: как сам правитель благодаря харизме, так и его атрибуты становятся медиаторами *törö* — универсального Высшего Закона вселенной (*yirtincu-yin törö*).

Восстановленная Даян-хаганом общемонгольская полития сохраняла свою актуальность и в XVII в., обозначаясь и как *великий Монгольский улус*, и как *великий улус шести тумэнов*, позиционируя идентичность всей Монголии. Отмечается связь возрожденной Монголии с империей Чингис-хана: «Нынешний шеститумэнный улус, сохранившийся от древнего Монгольского улуса сорока тумэнов» (монг. *Erten-ü döcin tümen Mongγol ulus-i ülegsen: eneküken jirγuγan tümen ulus* [ET, 1990. P. 131]). Потомкам Чингис-хана приписывается сохранение великого улуса: «Благодаря потомкам Владыки-хагана Великий улус был счастлив, [расположив] руки на земле, ноги на почве» (монг. *teyin kü ejen qaγan-u acibar. kür yeke ulus. γar γajar-a: köl köser-e küsüg-iyer jirγabai* [ET, 1990. P. 191]). Благодаря приезду Далайламы Лобсан Джамцо «Великий улус жил в мире» (монг. *kür yeke ulus-i engkejigülün* [ET, 1990. P. 189—190]). Монголия *Шести тумэнов* обозначается в *Erdeni-yin tobci* как «любезный [сердцу] Великий улус, установленный твоим замечательным предком» (монг. *sayin ebüge-yin cinu toγtaγaγsan yeke ulus* [ET, 1990. P. 132]) или просто *Великий улус* [ET, 1990. P. 162, 180]. В *Erdeni tunumal neretü sudur* Монголия, возглавляемая всемонгольским хаганом, также называется «Великим улусом» или «Великим улусом шести [тумэнов]», центром которого являются белые юрты Чингис-хана (монг. *Boγda ejen-ü caγan ger-ün emün-e jirγuγan yeke ulus ciyuluγsan* [ETNS, 2001. S. 161]).

К сожалению, в источниках нет подробных данных об управлении Великим улусом шести [тумэнов], которое осуществлял всемонгольский хаган. Но известно, что Тумэн Дзасакту-хаган «поручил правление из трех восточных тумэнов Намутай хунтайджи, халхаскому [6] Субугай Уйдзэну, из трех западных тумэнов ордосскому Хутугтай Сэцэн-хунтайджи, асутскому Ном Дара Холочи-нояну, тумэтскому Намутай Цурухэ-хун-тайджи» [ШТ, 1957. С. 149].

Кроме этих указаний на то, какова политическая структура Великого улуса, у нас также есть свидетельства того, что *великий улус шести тумэнов* не был фиктивным сообществом. Так, например, Халха была одним из принадлежавших борджигинам тумэнов левого крыла, которое получил во владение Гэрэсэндзэ — младший сын Даян-хагана. А Тумэн Дзасакту-хан, как мы видели, включил халхаского Уйцзан Субудана в сформированное им управление. Этот статус Халхи как части Монголии регистрируется не только внешним источником, но и летописью, составленной в самой Халхе (*Шара туджи*) и содержащей сведения обо всех общемонгольских ха-

[5] Эта традиция — оставлять левое крыло, состоящее из трех тумэнов, в ведении верховного правителя, а три правых передавать в ведение джинона — продолжилась и после Даян-хагана. Так, автор «Шара туджи» сообщает: «Мандагул-хаган и Болху-джинон управляли собранными [ими] шестью тумэнами» [ШТ, 1957. С. 147] (монг. *manduγul-un qaγan bolqu jinong qoyar jirγuγan tümen-ü tamtuγlan medejü* [ШТ, 1957. С. 69]). Если строго следовать монгольскому тексту, то правильнее переводить глаголы так: «разделив, ведали». Еще с XIII в. известно, что верховная власть связывается с левым крылом, в котором находится сакральный центр общности — очаг рода потомков Чингис-хана, к которому относится верховный правитель монголов.

[6] У й ц з а н / у й ц з е н — титул, известный уже по *Белой истории*. Значение его неизвестно [ETNS, 2001. S. 252]. В данном случае речь идет о представителе «внутренних» хошунов Халхи. Б. Я. Владимирцов писал: «Как известно, монгольское племя *Xalxa* „халхасы“, образующее главную массу населения современной Халхи (сейчас территория Республики Монголии. — *Т. С.*), происходит от так называемых „Семи халхаских поколений“ *Doluγan otoγ Xalxa*, иногда их называют также „Семью северными (задними) халхаскими поколениями“ *aru-yin Doluγan otoγ Xalxa*; причем известно, что поколения эти отошли в удел *Geresenje jalayir xong tayiji*, младшему сыну *Batu Möngke Dayan xaγan*’а (середина XVI в.). Так как в известных случаях „поколение“ — *otoγ* и „удел, военный округ, знамя-дивизия“ *xosiγun* оказывались словами-понятиями идентичными, то наряду с выражением *Doluγan otoγ Xalxa* появилось и *Doluγan xosiγun Xalxa* „Семь хошунов“, которым пользовались для обозначения всей Халхи и всех халхасов» [Владимирцов, 2002. С. 285]. После распада Монгольской империи для монгольского общества была характерна борьба центростремительных и центробежных тенденций, причем последние преобладали. В XV в., благодаря победе над соперниками Бату-Мункэ (р. 1460, правил 1479—1543), известного как Даян-хаган, междоусобицы временно прекратились. Можно говорить о том, что Бату-Мунке Даян-хаган объединил монголов и восстановил титул «хаган» как маркер верховной власти, актуальный во времена величия монголов. Если Южная или Внутренняя Монголия была завоевана маньчжурами (последний монгольский хаган — Лигдан-хаган потерпел поражение в 1636 г.) и включена в состав Китайской империи, то Халха сохраняла самостоятельность до конца XVII в. и называлась Северной, или Внешней, Монголией. Известные «Восемнадцать степных законов» были составлены в период конца XVI в.—1639 г. лидерами четырех, шести или семи хошунов Халхи [ВСЗ, 2002].

ганах, от Бату Мункэ Даян-хагана до Лигдан-хагана, часто с уточнением, что они получили свой титул перед белой юртой. Кроме преемственности верховной власти хаганов в этой летописи, как и в других, перечисляются все сыновья Даян-хана и их потомки [ШТ, 1957. С. 150—153], что, безусловно, моделирует границы общемонгольской идентичности.

Но нас в данном случае интересует тот факт, что, несмотря на то что и сама Халха не представляла собой постоянного устойчивого объединения, поскольку, как свидетельствуют тексты *Восемнадцати степных законов,* они принимались сообществами в четыре, шесть и семь хошунов, для Халхи все же были актуальными как принадлежность к Великому улусу, так и действие установленных в нем законов. Обращает на себя внимание дважды упомянутая фраза в первом, недатированном законе шести халхаских хошунов (пункт 85) и в законе 1620 г.: «*yeke ulus jarliγ bolju*» [ВСЗ, 2002. С. 25, 38], имеющая отношение к статусу элчи. На мой взгляд, это выражение имеет смысл: «Великий улус постановил [следующее]» [7]. Тогда пункт первого сборника законов будет таким: «Великий улус постановил: кто не даст лошадь элчи, с того [взять] девяток» (перевод мой. — *Т. С.*) (монг. 85. *yeke ulus jarliγ bolju elči mori* /a10/ *(eči)gsen-i ese ögbesü nigen yisütü* [ВСЗ, 2002. С. 25]). А в 1620 г. это право элчи, связанного с центральной властью, было подтверждено: «Великий улус постановил: давать подводу элчи» (монг. 75. *yeke ulus jarliγ bolju elči-dü* /ö46/ *mori ög* [ВСЗ, 2002. С. 38]).

К сожалению, материалы источников не позволяют реконструировать механизм взаимодействия шести тумэнов, составляющих их правого и левого крыльев, как и характер отношений между правителями тумэнов и всемонгольским хаганом. Мы можем только отметить зафиксированную во всех источниках генеалогическую преемственность потомков Чингис-хана, возглавлявших эти тумэны, при этом нельзя не отметить того, что данные источников, конструирующих генеалогическое древо, расходятся. Отсутствуют какие-либо данные о наличии властных институтов государственного типа, составляющих иерархическую структуру и представляющих собой тот каркас, который формирует целостную общность, обозначаемую как *Великий улус шести тумэнов*. Напротив, она видится достаточно аморфной. Это понятие представляется скорее неким маркером, позволяющим определить границы общности, возглавляемой представителями родственной правящей группы («Золотого рода»), интересы которых в разное время могут не совпадать.

Безусловно, концепт *Великий улус* выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов). Концепт *Великий улус* был настолько актуальным для обозначения общемонгольской идентичности на протяжении нескольких веков, что для придания ему авторитета ретроспективно в этот период эта идентичность даже приписывалась созданному Чингисханом Монгольскому улусу.

Использованная литература

Владимирцов, 2002: *Владимирцов Б. Я.* Где «пять халхаских поколений» — *Tabun otoγ Xalxa* // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 285—288 (*Vladimircov B. Ya.* Gde «pyat' halhaskih pokolenii» — *Tabunoto? Xalxa* // Vladimircov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skih narodov. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2002. S. 285—288 (in Russian).

ВСЗ, 2002: Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI—XVII вв. : Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / Пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб., 2002 (Vosemnadcat' stepnyh zakonov. Pamyatnik mongol'skogo prava XVI—XVII vv. / Mongol'skii tekst, transliteraciya mongol'skogo teksta. Perevod s mong., komment. i issledovanie A. D. Nasilova. SPb., 2002 (in Russian).

Скрынникова, 2015: *Скрынникова Т. Д.* Основания власти правителя в монгольской политической культуре эпохи Чингис-хана // Mongolica-XIII. СПб., 2015. С. 39—44 (*Skrynnikova T. D.* Osnovaniya vlasti pravitelya v mongol'skoi politicheskoi kul'ture epohi Chingis-hana // Mongolica-XIII. SPb., 2015. S. 39—44 (in Russian).

Цендина: *Цендина А. Д.* Транслитерация монгольского текста «Шара туджи» [Электронный ресурс] // Monumenta Altaica / Древние и средневековые письменные памятники. URL: http://altaica.ru/sira.php (дата посещения: 21.06.2016) (*Tsendina A. D.* Transliteratsiia mongol'skogo teksta «Shara tudzhi» // URL: http://altaica.ru/sira.php (accessed: 21.06.2016) (in Russian).

ШТ, 1957: Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной. М.; Л., 1957 (Shara Tudzhi. Mongol'skaia letopis' XVII veka / Svodn. tekst, per., vved. i primech. N. P. Shastinoi. M.; L., 1957) (in Russian).

ET, 1990: Erdeni-yin tobči. (‘Precious Summary’). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662 / The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. N 15. The Australian National University. Canberra, 1990.

ETNS, 2001: *Kollmar-Paulenz, Karenina*. Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qaγan der Tümed-

[7] А. Д. Насилов отнес это выражение к элчи: «имеющему повеление Великого улуса (yeke ulus)» [ВСЗ, 2002. С. 58] при переводе закона 1620 г. А пункт первого закона он перевел так: «65. Если [кто] не даст лошадь для *элчи* с княжеским поручением, [с того] взять один девяток» [ВСЗ, 2002. С. 43], где, как мы видим, отсутствует упоминание Великого улуса.

Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2001.

Rachewiltz, 1972: *Rachewiltz I. de*. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972. Vol. 121.

T. D. Skrynnikova
Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century

In this article the main emphasis is on analysis of those concepts which modelled the limits of the all-Mongolian identity in texts of the XVII century. The analysis of the Mongolian texts showed that the all-Mongolian polity restored by Dayan-hagan kept the relevance in the XVII century, being designated both as *the great Mongolian ulus*, and as *the great ulus of six tumen*, positioning identity of all Mongolia.

Key words: Mongolia, power, concept *great ulus*, *six tumen*, traditional political culture.

И. М. Захарова, М. В. Мандрик

Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.

В статье представлен краткий обзор целей, задач, основных мероприятий и итогов монгольского посольства в Россию в 1912—1913 гг. под руководством чрезвычайного посланника, министра иностранных дел Халхи Хана Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи. На основании архивных и печатных источников дана характеристика пребывания посольства в России, проанализированы задачи экономического и политического характера, которые делегация рассчитывала решить в России, представлен анализ финансовых затрат российского императорского двора и гастрономических пристрастий членов монгольской делегации. Особое внимание уделено приему монгольской делегации императором Николаем II, описанию и значению подарков, преподнесенных Богдо-гэгэном VIII императорской семье. В статье подчеркивается значимость посольства в развитии политических, экономических и культурных взаимоотношений России и Монголии. Дается краткий анализ внешнеполитических целей обеих стран по отношению друг к другу.

Ключевые слова: Монголия, Россия, монгольская делегация, русско-монгольские отношения, Богдо-гэгэн VIII, российский императорский двор, Дом Романовых.

На рубеже XIX и XX вв. правящая верхушка Монголии начинает проявлять интерес к России, что было связано с поиском внешней опоры в борьбе за независимость от Китая. Монголия, более 200 лет входившая в состав Цинской империи, искала способы освобождения от власти последней. До тех пор, пока династия Айсинь Гиоро не вмешивалась во внутренние дела Монголии и предоставляла право жить по собственным обычаям, монголов устраивало текущее положение дел [Кузьмин, 2015. С. 80]. Однако начавшиеся со стороны Китая колонизация монгольских земель и ассимиляционная политика являлись угрозой для монгольской национальной идентичности, подрывали основы существовавшего экономического уклада и вызывали у монголов все большее и большее недовольство. Это заставило их искать союзников в борьбе против Цинской империи. В качестве покровителя политическая и религиозная элита Монголии видела Россию, с которой ее связывали нарождавшиеся экономические связи. Так, уже в начале XX в. хошунные князья и Богдо-гэгэн VIII обращались по дипломатическим каналам к российскому императорскому правительству с финансовыми просьбами, которые зачастую удовлетворялись. Например, в 1900 г. Богдо-Гэгэну VIII Николаем II была одобрена ссуда в размере 30 000 рублей [1], а в 1898—1902 гг. монгольские князья получали займы от Русско-Китайского банка [2]. Выдавая ссуды монгольским князьям, российское правительство тем самым способствовало уменьшению экономической эксплуатации монголов со стороны Китая.

Необходимо отметить, что интерес Монголии к России не являлся односторонним. Прежде всего, для российской правящей и культурной элиты Монголия не представляла собой terra incognita. Проводившиеся во второй половине XIX в. под руководством П. П. Семенова, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, В. А. Обручева, М. В. Певцова, Г. Е. Грум-Гржимайло многочисленные экспедиции Императорского российского географического общества,, результатом которых явились топографические, географические, этнографические описания Центральной Азии, познакомили российское общество с Монголией. Участие в экспедициях художников и фотографов позволило при помощи изобразительных средств создать образы Монголии и ее населения. Определенную роль в увлечении Монголией сыграли и поездки в Центральную Азию востоковеда, писателя и коллекционера ламаистских древностей князя Э. Э. Ухтомского, чьи научные труды и коллекции были известны и пользовались большой популярностью не только в России, но и в Европе [Леонов, 1985. С. 104—111]. Помимо научного и культурного интересов, существовали экономико-политические факторы, способствовавшие сближению России и Монголии в начале XX в. После краха внешнеполитических планов Российской империи на Дальнем Востоке в результате неудачной русско-японской войны 1904—1905 гг. Россия начинает обращать внимание на Центральную Азию [Майский, 1959. С. 204]. Уже в ходе войны с Японией Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи занимался изучением политического, экономического и военного положения Монголии. Исследование начальника Заамурского округа генерал-лейтенанта

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 176. Л. 1—9.
[2] Там же. Д. 803. Л. 1—4, 14—14 об.

Н. М. Чичагова показало наличие «довольно сильного брожения» среди монголов, что явилось результатом колонизационной политики Китая. Китайская колонизация была нежелательна и для России, так как по соседству с ее границами возникали китайские провинции с недружественным по отношению к России населением [3]. В своем намерении не допустить распространения китайской колонизации на территории Внешней Монголии Россия и Монголия были едины. Не менее важна была и экономическая составляющая российско-монгольских взаимоотношений.

Летом 1911 г. в Санкт-Петербург прибыла монгольская делегация с просьбой к российскому императору о приеме Монголии в подданство [Кузьмин, 2014. С. 52]. Делегация действовала втайне от китайских властей, не обладала статусом официального посольства и ее действия носили разведывательный характер. Вскоре после возвращения депутации на родину в Китае произошла Синьхайская революция, ознаменовавшаяся свержением Цинской династии, что дало Монголии возможность отмежеваться от Китая. Несмотря на то что монголы выбрали главу государства в лице Богдо-гэгэна VIII и создали свое правительство, их стремления простирались к обретению полной независимости от Китая и признанию этого факта другими государствами, в особенности Россией.

В результате 21 октября (3 ноября) 1912 г. в Урге между Россией и Монголией был заключен договор о дружбе [4], по которому Россия признавала автономию Внешней Монголии. Это должно было способствовать повышению статуса Монголии в глазах мирового сообщества. Договор со стороны России подписал глава русской дипломатической миссии в Урге И. Я. Коростовец, со стороны Монголии — глава совета министров Сайн-Нойон-хан. Монголия нуждалась в добрососедских отношениях с Россией, а Россия, не преследуя империалистических целей по отношению к Монголии [5], предпочитала видеть ее в качестве буферного государства на границе с Японией и Китаем. После подписания договора правительство автономной Монголии обратилось с просьбой к Николаю II об отправке в Россию посольства с целью принесения благодарности по поводу заключения договора.

Николай II, исходя из взаимной заинтересованности государств в продолжении политического и культурного сотрудничества, разрешил монгольскому посольству посетить Россию. Это было первое официальное посольство автономной Монголии, которое положило начало складыванию дипломатических отношений между двумя государствами.

Глава русской дипломатической миссии в Урге И. Я. Коростовец с целью поддержания дружественных отношений с Монголией рекомендовал полностью оплатить пребывание монгольской делегации в России, тем более что посольство везло подарки императорской семье и было хотя и небольшим, но представительным по составу [6]. Оплата расходов монгольской депутации была необходима еще и потому, что такого рода мероприятие в финансовом плане было тяжелым бременем для небогатой монгольской казны. Об этом было известно из донесений И. Я. Коростовца и переписки между министерством иностранных дел и министерством финансов, в которой обсуждались просьбы монгольского правительства и лично Богдо-гэгэна о займах. Так, товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов в секретном письме № 937 от 10 сентября 1912 г. на имя министра финансов В. Н. Коковцова сообщал о ходатайстве монгольских министров во главе с Сайн-Нойон-ханом об оказании Халхе очередной денежной поддержки в размере двух миллионов рублей, поскольку поступавших в ургинскую казну доходов не хватало даже на приобретение оружия и обмундирования и на содержание армии и администрации [7]. Поскольку просьба монгольского правительства о ссуде хронологически совпадает с его же ходатайством о приеме посольства, можно предположить, что, во-первых, средств на осуществление дорогостоящих дипломатических акций у автономной Халхи не было, и во-вторых, об этом было известно в Санкт-Петербурге. Поэтому министр иностранных дел С. Д. Сазонов, разделяя мнение Коростовца об оплате пребывания монгольской делегации, обратился к министру финансов В. Н. Коковцову с отношением № 1442 от 1 декабря 1912 г., в котором просил «уведомить, насколько представляется осуществимым предположение господина Коростовца», при этом сообщая, что «конечно, предполагается обставить пребывание посольства в Санкт-Петербурге на возможно скромных началах» [8]. Несмотря на то что расходы по приему иностранных депутаций и посольств не имели отношения к средствам государственного казначейства, прецеденты такого рода существовали. Так, например, в 1907 г. департаментом государственного казначейства были оплачены поездка в Санкт-Петербург отправленного негусом Менеликом абиссинского придворного чина для поднесения подарков российскому императору и путешествие чрезвычайного персидского посольства для объявления о вступлении на престол Мохаммед-Али-Шаха [9]. В связи с чем В. Н. Коковцов отношением № 13319 от 14 декабря 1912 г. уведомил С. Д. Сазонова о том, что «если Министерство Императорского Двора не найдет возможности принять означенные расходы на свои средства… будет испрошена (В. Н. Коковцовым. — *И.З.*) необходимая на удовлетворение этих расходов сумма за счет де-

[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Л. 10—11 об.
[4] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 56. Л. 1.
[5] РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 112 об.—113.
[6] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 2 об.
[7] РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 415—415 об.
[8] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 2 об.
[9] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 4—4 об.

сятимиллионного фонда» [10]. Не имея полной уверенности в том, что пребывание монгольской делегации будет оплачено министерством финансов, С. Д. Сазонов 17 декабря 1912 г. обратился к министру императорского двора В. Б. Фредериксу с просьбой «испросить Высочайшее соизволение на то, чтобы монгольское посольство во время нахождения в Санкт-Петербурге было помещено за счет Министерства императорского двора, с предоставлением ему условий, коими обычно обставляются посольства от азиатских народов» [11]. Барон В. Б. Фредерикс во всеподданнейшем докладе от 18 декабря 1912 г. испросил указаний государя о предоставлении монгольскому посольству «1. Помещения в одной из гостиниц Санкт-Петербурга и довольствия за счет Высочайшего Двора и 2. Экипажей от Придворной конюшенной части» [12]. Высочайшее разрешение было получено и началась подготовка визита первых лиц монгольского государства в Санкт-Петербург.

В состав монгольского посольства, возглавляемого чрезвычайным посланником, министром иностранных дел Ханом Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи, входили советник посольства Эрдени Чжоун Бейсе Ширнин Дамдин, секретарь Церен Дорчжи, чиновник второй степени Бабу Дорчжи, переводчик от консульства в Урге Магбун Дашиевич Церенпылов, переводчик для русской переписки Цыден Дамба Дабданов, тибетский врач Емчи лама Чжамсо и восемь низших служителей [13]. Состоящим при посольстве от министерства иностранных дел был назначен тайный советник Я. П. Шишмарев [14]. Прикомандирование к делегации Я. П. Шишмарева, имевшего чин тайного советника и пользовавшегося в министерстве иностранных дел большим авторитетом специалиста по монгольским делам, являлось показателем важности монгольского посольства в глазах российского правительства.

10 декабря 1912 г. посольство отбыло из Урги [15], а 21 декабря поездом № 5 выехало из Иркутска в Санкт-Петербург. Прибытие поезда ожидалось 28 декабря 1912 г. в 4 часа 55 минут пополудни на Николаевский вокзал [16]. Подготовкой и организацией пребывания монгольской делегации занималась Гофмаршальская часть Министерства императорского двора, в обязанности которой входили «распоряжения… по приему особ иностранных владетельных домов и лиц, командируемых в особых случаях от иностранных правительств» [17]. Так, по распоряжению Гофмаршальской части придворная конюшенная часть должна была обеспечить высылку на Николаевский вокзал к приходу поезда двух колясок и одного ландо для членов посольства, двух ландо для служителей и четырех пароконных бранкардов для перевозки багажа. Выездными были назначены лакеи 1-го разряда М. Пантюхов и В. Маевский, которым при встрече полагалось быть в воскресной одежде, а в остальное время — в повседневной [18].

Для проживания членам посольства были сняты номера в гостинице «Grand Hotel», которая находилась в доме № 18 по улице Гоголя. К гостинице примыкал располагавшийся в доме № 20 французский ресторан. Гостиница находилась в аристократическом центре Санкт-Петербурга, являлась перворазрядной, номера были оснащены электричеством, водопроводом и телефоном. Для главы делегации Хана Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи был снят самый фешенебельный номер гостиницы стоимостью 15 руб. в сутки. Всего же для посольства было нанято 9 номеров от 3,5 до 15 руб. в сутки [19]. Помимо проживания в гостинице министерство императорского двора оплачивало и продовольствие монгольского посольства, которое пользовалось услугами гостиничного ресторана. За все время пребывания посольства в Санкт-Петербурге (с 27 декабря 1912 г.[20] по 2 февраля 1913 г.) сумма расходов составила 5144,2 руб., из которых 2053,5 руб. были истрачены на проживание и 3090,7 руб. — на питание [21]. Ежедневный рацион членов посольства в стоимостном выражении составлял от 42,25 до 118,75 руб. в сутки [22], в среднем же 85,8 руб. [23] и не отличался большим разнообразием. Так, 17 января 1913 г. членами делегации было заказано 6 завтраков, 6 комплексных обедов, 3 порции хлеба с маслом, порция ветчины. Верные национальной традиции частых чаепитий, монгольские гости обычно употребляли много чая и молока. 17 января 1913 г. ими было заказано 20 стаканов чая, из них 2 чая с сухарями и отдельно 1 самовар и три порции сахара. Также члены монгольского посольства употребляли и алкогольные напитки. Так, ежедневно заказывались водка и пиво. 17 января было выпито на 4,3 руб. водки и 31 стакан пива [24]. Судя по количеству ежедневно выпиваемого пива, этот напиток очень нравился монгольской делегации. 30 января 1913 г. счет за продовольствие составил 118,75 руб. [25], что, возможно, было связано с празднованием скорого отбытия монгольского посольства из Санкт-Петербурга либо, возможно, дополнительные средства были выделены в честь Высочайшего разрешения части делегации принять участие в праздновании 300-летия Дома Романовых. В целом сумма, истраченная на пребывание монгольской делегации в России, была невелика

[10] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 5.
[11] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 56. Л. 2—2 об.
[12] Там же. Л. 1.
[13] РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1672. Л. 1.
[14] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 1
[15] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 7.
[16] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 1 об.
[17] Там же. Д. 100. Л. 1
[18] Там же. Д. 409. Л. 4—5.
[19] Там же. Л. 3.
[20] С 27 декабря 1912 г. были сняты номера в гостинице.
[21] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 7—8, 12, 51.
[22] Там же. Л. 7, 18.
[23] Подсчитано автором.
[24] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 35.
[25] Там же. Л. 48.

и для бюджета министерства императорского двора не обременительна, в то время как важность для взаимоотношений России и Монголии данной дипломатической акции трудно переоценить.

Главной целью посольства являлась встреча с императором Николаем II и поднесение подарков царской семье. 9 января 1913 г. правитель дел церемониальной части министерства императорского двора В. Евреинов направил Я. П. Шишмареву отпуск, в котором уведомлял о предстоящем приеме монгольской миссии государем в Александровском дворце в Царском Селе 10 января 1913 г. в 13.30, о чем Шишмареву необходимо было сообщить главе миссии. Доставка членов монгольской делегации в Царское Село и обратно осуществлялась экстренными поездами в составе одного салон-вагона и вагона 1-го класса [26]. В ожидании приема членам посольства и Шишмареву был предложен на круглом столе дастархан [27].

Посольство от имени главы Монголии преподнесло личное письмо Богдо-гэгэна при белом хадаке и богатые подарки. Императору Николаю II были преподнесены желтый хадак, бурхан-аюши, седло с прибором, священный трон, два иноходца монгольской породы; вдовствующей императрице Марии Федоровне — белый хадак, четки из драгоценных камней, священный трон; императрице Александре Федоровне — белый и желтый хадаки, бурхан-аюши, священный трон, четки из драгоценных камней; наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу — белый и желтый хадаки, седло с прибором, монгольский нож и огниво и три иноходца монгольской породы [28]. Бурхан-аюши, имеющий также наименование амитаюс, символизирует долголетие, здоровье и богатство [Шагдаров, Бадмаева, 2014. С. 23]. Монголы, почитавшие Белого царя как потомка одного из младших сыновей Чингис-хана [29], своими подарками желали Николаю II высших земных благ и одновременно надеялись на дальнейшее сближение с Россией. В журнале «Огонек» появилась заметка, которая так описывала встречу монгольской делегации с российским императором: «Наконец-то наступил для обновленной Монголии исторический день, когда осуществилось горячее, испокон веков лелеемое в степях Гоби желание — переговорить с северным Белым Царем не языком раба Китая, не из-под рукава желтой курмы богдыхана, а в качестве преданного и надеющегося на покровительство маленькаго, но близкаго соседа» [Огонек, 1913. С. 8]. В день приема Николай II оставил запись в своем дневнике: «принял депутацию из Монголии, поднесшую подарки и лошадей-иноходцев» [Дневники… 1991. С. 377].

По сложившейся традиции, монгольское посольство посетило Зимний дворец. 5 января 1913 г. делегации было выдано удостоверение № 13 «для входа в воскресенье 6-го сего января, в Зимний дворец, на хоры Гербового Зала, для обозрения Высочайшего выхода в Собор Дворца» [30]. 6 января по старому стилю праздновалось Крещение господне — один из двунадесятых православных праздников. Частью ритуала этого праздника являлось торжественное богослужение в Большом Соборе Зимнего дворца. Наблюдая Высочайший выход, монгольская делегация некоторым образом стала причастной к торжественному событию в жизни не только императорской семьи, но и всей России.

Вскоре монгольское посольство, правда, не в полном составе, приняло участие еще в одном событии, широко отмечавшемся в Российской империи. По ходатайству Хутухты главе депутации с секретарем и прислугой было разрешено продлить пребывание в России для принесения поздравлений по случаю празднования 300-летия Дома Романовых. С 3-го по 14 февраля чрезвычайный посланник Хан Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи с секретарем и прислугой находился в поездке по России и возвратился к началу юбилейных торжеств [31]. С 12 февраля по 2 марта посольство проживало в той же гостинице, а его руководитель в том же самом 39-м номере, стоимость которого повысилась до 20 руб. в сутки. Как видно из документов Гофмаршальской части, «…глава депутации выразил свое удовольствие по поводу помещения депутации» [32]. Во время исполнения новой возложенной на него повелителем монгольского народа почетной миссии глава делегации продолжил пользоваться ранее предоставленными ему императорским двором льготами [33] в виде оплачиваемых проживания и стола. Также монгольское посольство получило еще одну немаловажную и почетную льготу от департамента таможенных сборов министерства финансов: беспошлинный и бездосмотровый провоз багажа через Кяхтинскую и Иркутскую таможни [34]. Необходимо отметить, что по российскому законодательству даже император не был освобожден от уплаты таможенных пошлин при ввозе из заграницы собственного багажа [Мосолов, 1992. С. 107].

Члены посольства, кроме встречи с российским императором и поднесения подарков, что являлось основной их целью, посещали государственные учреждения, общались с высшими чиновниками государства, перенимая управленческий и хозяйственный опыт, крайне необходимый правительству молодого монгольского государства. Так, уже 14 января, по окончании официальных визитов, Хан Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи посетил председателя Российской экспортной палаты В. И. Денисова с целью обсуждения вопросов экспорта из Монголии скота и продуктов животноводства, импорта в Мон-

[26] РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1672. Л. 7—8.
[27] Там же. Л. 5 об.
[28] Там же. Л. 13.
[29] РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Л. 10 об.
[30] РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1672. Л. 16.
[31] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 13.
[32] Там же. Л. 16, 19.
[33] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 56. Л. 9а об.
[34] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 3—4.

голию российских товаров фабрично-заводской промышленности, освоения естественных богатств страны при участии российского капитала [Русский экспорт, 1913. С. 15]. На протяжении 1913 г. вопросы торговли с Монголией неоднократно становились объектом обсуждения на совещаниях, проводимых Российской экспортной палатой, что свидетельствовало о важности экономических взаимоотношений для обеих стран. Необходимо отметить, что торговые обороты России с Монголией неуклонно росли в период 1912—1914 гг., несмотря на начавшуюся Первую мировую войну [35].

Помимо организованного на высоком уровне пребывания в России и консультаций в экономической и административной сфере монгольское посольство получило дары от императора Николая II. Так, по представлению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, пяти служащим посольства были пожалованы подарки на общую сумму 329 руб., а «на расходы по приобретению ценных художественных вещей для поднесения ответного подарка Ургинскому хутухте» было истрачено 8000 руб. [36], что составляло немалую сумму. Проведя аналогию с подарками для монгольской делегации, прибывшей в Россию в ноябре 1913 г., когда для подарка Богдо-Гэгэну была выбрана аршинная серебряная братина фирмы Фаберже с Государственным гербом на крышке стоимостью 4000 руб. [37], можно предположить, что главе Монголии весной 1913 г. также могли быть преподнесены изделия из серебра. Такое предположение возможно потому, что серебро имело сакральное значение в ламаизме и предметы, изготавливаемые из него, предназначались в дар только правителям и ламам очень высокого ранга [Елихина, 2002. С. 83].

Подводя итоги, необходимо отметить важную роль пребывания монгольского посольства в России с декабря 1912 по март 1913 г. в развитии политических, экономических и культурных взаимоотношений двух стран. Монгольская делегация познакомилась с культурными традициями крупной европейской страны, соприкоснулась с жизнью российского императорского двора, приняла участие в юбилейных торжествах, приобрела уверенность в дальнейшей поддержке со стороны России, что, несомненно, сыграло свою роль в улучшении отношения Монголии к Российской империи. В то же время опыт приема монгольской делегации был полезен и для России, которая была не только «сильна в Монголии историческим обаянием покровительницы восточных народностей» [38], но и была заинтересована в дальнейшем экономико-политическом и культурном диалоге двух стран.

Использованная литература

Дневники… 1991: Дневники императора Николая II. М., 1991 (Dnevniki imperatora Nikolaya II. M., 1991).

Елихина, 2002: *Елихина Ю. И.* Ламаистские дары дому Романовых (из фондов галереи драгоценностей) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2002 (*Elikhina Yu. I.* Lamaistskie dary domu Romanovyh (iz fondov galerei dragotsennostei) // Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. SPb., 2002).

Кузьмин, 2014: *Кузьмин С. Л.* Легитимация теократической власти и восстановление монгольской государственности в начале XX в. // Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. Кн. 3, ч. 1 (*Kuz'min S. L.* Legitimatsiya teokraticheskoyi vlasti i vosstanovlenie mongol'skoi gosudarstvennosti v nachale XX v. // Rossiya i Mongoliya v nachale XX v. Diplomatiya, economika, nauka. Irkutsk, 2014. Kn. 3, ch. 1).

Кузьмин, 2015: *Кузьмин С. Л.* Русско-монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». М., 2015. № 1 (*Kuz'min S. L.* Russko-mongol'skoye soglashenie 1912 g. i nezavisimost' Mongolii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». M., 2015. № 1).

Леонов, 1985: *Леонов Г. А.* Э. Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985 (*Leonov G. A.* E. E. Uhtomskiy. K istorii lamaistskogo sobraniya Gosudarstvennogo Ermitaga // Buddizm i literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo narodov Tsentral'noi Azii. Novosibirsk, 1985).

Майский, 1959: *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М., 1959 (*Maiskiy I. M.* Mongoliya nakanune revolyutsii. M., 1959).

Мосолов, 1992: *Мосолов А. А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992 (*Mosolov A. A.* Pri Dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra Dvora. SPb., 1992).

Огонек, 1913: Огонек. Еженедельный художественно-литературный журнал. СПб., 1913. № 3 (Ogoniok. Ezhenedel'nyi hudozhestvenno-literaturnyi zhurnal. SPb., 1913. № 3).

Русский экспорт, 1913: Русский экспорт. Орган Российской экспортной палаты. СПб., 1913. № 1 (21) (Russkiy eksport. Organ Rossiyskoi eksportnoi palaty. SPb., 1913. № 1 (21)).

Шагдаров, Бадмаева, 2014: *Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Д.* Языковые особенности старомонгольской версии «Бе-

[35] РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 97. Л. 123—123 об.
[36] РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 125. Л. 69 об., 91 об.
[37] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1500. Л. 2.
[38] РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 112 об.—113.

лозонтичной Тары» // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2014. № 10 (*Shagdarov L. D., Badmaeva L. D.* Yazykovye osobennosti staromongol'skoi versii «Belozontichnoi Tary» // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Ude, 2014. № 10).

I. M. Zakharova, M. V. Mandrik
The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913

The article presents an overview of the goals, tasks, main activities and outcomes of the Mongolian embassy to Russia in 1912—1913 under the guidance of Ambassador extraordinary, minister of foreign affairs of Khalkha Khan Erdeni Daichin Qing-Van Khando Dorchzhi. The characteristic based on archival and printed sources defines the staying of Mongolian deputation in Russia, examines the tasks of economic and political nature, which the delegation hoped to solve in Russia, analyzed financial expenditures of the Russian Imperial court and gastronomic tastes of the Mongolian deputation members. A special attention is given to an audience with the emperor Nicholas II, description and significance of Bogd Gegens gifts to the Imperial family. The article emphasizes the importance of the embassy in development of Russian and Mongolian political, economical and cultural contacts**.** A brief analysis of foreign policy goals of both countries against its neighbor is given.

Key words: Mongolia, Russia, Mongolian deputation, Russian and Mongolian relations, Bogd Gegen, Russian imperial court, the House of Romanov.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА

Г. Батсуурь

Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка»

В данной статье автор касается вопросов становления образной системы в новой и новейшей монгольской литературе. Одним из первых произведений, представивших образ простого человека — араата-скотовода была повесть Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка», написанная в 1929 г. В начальный период своего развития современная монгольская литература во многом опиралась на формы, жанровую и образную системы, характерные для фольклора и литературы средневекового типа. Повесть «Отвергнутая девушка» не только является первой художественной повестью, но и знаменует собой важный этап в развитии монгольской литературы нового времени.

Ключевые слова: Ц. Дамдинсурэн, «Отвергнутая девушка», современная монгольская литература, повесть.

Считается, что повесть Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка» является первой художественной повестью в истории нашей современной литературы. Выход в свет до этого (1922) повести Ц. Дамбадоржи «Озеро Толбо» открыл новую страницу в истории создания повестей нового типа. Однако повесть Ц. Дамбадоржи «Озеро Толбо» является своего рода документальным произведением, основанным на реальных событиях.

А вот повесть Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка» всегда рассматривалась как художественное произведение и характеризовалась следующим образом: «Если свои первые произведения Ц. Дамдинсурэн создавал по типу сургалов-поучений, беря за основу сюжеты из „Капли рашияны“ или индийских сказок, то повесть „Отвергнутая девушка“ он написал на основе событий революционной жизни новой страны» [Лувсанвандан, Жамсранжав, Дашдэндэв, 1968. Х. 155]; «Повесть „Отвергнутая девушка“ — мощное произведение крупной прозаической формы, где автору удалось создать образ трудового народа и отразить реальную жизнь» [Лувсанвандан, Жамсранжав, Дашдэндэв, 1968. Х. 159].

Повесть «Отвергнутая девушка», написана с целью «бороться за жизнь и идеологию по подавлению предрассудков и отсталого мировоззрения путём художественного преобразования революционной культуры. В ней показан запутанный нелёгкий путь простого бедного человека к новой светлой жизни» [Цэдэв, 2008. Х. 148—149]. Российский монголовед Л. К. Герасимович пишет: «Качественно новое содержание произведения Дамдинсурэна определило его особую роль в процессе становления современной монгольской литературы. Повесть «Отвергнутая девушка» была одним из первых произведений, знаменовавших собой начальные шаги монгольской литературы по пути овладения методом социалистического реализма» [Герасимович, 1965. С. 92].

Повесть «Отвергнутая девушка» впервые вышла в свет 1 мая 1929 г. [Лувсанвандан, Цэдэв, Мөнх, Билигсайхан, Дашдорж, 1985. Х. 431]. Об этом сам Ц. Дамдинсурэн писал: «9 января 1929 года был создан первый кружок писателей и моя первая повесть „Отвергнутая девушка“ была создана по заданию и в ознаменование моего избрания главой этой организации» [Цэдэв, 1998. Х. 20]. Если рассмотреть состояние монгольской литературы периода создания кружка писателей, то в ней преобладали жанры письменной литературы средневекового типа, а также традиционные фольклорные формы и это был начальный период становления литературы нового времени. А именно: фольклорные формы — сказки, легенды, предания, богатырские сказы, народные песни, загадки, пословицы, поговорки, триады; литературные формы — дидактические сочинения («Ключ разума», «Поучения Чингис-хана», «Четверостишия о приобретении и потере» и т. п.), повести («Повесть о Гэсэр-хане», «Шара туджи», «Повесть об Эндуурэл-хане», «Повесть о Нарангэрэл» и т. п.), агиографические сочинения («Биография Нэйж тойна» и т. п.), индийские и тибетские переводные сочинения (монгольский Ганчжур, Данжур, «Море притч», «Пять поучений», «Драгоценная сокровищница изящных речений») и другие. Иными словами, вплоть до 30-х гг. XX в. наша литература всё ещё оставалась приверженной традициям литературы средневекового типа.

Произведения устного народного творчества (сказки, легенды, сказания и др.) представляют в основном либо резко положительные, либо резко отрицательные образы. В этот период реальный человек не стоял в центре художественного изображения. В последующем, хотя человек и начал занимать определённое место, но в древних и средневековых памятниках письменности его образ сводился лишь к богатырю, хану, перерожденцу или человеку, обладающему сверхъестественными способностями и волшебными свойствами. В целом, анализируя историю литературы, можно сказать, что прошло довольно много времени, пока образ простого, реального человека занял в художественной словесности подобающее место. Что касается конкретно нашей литературы, то вплоть до 30-х гг. XX в. образ реального человека не появлялся в художественных произведениях. Справедливости ради нельзя не отметить, что в народных сказках всё же встречается образ «тянущего на своих лодыжках жёлтый войлок, а на своих пятках серый войлок» сопливого мальчика-сироты с паршивым годовалым жеребёнком. Однако благодаря стечению счастливых обстоятельств этот мальчик-сирота превращается в могучего богатыря, обладающего недюжинной силой, способного один на один сразиться со свирепым мангусом о пятнадцати головах и, одержав победу, осчастливить весь народ.

В литературе, продолжающей эту традицию, также преобладают образы смелых воинов и исполненных мудрости ханов. Так, в героических сказаниях широкое распространение получил образ Чингисхана. Например, в «Легенде об Аргасун хорчи» Чингис-хан разгадывает тайный смысл стихов, который никто разгадать не может, а в «Шастре о мудром мальчике-сироте и девяти сподвижниках Чингисхана» Чингис-хан объясняет причины всего сущего. В «Повести о двух скакунах Чингис-хана» он видит вещие сны. И эта традиция не угасает вплоть до 30-х гг. Так, героями нашей первой художественной повести «Озеро Толбо», написанной Ц. Дамбадоржем в 1922 г., являются Хасбаатар, Байкалов, Абмад (Дамбадорж) — воины революции. Действие разворачивается в Кобдо, в монастыре Саруулгун. Повесть рассказывает о том, как бойцы революционной армии в течение 42 дней и ночей отражали атаки белогвардейцев, об их страданиях, голоде и о том, как им удалось в конце концов остаться в живых. Образы и сюжет, представленные в этой повести, имеют элементы и признаки героических сказаний. Сказанием называется произведение, содержащее в себе веру в какое-либо необычное, небывалое, сверхъестественное явление. «По сравнению с рассказом это — прозаическое произведение небольшого размера, своего рода сжатое художественное изложение какого-либо необычного явления (чего-либо невозможного, непостижимого для обыденного сознания)» [Галбаатар, 2012. Х. 362].

Этот жанр имел широкое хождение ещё в ранний период истории развития мировой литературы. Характерным примером служит известное произведение «Декамерон» итальянского автора Ж. Боккаччо, представляющее собой десять сказаний, соответствующих десяти повествовательным дням и созданное в начале эпохи Ренессанса на закате средневековья.

Таким образом, повесть Ц. Дамбадоржи «Озеро Толбо» в отношении изображения реальных событий и реальных исторических личностей — документальное произведение, а в отношении образной системы — сказание, сказ. Итак, можно сказать, что, следуя традиции средневековья, автор в основном представляет образы вождей, руководителей, которые превалируют над образами простых людей.

В противоположность этому представленные в написанной семью годами позже повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка» [Цэдэв, 1998. Х. 6—38] образы — Цэрэн, Долингор, Мядаг, богач Болд, Дэжид, лама Ловон, сын пастуха Дамдин, мать Дамдина, мальчик Данзан, гэлэн (монах) Лувсан, чиновник На, тайджи (князь) Хуяг, муж Цэрэн, Буян по прозвищу «Утюг» и другие — это образы простых людей. Сюжет повести, представляющий собой, по сути, жизнеописание девушки Цэрэн, уходит своими корнями в традицию народной сказки. Главный герой сказки в начале повести испытывает большие трудности, много страдает. Главная героиня повести, девушка Цэрэн, прежде чем достичь счастья, также страдает, с самого своего рождения будучи отвергнута обществом. Как только она достигает совершеннолетия, её выдают замуж за Буяна по прозвищу «Утюг», и мучения продолжаются. Но в конце концов она убегает из дома, обучается грамоте. Наступает новое время, она встречается со своим отцом, начинает жить счастливой жизнью. Такова сказочная традиция. Но, несмотря на то что сюжет по сути своей сказочный, способ художественного изображения здесь реалистический. Можно сказать, что в отношении образной системы это произведение заложило основы нашей новой реалистической литературы.

Главная героиня повести — Цэрэн, «…которой мудрый лама предсказал скорую смерть, которая никому не была нужна, не знала ни отца, ни матери, всё же дожила до восьми-девяти лет. Эту девочку жена Болда продала в люди в дальние края, где она стала батрачкой, которая летом пасла овец, жарилась на солнце…» [Цэдэв, 1998. Х. 15]. Так автор описывает её детство вплоть до совершеннолетия. «…Наступил 1923 год. Дочери Мядага Цэрэн исполнилось 18 лет. Ум её был острый, внешность привлекательная, да и грамоту хоть как-то знала…» [Цэдэв, 1998. Х. 32]. Такой типичный образ одного из простых членов общества того времени представляет автор. А вот портрет одного из главных героев повести, Долингора: «Это человек лет тридцати, со смуглым широким лицом, голова повязана грязно-синим хлопчатобумажным платком». Или: «Это был всего лишь второй праздник в жизни Долодоя, который всю жизнь вплоть до 50 лет мучился и страдал. Долодой, узнав, что Мядаг жив и здоров, был рад возможно-

сти встретиться не только с его дочерью, но и с самим Мядагом» [Цэдэв, 1998. Х. 38].

Интересно, что образ отрицательного героя повести Болда в противоположность фольклорным образам не наделён сугубо отрицательными чертами. «Богачу Болду около сорока лет, он лысый, с толстым животом, густой бородой, красноватыми глазками. И хотя характер его уравновешенный, но хитрости ему не занимать. Одет не особенно, ничего лучше чесучового халата не носит» [Цэдэв, 1998. Х. 8].

В нашей литературе в последнее время большую популярность приобрела тенденция изображать богатых людей нарядно одетыми бездельниками, которые только и делают, что предаются утехам. В данной манере представлен образ богача Итгэлта в известном романе Ч. Лодойдамбы «Прозрачный Тамир». А персонаж Ц. Дамдинсурэна Болд хотя и богат, но скромен в одежде. И, подчеркнув такую черту его характера, как хитрость, автор не только делает этот образ более реалистичным, но и, отходя от традиций средневековой литературы, привносит ещё один образ в сокровищницу образов монгольской литературы нового времени. Нельзя не отметить, что повествовательное время в произведении тоже чётко обозначено: «…Новый год по лунному календарю 1918» [Цэдэв, 1998. Х. 19]. Или: «когда пришёл 1923 год…» [Цэдэв, 1998. Х. 32]. Это приближает время повествовательное к времени реальному. Тенденции реалистического изображения действительности продолжают пейзажные зарисовки: «Стояла благодатная осенняя пора, на душе было спокойно, в прекрасном гобийском краю под названием Бэлэн далай…» [Цэдэв, 1998. Х. 6]. А вот как представляет автор богача Болда и его супругу: «Его жене Дэжид чуть больше 40 лет, скорая на руку, острая на язык, она не доброй души человек, жадная до вещей...» [Цэдэв, 1998. Х. 6—7].

Сегодня центральное место в образной системе любого художественного произведения занимает человек. Но прежде чем человек занял главное место в изобразительной концепции, художественная словесность претерпела три этапа своего развития: в древних эпических сказаниях центральное место занимали различные божества, а человек изображался как объект либо их божественного милосердия, либо их праведного гнева. На следующем этапе развития стали возникать промежуточные между человеком и природным объектом или между человеком и животным персонажи. Затем, по мере развития социума, усложнялась и художественная словесность — общественная жизнь, само бытие человеческого индивида, их взаимопроникновение и взаимовлияние становились всё более заметными, что привело к необходимости поставить в центр изображения именно человека. В литературе средневекового типа превалировали в основном образы богатырей, могущественных ханов и нойонов, лам и святых перерожденцев, в то время как образ простого человека, аратаскотовода ещё долго оставался невостребованным и лишь в 30-х гг. XX в. появилась тенденция к его художественному воплощению.

Примером такого изображения человека в центре художественной системы прозаического произведения может служить повесть Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка». Хотя и она не лишена определённых недостатков, что в 1975 г. подчёркивал сам автор, называя её «первой попыткой, содержащей определённые недостатки и ошибки» [Пурэвжав, 2008. Х. 67], однако именно в этом произведении автор впервые отошёл от эпической традиции литературы средневекового типа и смог создать совершенно новое произведение, в центре художественного изображения которого стоит человек. Эта повесть стала воплощением новых революционных тенденций, обличением членов старого общества. В заключение можно сделать вывод, что это произведение не только стало первой художественной повестью в монгольской литературе нового времени, но и способствовало продвижению нашей национальной литературы на новый уровень в соответствии с критериями мировой художественной словесности.

Перевела с монгольского М. П. Петрова

Использованная литература

Герасимович, 1965: *Герасимович Л. К.* Литература Монгольской Народной Республики (1921—1964). Ленинград, 1965 (*Gerasimovich L. K.* Literatura Mongolskoi Narodnoi Respubliki (1921—1964). Leningrad, 1965).

Галбаатар, 2012: *Галбаатар Д.* Туурь. Уран зохиолын нэвтэрхий толь. Улаанбаатар, 2012 (*Galbaatar D.* Tuuri. Uran zohiol nebterhii toil. Ulaanbaatar, 2012).

Дамдинсүрэн, 1998: *Дамдинсүрэн Ц.* Гологдсон хүүхэн // Цэдэв Д. Цэндийн Дамдинсүрэн Бүрэн зохиол. Улаанбаатар, 1998 (*Damdinsurung Ts.* Gologdson huuhen // Tsedev D. Tsendiin Damdinsurung Buren Zohiol. Ulaanbaatar, 1998).

Лувсанвандан, Жамсранжав, Дашдэндэв, 1968: *Лувсанвандан С., Жамсранжав Г., Дашдэндэв С.* Ц. Дамдинсүрэнгийн уран бүтээл // Монголын орчин үеийн уран зохиолын товч түүх. Улаанбаатар, 1968 (*Luvsanvandan S., Jamsranjav G., Dashdendev S.* Ts. Damdinsurungiin uran buteel // Mongolun orchin ueiin uran zohiolun tobch tuukh. Ulaanbaatar, 1968).

Лувсанвандан, Цэдэв, Мөнх, Билигсайхан, Дашдорж, 1985: *Лувсанвандан С., Цэдэв Д., Мөнх Ц., Билигсайхан Ч., Дашдорж Д.* Тэмдэглэлт үйл явдлын жагсаалт // Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүх. Улаанбаатар, 1985 (*Luvsanvandan S., Tsedev D., Munkh Ts., Biligsaikhan Ch., Dashdorg D.* Temdeglelt uil yavdlun jagsaalt // Mongolun orchin ueiin uran zohiolun tuukh. Ulaanbaatar, 1985).

Пүрэвжав, 2008: *Пүрэвжав Э.* Үргэлжилсэн үгийн зохиол. Их эрдэмтэн академич Цэндийн Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 2008 (*Purevjav E.* Urgeljilsen ugiin zohiol. Ih er-

demten akademich Tsendiin Damdinsurung. Ulaanbaatar, 2008).

Цэдэв, 1998: *Цэдэв Д.* Өөрийн намтар // Цэндийн Дамдинсүрэн. Бүрэн зохиол. Улаанбаатар, 1998 (*Tsedev D.* Uuriin namtar // Tsendiin Damdinsurung. Buren zohiol. Ulaanbaatar, 1998).

Цэдэв, 2008: *Цэдэв Д.* Ц. Дамдинсүрэнгийн зохиол бүтээлүүд // Академич Ц. Дамдинсүрэн. Дурсгалын түүвэр. Улаанбаатар, 2008 (*Tsedev D.* Ts. Damdinsurungiin zohiol buteluud // Academich Ts. Damdinsurung. Dursgalun tuuver. Ulaanbaatar, 2008).

G. Batsuur
Images Novelty in Ts. Damdinsurung's Story «The Rejected Girl»

In this article the author regards the issues of imagery formation in modern Mongolian literature. One of the first works to present the image of the common person — a cattleman was Ts. Damdinsurung's story «The Rejected Girl», written in 1929. In the initial period of its development modern Mongolian literature largely relied on the form, genre and imagery of the folklore and medieval type literature. Story «The Rejected Girl» is not only the first fiction story, but also marks a significant milestone in the development of Mongolian literature of modern times.

Key words: Ts. Damdinsuren, «The Rejected Girl», the modern Mongolian literature, the story.

А. В. Зорин, Ю. С. Макарова

Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения [1]

Статья вводит в научный оборот две неполные калмыцкие рукописи начала XIX в. из собрания Саратовского областного музея краеведения, содержащие отдельные части тибетского сборника кратких буддийских текстов благопожелательного и заклинательного характера. Речь идет о варианте сборника «Доманг», изданного в монастыре Кумбум и являющегося вариацией более раннего сборника из тибетского монастыря Шалу. Основное внимание уделено анализу структуры калмыцкой версии сборника и некоторым особенностям каждого из двух списков. Также представлена информация о том, как именно данные рукописи оказались в распоряжении музея.

Ключевые слова: буддийская литература на тибетском языке, «Доманг», «Сунгдуй», калмыцкие рукописи, Саратовский областной музей краеведения.

Сборник «Доманг» монастыря Кумбум относится к тому же типу памятников тибетской литературы, что и знаменитый «Сунгдуй» Таранатхи, который, как хорошо известно, содержит значительное количество разного рода заклинательных и благопожелательных текстов, в основном из тибетского буддийского канона, но также из числа апокрифов и постканонических сочинений [2]. Хотя «Доманг» состоит в основном из текстов, содержащихся в «Сунгдуе», их в нем существенно меньше и порядок их расположения в сборнике несколько иной. Кроме того, кумбумский «Доманг» содержит несколько сочинений, отсутствующих в «Сунгдуе». Это неудивительно, поскольку он, очевидно, связан с иной традицией составления подобных сборников, зафиксированной впервые в статье Р. Майзецаля. Немецкий исследователь ввел в научный оборот «Доманг» монастыря Шалу XVI в. из коллекции Шлагинтвейта, хранящейся в Оксфордском университете [Meisezahl, 1968. S. 68—82].

Структура этого издания частично идентична структуре кумбумского сборника. Первые 29 частей (обозначены тибетскими слогами от Ka до Ha) в них совершенно те же, далее имеются значительные расхождения: в шалуском издании содержится намного больше текстов (среди них — и все те тексты, которые есть в кумбумском издании), у них иной принцип нумерации [3]. Также карчак (= монг. гарчик) в шалуском издании имеет заголовок «Kun gsal me long», тогда как в кумбумском издании этот заголовок совпадает с заголовком карчака в изданиях «Сунгдуя» — «Dgos ’dod kun ’byung» [4].

На данном этапе, в отсутствие промежуточных или дополнительных звеньев в истории развития памятника [5], сложно определить степень родства двух вариантов «Доманга», но, по всей видимости, они принадлежат именно одной литературной традиции. Ее отличие от «Сунгдуя» Таранатхи демонстрируется представленным ниже кратким перечнем текстов

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Сборники коротких канонических, апокрифических и постканонических текстов в истории тибетской буддийской литературы», № 15-34-01217.

[2] О структуре «Сунгдуя» см. статью: [Зорин, 2014].

[3] В кумбумском издании после тридцати первых номеров, соответствующих буквам тибетского алфавита, следуют подряд те же буквы, но с огласовкой i (ki, khi, gi и т. д.). В шалуском издании после 30-го номера следуют те же буквы тибетского алфавита, но с последовательно сменяющимися четырьмя огласовками (ki, khu, ge, ngo, ci, chu и т. д.) вплоть до he, за ними следуют номера oṃ, i, u, e, o, aḥ.

[4] Отметим также, что сам термин «Доманг» содержится в первой части заголовка карчака шалуского издания («Mdo mangs kyi dkar chag»); в кумбумском издании он нигде не зафиксирован. Мы используем его в данной статье для удобства (так же точно термин «Сунгдуй» используется для обозначения сборника, восходящего к Таранатхе, хотя в самом его тексте он как общее название, как правило, не используется).

[5] В онлайн-библиотеке TBRC есть реплика шалуского издания, выполненная в Бутане в XX в. Ее структура полностью совпадает со структурой оригинала, но в карчаке стихотворные обрамления списка текстов заменены на новые, соответствующие обстоятельствам бутанского издания, связанного с именем известного учителя цзокчен Намкай Норбу [TBRC].

кумбумского «Доманга», где в угловых скобках указаны порядковые номера тех же текстов в одном из пекинских изданий «Сунгдуя» на монгольском языке (в данном случае разница между тибетской и монгольской версиями несущественна) по каталогу В. Л. Успенского [Uspensky, 1999. P. 147—170] [6]:

ka (18 л.) — 'phags pa 'jam dpal gyi mtshan yang dag par brjod pa phan yon dang bcas pa <1>; **kha** (29 л.) — 'phags pa mdo sdud pa <121>; **ga** (7 л.) — dpang skong phyag brgya pa <135>; **nga** (19 л.) — 'phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo tshe'i dbang bskur dang bcas pa <2>; **ca** (4 л.) — byang chub ltung bshags <114>; **cha** (3 л.) — rgyal mtshan rtse mo'i dpung rgyan <23>; **ja** (4 л.) — bcom ldan 'das ma shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i snying po <108> dang 'phags pa 'da' ka ye shes gnyis <112>; **nya** (3 л.) — rdo rje rnam par 'joms pa <106>; **ta** (6 л.) — 'phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po <115>; **tha** (18 л.) — 'phags pa stobs po che <25>; **da** (14 л.) — gdugs dkar mchog grub ma <6> dang gtsug tor 'bar ba <7> gtsug tor dkar mo'i zlog sgyur dang bcas pa <145>; **pa** (3 л.) — 'phags ma 'od zer can gyi gzungs <22>; **pha** (5 л.) — gza' rnams kyi yum zhes bya ba'i gzungs <70>; **ba** (25 л.) — dag pa gser gyi mdo thig <148>; **ma** (11 л.) — 'phags pa phyogs bcu'i mun pa rnam par sel ba <137>; **tsa** (10 л.) — bkra shis brtsegs pa <158>; **tsha** (8 л.) — gnam sa snang brgyad <157>; **dza** (22 л.) — 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa <122>; **wa** (8 л.) — rdo rje'i mchu <72>; **zha** (10 л.) — zangs mchu dmar po <76>; **za** (4 л.) — rdo rje gnam lcags mchu <73>; **'a** (3 л.) — 'phags pa lcags mchu <74>; **ya** (5 л.) — lcags mchu nag po <75>; **ra** (8 л.) — bgres mos zhus pa zhes bya ba <132>; **la** (14 л.) — 'phags pa khye'u rin chen zla bas zhus pa zhes bya ba <131>; **sha** (6 л.) — gtsug tor nag mo <143>; **sa** (21 л.) — 'phags pa glang ru lung bstan <136>; **ha** (21 л.) — 'phags pa sprin chen po'i mdo <69>; **a** (7 л.) — nor lha gser 'od <89>; **ki** (7 л.) — 'phags pa nor gyi rgyun zhes bya ba khyim bdag zla ba bzang pos zhus pa <91>; **khi** (9 л.) — gtsug tor lha mo rol ma <144>; **gi** (3 л.) — mdo sdong po brgyan pa <138>; **ngi** (3 л.) — 'phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa'i mdo <77>; **ci** (3 л.) — gza'i yab kyi gzungs zhes bya ba <150>; **chi** (4 л.) — nyes pa kun sel zhes bya ba <156>; **ji** (9 л.) — dpal rdo rje sder mo zhes bya ba'i gzungs <24>; **nyi** (7 л.) — 'phags pa rgyal ba can zhes bya ba <45>; **ti** (4 л.) — phyir zlog rnam rgyal <40>; **thi** (9 л.) — phyir zlog rnam par rgyal ba zhes bya ba <146>; **di** (2 л.) — ri khrod lo ma gyon ma'i gzungs zhes bya ba <21>; **ni** (3 л.) — lus ngag yid gsum bcings pa las grol bar byed pa'i gzungs <44>; **pi** (15 л.) — klu'i spa[ng] skong <149>; **phi** (11 л.) — ngan 'gro thams cad yongs su sbyong ba <5> gtsug tor rnam par rgyal ma bstod pa dang bcas pa [P3936]; **bi** (2 л.) — 'phags pa nor bu bzang po'i gzungs <92>; **mi** (9 л.) — yang dag shes kyi gzungs <93> dang phyugs nad zhi bar byed pa'i gzungs sogs [7]; **tsi** (4 л.) — gnod sbyin ku be ra'i nor spel ba'i gzungs <94>; **tshi** (2 л.) — 'bru spel ba'i gzungs <96>; **dzi** (3 л.) — lug gzungs <98>; **wi** (7 л.) — sme bdun zhes pa'i skar ma'i mdo tshe dang bsod nams spel ba <154>; **zhi** (5 л.) — rta gzungs <99—100>; **zi** (6 л.) — gser 'od rnga sgra zhes bya ba'i gzungs <147>; **dkar chag** dgos 'dod kun 'byung (4 л.).

Кумбумский «Доманг» (так же как и одно из пекинских изданий «Сунгдуя») был воспроизведен в XIX в. в Бурятии: в коллекциях ИВР РАН и ИМБТ СО РАН имеются ксилографические оттиски как оригинального издания, так и бурятской реплики [8].

Подтверждением значимости «Доманга» для российских буддистов стало выявление в 2016 г. двух неполных калмыцких списков сборника, хранящихся в Саратовском областном музее краеведения (далее СОМК).

В фондах СОМК отложилась довольно существенная буддийская коллекция, насчитывающая более пятидесяти предметов, среди которых фотоисточники, живопись, мелкая пластика, ритуальные предметы и рукописные богослужебные книги. Сформировалась эта коллекция в результате этнографических экспедиций под руководством археолога П. С. Рыкова (1884—1942) и этнографа В. И. Трофимова (1899—1982) в 1920—1930-е гг. Большая часть предметов была передана из отделения калмыковедения педагогического факультета Саратовского государственного института имени Н. Г. Чернышевского. Среди этих предметов в 1929 г. поступило несколько рукописных книг на тибетском языке, записанных в инвентарную книгу СОМК под номерами СМК 4118, 4119, 4120 как «Богослужебные книги на деревянных дощечках, обернутые тканью» [СОМК, КП № 4]. В графе «место поступления» был указан кабинет калмыковедения педагогического института (объединенного с Саратовским государственным университетом в 1931 г.).

Известно, что кабинет был при кафедре калмыковедения, которая открылась решением Совнаркома РСФСР в 1929 г. на базе Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Студентами были калмыки, окончившие Калмыцкий педагогический техникум.

[6] Там же см. полные наименования текстов на монгольском и тибетском языках и их идентификации.

[7] Здесь содержится несколько коротких дхарани, из них только две дхарани Ганеши есть в «Сунгдуе»: pa + rṇa sha + ba + ri, gnod sbyin a pa rā dzi ta'i gzungs, gnod sbyin gter bdag drug gi gzungs, tshogs bdag <95>; ga ṇa pa ti'i gzungs [<95>], tshogs bdag gi snyin po (= tshogs kyi bdag po'i gzungs); lha mo nor rgyun ma'i gzungs; dpal lha mo nor rgyun ma'i gzungs.

[8] ИВР РАН: шифры Tib.207 и Tib.207-2; ИМБТ СО РАН: шифр ТСТ-766.

Бурятская реплика воспроизводит и многочисленные иконографические миниатюры (всего 110) с изображениями различных божеств тибетского буддийского пантеона, украшающие л. 1b всех частей сборника (а также л. 2a в части Ka и л. 6a и 6b в части Zi).

Заведующим кафедрой был назначен в 1930 г. по направлению Наркомпроса РСФСР Борис Климентьевич Пашков (1891—1970), профессор, востоковед, окончивший Восточный институт во Владивостоке, где изучал, в частности, монгольский и тибетский языки под руководством профессора Г. Ц. Цыбикова (1873—1930). Изначально в 1929 г. Б. К. Пашков был приглашен в Саратов для оказания помощи в разработке алфавита для современного калмыцкого литературного языка [Бадмаев, 2005. С. 161].

При кабинете был открыт учебно-показательный музей, созданный заведующим кафедрой. Можно предположить, что переданные в фонды СОМК в 1929 г. предметы находились в этом музее, который в 1931 г. стал музеем буддизма с библиотекой при кафедре. Отделение калмыковедения просуществовало до 1931 г. в составе Саратовского государственного университета, позже, в 1933 г., отделение перенесли в Астраханский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова (ныне Астраханский государственный университет) [Сайт КГУ].

Из трех указанных выше инвентарных номеров, под которыми в СОМК зафиксированы книги на тибетском языке, первые два обозначают три тома рукописной копии «Стотысячной Праджняпарамиты» [9] (комплект, скорее всего, состоял из шестнадцати томов), третий номер (СМК 4120) — два неполных списка несколько модифицированной в сравнении с кумбумским ксилографическим изданием версии «Доманга». По-видимому, речь здесь может идти об особой калмыцкой редакции сборника. Представим краткое описание обоих списков, прежде всего в отношении их структуры (дополнительные археографические детали приведены в сносках) [10].

1. **Список 1** состоит из 33 частей (с титульными листами и отдельной пагинацией) в 229 листах [11]: 11 (Tsha) + 11 (Wa) + 12 (Zha) + 5 (Za) + 4 (’A) + 7 (вариант: ’A, Ya, Dza, см. далее) + 5 (Ya) + 10 (Ra) + 15 (La) + 7 (Sha) + 23 (Sa) + 8 (A) + 8 (Ki) + 10 (Khi) + 3 (Ngi) + 4 (Chi) + 11 (Ji) + 4 (Ti) + 2 (Di) + 3 (Ni) + 13 (Phi) + 2 (Bi) + 10 (Mi — ’I) + 2 (Zhi) + 5 (Yi) + 1 (Ri: деф. часть, есть только первый лист) + 3 (Li) + 8 (Si) + 6 (Hi) + 4 (без номера = [I]?) + 2 (б/н) + 4 (б/н) + 6 (б/н).

Из этого перечня видно, что в томе отсутствует более половины сборника, а именно первые его семнадцать частей (Ka—Tsa) и несколько последующих частей (Dza, Ha, Gi, Ci, Nyi, Thi, Pi, Shi). Еще ярче о величине утрат свидетельствует сквозная пагинация листов, обозначенная тибетскими цифрами красной тушью на лицевых сторонах листов поверх знаков «свасти», отмечающих начало текста. В наличии имеются листы под номерами 231—241, 271—359, 386—411, 415—417, 421—435, 478—481, 491—495, 512—542, 544—560, всего 201 лист из примерно 570 (к 560 следует прибавить несколько листов последней части и карчака, если таковой имелся). Правда, нумерованных листов несколько больше вследствие сбоя: после части Za (294—298) следует часть ’A с нумерацией 296—299. Примечательно, что помимо «нормальной» части ’A и двух соседних с ней частей Za и Ya имеется лишняя, дублирующая часть с тремя буквенными обозначениями ’A, Ya, Dza (ее содержание соответствует частям Za, ’A, Ya, соответственно) и со сквозной пагинацией (289—295). Возможно, номер 296 в «нормальной» части ’A возник ошибочно именно в продолжение этих номеров.

Еще две части представлены в 2 вариантах: 1) Zhi — сначала в части с шестью (!) номерами (Mi—Zhi), затем в виде отдельной части без сквозной пагинации; 2) Hi — просто в 2 экземплярах, но один из них не имеет номера и сквозной пагинации. Не имеют номеров и сквозной пагинации еще три части, из них одна содержит текст, которым должен заканчиваться «Доманг», ему в данном списке соответствует тибетский слог I. Другие две части не имеют соответствий в структуре кумбумского «Доманга», но одна из них имеет точный аналог в шалуском издании и в «Сунгдуе» (краткое именование — «Tsakra bcu gsum», по каталогу В. Л. Успенского — <152>). Наконец, последняя часть, содержащая различные заклинательные тексты (гарбхи и дхарани) из тибетского буддийского канона, не имеет аналогов в структуре других сборников.

Нумерация частей рассматриваемого списка совпадает с нумерацией кумбумского издания вплоть до

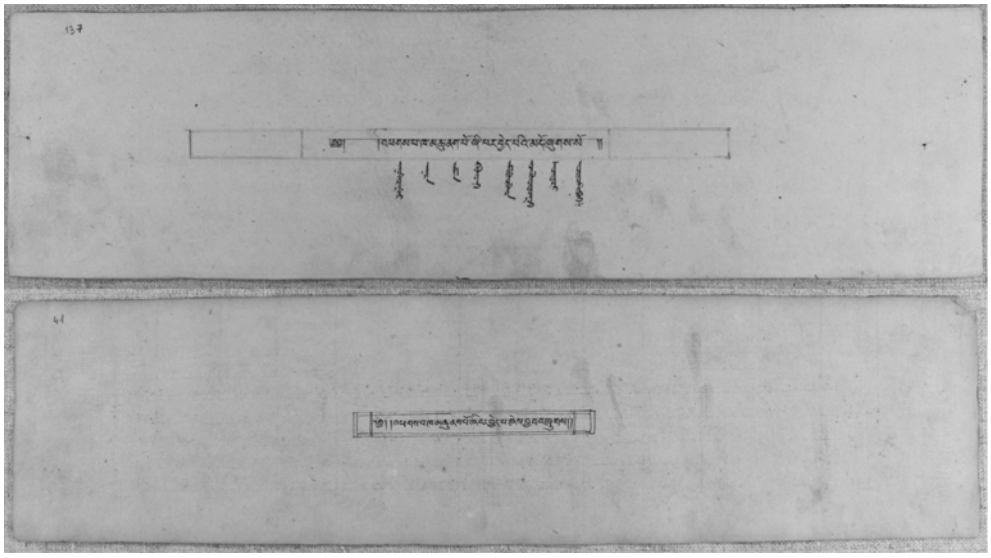
[9] СМК 4118: тома Cha (Yum gyi cha dum pa bzhugs s.ho) и Ja (Yum gyi ja dum pa bzhugs s.ho); СМК 4119: том Ta (Yum kyi ta dum pa bzhugs s.ho). Каждый том помещался между двумя картонными корешками и двумя деревянными корешками (были покрыты красным лаком), первые несколько листов и последний лист в каждом томе были сделаны из темно-синей бумаги с использованием золотых чернил (часть этих элементов утрачена в томах Cha и Ta). Бумага российского производства, имеются штемпели фабрики Аристархова (середина XIX в.) [Клепиков, 1959. С. 100].

[10] Выделение двух списков и сортировка частей внутри них были произведены в мае 2016 г. А. В. Зориным при участии Ю. С. Макаровой.

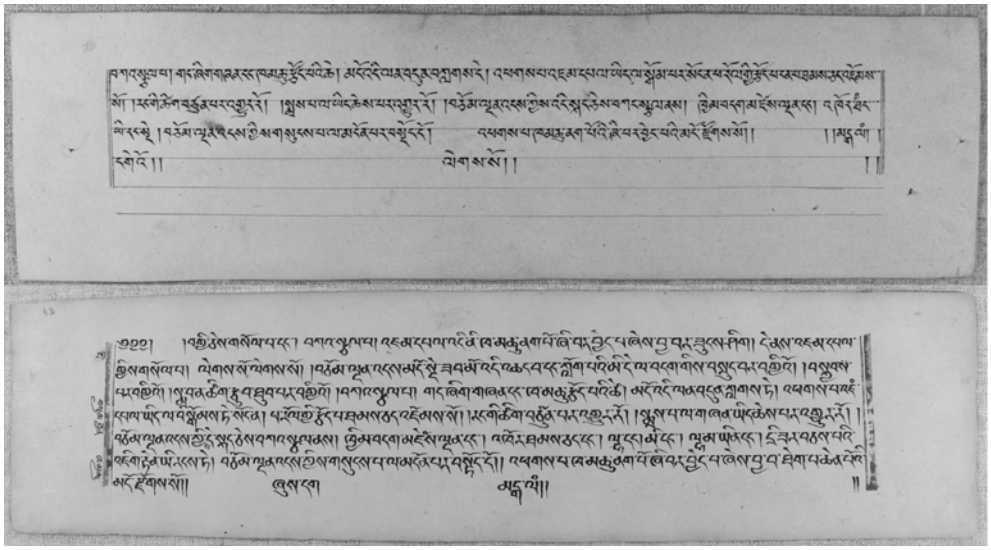
[11] Размеры листов: 42,4/43,5×11,0/12,1 см; пространство, отведенное для текста («зеркало»), сильно варьируется в длину (от 29,5 до 34,0 см), ширина, как правило, составляет 7,0/7,5 см. «Зеркало», как правило, отмечено рамкой: на страницах 1b и 2a — полной двойной рамкой, на обычных страницах — парами вертикальных линий слева и справа. Текст в основном написан черной тушью, отдельные элементы — красной тушью. Строки отчерчены тонкими линиями черной тушью. На обычных страницах содержится 6 строк, на страницах 1b и 2a — их меньше: как правило, три или четыре. На каждом листе слева и справа сделаны небольшие отверстия как будто для прошивки, но, скорее всего, это не более чем декоративный элемент, поскольку эти отверстия не совпадают друг с другом на соседних листах. Цвет бумаги — бледно-голубой.

Внутри рукописи обнаружена закладка (5,9×3,8 см; бумага в синюю клеточку, снизу перфорация) с надписью по-тибетски грифельным карандашом: &gser ’od sngon po rgyan / pa’i mdo gang mang sman bla / tshe mdo gang mang gdugs dkar.

упомянутой выше части с пятью номерами — ей здесь соответствует часть Mi. Далее номера идут до слога I (возможно, намеренно, поскольку на нем заканчивается ряд тибетских слогов с огласовкой *i*), в то время как последняя часть кумбумского издания имеет буквенный номер Zi.



Титульные листы части с сочинением «’Phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa zhes bya ba bzhugs so» в двух калмыцких списках «Доманга» из собрания СОМК (сверху — Список 1)



Последние листы части с сочинением «’Phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa zhes bya ba bzhugs so» в двух калмыцких списках «Доманга» из собрания СОМК (сверху — Список 1)

То, что перед нами именно калмыцкий список, следует из трех фактов: 1) каждое название части на титульном листе представлено в двух вариантах: в рамке на тибетском языке и — ниже — на ойратском «ясном письме»; 2) рукопись изготовлена на бумаге российского производства конца XVIII—начала XIX в. (филиграни: ЯМВСЯ 1799 и 1801 [гг.] [1]); 3) сама история появления рукописи в Саратове указывает на калмыцкое происхождение.

2. **Список 2** еще менее полный, он состоит всего из 13 частей (с титульными листами и отдельной пагинацией) в 87 листах [2]: 11 (Zha) + 13 (La) + 7 (Ki) +

[1] Ярославская мануфактура внуков Саввы Яковлева [Клепиков, 1959. С. 70. № 751].

[2] Размеры листов: 42,6/43,3×10,2/10,8 см (пустые листы на плотной бумаге: 1 — 42,2/42,4×10,6/10,9 см; 2 — 43,0/43,1×10,6/10,7 см); пространство, отведенное для текста («зеркало»), сильно варьируется в длину (от 30,0 до 34,0, чаще 33,5 см), ширина, как правило, составляет 6,5/7,0 см, но текст может быть уже и шире (до 8,0 см). «Зеркало» отмечено рамкой: парами вертикальных линий слева и справа, отпечатанными ксилографически (отсутствуют в частях Yi и Si). Текст написан черной тушью. На

9 (Khi) + 3 (Ngi) + 9 (Ji) + 2 (Di) + 9 (Phi) + 3 (Mi) + 8 (Tsi—'I) + 4 (Yi) + 2 (Ri) + 7 (Si). Листы помещены между двумя более плотными пустыми листами.

Каждая часть имеет титульный лист, но названия даны только по-тибетски. Тем не менее едва ли стоит сомневаться в калмыцком происхождении рукописи, выполненной на российской бумаге того же периода, что и Список 1 (филиграни: ЯМГІЯ 1802 [г.] и ЯМПГІЯ 1803 [г.] [3]).

Нумерация частей обоих списков, начиная с Mi, одинакова и отличается от нумерации кумбумского издания (см. выше). Правда, списки в этом отношении немного отличаются и между собой: «сборной» части с номерами Mi—Zhi из Списка 1 соответствуют отдельная часть Mi и «сборная» часть Tsi—'I из Списка 2.

Куда более существенным отличием Списка 2 является то обстоятельство, что в нескольких текстах в нем зафиксирована характерная для «Сунгдуя» Таранатхи финальная пометка *zhus dag* ('проверено'), по всей видимости, принадлежащая не кому иному, как самому Таранатхе. Помимо нее в конце текстов используются и некоторые благопожелательные формулы (вместе с *zhus dag* или без этой фразы). Все эти концовки копируют (с минимальными расхождениями) соответствующие концовки в изданиях «Сунгдуя», относящихся к тибетской линии его развития и более точно повторяющих исходную структуру памятника, чем издания пекинской «императорской» редакции [4]. Очевидно, что переписчики, которым принадлежит Список 2, пользовались одним из таких изданий «Сунгдуя». Список 1 также содержит благопожелательные формулы, но иные, свойственные только ему (по крайней мере, не такие, как в кумбумском издании и в бутанской реплике шалуского издания).

Итак, в фондах СОМК сохранился — в двух весьма неполных списках — редкий вариант «Доманга», который в целом следует кумбумскому изданию, незначительно отличаясь от него в нумерации и компоновке нескольких последних частей. Один из двух списков создавался при использовании тибетского издания «Сунгдуя» Таранатхи. Списки были созданы калмыцкими переписчиками в начале XIX в. на бумаге ярославских фабрик. В связи с этим важно отметить, что среди калмыцких рукописей конца XVIII—начала XIX в., хранящихся в ИВР РАН, имеется некоторое количество отдельных списков канонических текстов, содержащих в маргиналиях обозначения именно тех частей, которые закреплены за ними в структуре «Доманга», например «Ваджраччхедика» — часть Dza, «Дхарани Маричи» — часть Pa [5]. Можно предположить, что, по крайней мере в указанный период, среди калмыков «Доманг» кумбумского образца имел широкое хождение и использовался для переписки отдельных входящих в него текстов. Подобных свидетельств популярности «Сунгдуя» Таранатхи в известных нам калмыцких рукописях не обнаруживается, хотя, как показывает один из саратовских списков, он мог иметь некоторое распространение.

Ниже мы приводим таблицу, представляющую содержание двух списков с основной информацией, касающейся каждой из частей сборника (для текстов Списка 2 приводятся концовки, заимствованные переписчиками из «Сунгдуя»). В таблице отмечены и те части «Доманга», которых нет в наличии ни в одном из списков.

Таблица

Номер	Список 1	Список 2
Ka — Tsa	—	—
Tsha	Snang sa snang brgyad zhes bcas pa bzhugs so / Oqtorγuyin naiman gegēn orošiboi [1]. 11 л. (последняя стк. текста: 11b6): 231—241 (сквозная нумерация)	—
Dza	—	—
Wa	Rdo rje mchu zhes bya ba'i bzhugs so / Očir xošuun [2] kemēkü orošiboi. 11 л. (11a3): 271—281	—

обычных листах содержится 7 строк, на листе 1b (иногда также 2a) — 6. На л. 1b—2a в начале текста стоит тройное «свасти», далее на лицевых сторонах — двойное «свасти». Цвет бумаги — голубой.

[3] Ярославская мануфактура господина Івана Яковлева [Клепиков, 1959. С. 71. № 757]; Ярославская мануфактура писчебумажная господина Івана Яковлева [Там же. № 764, но указан 1800 г.].

[4] Подробнее о различных изданиях «Сунгдуя» см.: [Zorin, 2014].

[5] Шифры ИВР РАН: 1) «Ваджраччхедика» — Tib.970. N. 25, Tib.980. N. 3 и др.; 2) «Дхарани Маричи» — Tib.972-2.

[1] Мы выражаем искреннюю благодарность С. С. Сабруковой и Н. С. Яхонтовой за любезную помощь в транслитерации ойратских наименований текстов.

[2] Написано *xošoun*.

Продолжение табл.

Номер	Список 1	Список 2
Za	Rdo rje gnam lcags mchu bzhugs so / Očir oqtorγuyin tömür xošuun [3] orošiboi. 5 л. (5b3): 294—298	—
’A	’Phags pa lcags mchu zhes bya ba’i bzhugs so / Xutuqtu tömör xošuun kemēkü orošiboi. 4 л. (4b3): 296—299 (сбой в пагинации)	—
Вар.: ’A, Ya, Dza	’Phags pa lcags mchu bzhes gbyag ba zugs so / Xutuqtu tömör xošuun kemēkü orošiboi. 7 л.: 289—295 (сбой в пагинации) Маргиналии: л. 1b: ka gcig ’a; л. 2a: ’kha gnyis ’a; л. 3a: gsum ’a; л. 4a: ya: bzhi ma; л. 5a: pha lnga ka tsa; л. 6a: kha drug dza; л. 7a: bdun. Содержание: 1b1—3b6: ’Phags pa lcags mchu’i zhes bya ba’i gzungs; 4a1—5a5: ’Phags pa rdo rje gnas lcags kyi mchu zhes bya pa’i gzungs; 5a5—7a6: ’Phags pa lcags mchu nag po zhes bya ba’i gzungs.	—
Ya	’Phags pa lcags mchu nag po bzhugs so / Xutuqtu xara tömör xošoun orošiboi. 5 л. (5b5): 300—304	—
Ra	Bgres mo zhus pa zhes bya ba bzhugs so / Emegeni ayiladxal kemēkü orošiboi. 10 л. (10a5): 305—314	—
La	’Phags pa khye’u rin chen zla pas zhus pa zhes pa bzhugs so / Xutuqtu sara-bēr erdenitü köbööni ayiladxal kemēkü orošiboi. 15 л. (15a4): 315—329	’Phags pa khye’u rin chen zla bas zhus pa zhes bya ba bzhugs so. 13 л. (13b6) Конец: ma + ngga laṃ.
Sha	’Phags pa de bzhin gshegs pa’i gtsug tor nas byung ba’i dgug mo can zhes bya ba’i bzhugs so / Xutuqtu tögünčilen boluqsani üsinir-ēče boluqsan xara šükürtu kemēkü orošiboi. 7 л. (7a6): 330—336	—
Sa	’Phags pa glang ru lung bstan mdo bzhugs so / Xutuqtu zān-du iši üzüüleqsen [4] sudur orošiboi. 23 л. (23b6): 337—359	—
Ha	—	—
A	Nor lha gser ’od bzhugs so / Ediyin tenggeriyin altan gerel orošiboi. 8 л. (8a6): 386—393	—
Ki	’Phags pa nor gyi rgyun zhes bya ba khyim bdag zla ba bzang po zhus pa bzhugs so / Xutuqtu ediyin örgöčilel kemēkü geriyin ezeni sayin sara ayiladxaqsan orošiboi. 8 л. (8a6): 394—401	’Phags pa nor gyi rgyun zhes bya ba khyim bdag zla ba bzang pos zhus pa bzhugs so. 7 л. (7a7) Конец: ma + ngga laṃ.
Khi	Gtsug tor lha mo rol ma bzhugs so / Üsinirtü okin tenggeriyin cenggelge orošiboi. 10 л. (10b1): 402—411	Gtsug tor lha mo rol ma bzhugs so. 9 л. (9b5) Конец: ma + ngga laṃ.
Gi	—	—
Ngi	’Phags pa kha mchu nag po zhi par byed pa’i mdo *b*zhugs [5] so / Xutuqtu xara aman keleni amirluulun üyiledüqči sudur orošiboi. 3 л. (3b4): 415—417	’Phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa zhes bya ba bzhugs so. Маргиналия: kha mchu 3 л. (3a7) Конец: zhus dag; ma + ngga laṃ.
Ci	—	—
Chi	Nyes pa kun sel byin rlabs kyi sgron me bzhugs so / Gem büküni arilγaqči orošiboi. 4 л. (4a4): 421—424	—

[3] Написано *xušuun*.
[4] Написано *üzuuluqsan*.
[5] Здесь и далее в тибетских названиях курсивом выделены компоненты, приписанные к тексту (под строкой или рядом мелкими буквами).

Продолжение табл.

Номер	Список 1	Список 2
Nyi	—	—
Ti	Phyir zlog rnam rgyal bzhugs so / Xariulɣayin toqtōl oroširoi. 4 л. (4a5): 478—481	—
Thi	—	—
Di	Ri khyod lo ma gyon pa'i gzungs bzhugs so / Kiǰiq ebečin-du ungšixu. 2 л. (2b4): 491—492	Ri khrod ma lo *ma* gyon pa'i gzungs bzhugs so. 2 л. (2a7) Конец: dge legs 'phel bar gyur cig; zhus dag.
Ni	Lus ngag yid gsum bcings pa las grol par byed gzungs bzhugs so / Beye kelen sedkil ɣurbuni külideqsen-ēče [6] getülgen üyiledküi toqtōl oroširoi. 3 л. (3b4): 493—495	—
Pi	—	—
Phi	Ngan 'gro thams cad yongs su spyongs ba gtsug tor rnam par rgyal ma bstod pa dang bcas pa bzhugs so / Usaṇi xa bizayā. 13 л. (13a4): 512—524	Ngan 'gro thams cad yongs su sbyong ba gtsug tor rnam *par* rgyal ma bzhugs so. 9 л. (9b7) Конец: zhus dag.
Bi	'Phags pa nor bu bzang po gzungs bzhugs so / Xutuqtu sayin maṇiyin toqtōl oroširoi. 2 л. (2b6): 525—526	—
Mi — 'I (= Mi Кумбум)	A pa rā dza ta yang dag shes kyi gzungs bzhugs so / Sayin biligiyin toqtōl oroširoi. 10 л.: 527—536 Маргиналии: л. 1b, 2a: mi; л. 3a: mi и tsi; л. 3b: tsha; л. 4a: tshi; л. 4b: <ja> dzi; л. 5a: dzi; л. 5b: wa с крючком; л. 6a: wa with hook; л. 7a: wa with hook; л. 7b: zhi; л. 8a: brgyad; л. 9a: zi wi + hook; л. 10a: 'i и zhi; л. 2b, 6b, 8b, 9b, 10b — нет. Содержание: 1b1—3a5: gnod sbyin gzhan gyis mi thub pa yang dag shes kyi gzungs = a pa ri dza ta yang dag shes kyi gzungs; 3a5—3b4: pa + rṇa sha ba re'i phyags nad zhi par byed pa'i gzungs (заголовок в тексте); 3b4—4b1: gnod sbyin a pa rī dza ta'i gzungs bzhugs (заголовок); 4b2—5b1: de nas gnod sbyin gter bdag drug gi gzungs zhes bya ba; 5b1—6b2: 'phags pa tshogs kyi bdag po'i gzungs bzhugs (заголовок); 6b2—7b5: tshogs kyi bdag [7] po'i gzungs; 7b5—9a6: lha mo nor gyi rgyun mo'i gzungs; 9a6—10b2: dpal lha mo nor rgyun ma'i gzungs bzhus so (заголовок); 10b2—10b4: стослоговая мантра.	Mi: A pa ra yang dag shes kyi gzungs bzhugs so. 3 л. (3a4) Конец: sarba ma+ngga laṃ; zhus dag; shu bhaṃ. Tsi — 'I: Pa + rṇa sha ba ri phyugs nang zhi bar byed pa'i gzungs bzhugs so. 8 л. Маргиналии: л. 1b: tsi; л. 2a: tshi; empty; л. 3a—3b: dzi; л. 4a, 5a: wi; empty; л. 5b: zhi; л. 6a, 7a: zi, empty; л. 7b, 8a: 'i; л. 2b, 4b, 6b: нет. Содержание: 1b1—2a2: pa + rṇa sha ba ri'i gnag gzungs dang phyugs gzungs; 2a2—2b7: gnod sbyin a pa ra tse ta'i gzungs bzhugs (заголовок в тексте); 3a1—3b7: gnod sbyin gter bdag drug gis gzungs bzhugs so (заголовок); 4a1—5a7: 'phags pa tshogs *kyi* bdag po'i gzungs *b*zhugs (заголовок); 5b1—5b7: tshogs bdag po snying po bzhugs (заголовок); 6a1—7a7: nor lha mo nor rgyun ma'i gzungs bzhugs (заголовок), 7b1—8a6: dpal lha mo nor rgyun ma'i gzungs bzhugs (заголовок). Каждая часть имеет концовку: ma + ngga laṃ.
Zhi (вар.)	Nor rgyun ma bzhugs so / Ediyin toqtōl oroširoi. 2 л. (2b5): без сквозной нумерации	

[6] Написано *külideqsen-ēče*.

[7] Стоит отметить, что данный слог разбит в рукописи на 2 компонента: 1) начальная часть bda, которой заканчивается строка, и 2) приписная ga, которой начинается следующая строка. В современной тибетской орфографии такой способ написания (когда части слога разносятся на 2 строки или на большое расстояние внутри одной строки) трудно представим, однако он встречается в древних текстах из Дуньхуана (IX—X вв.), в рукописном буддийском каноне из Аблайхита (XVI или начала XVII в.), весьма нередок в калмыцких рукописях конца XVIII—начала XIX в. из собрания ИВР РАН.

Продолжение табл.

Номер	Список 1	Список 2
Ri (= Tshi Кумбум)	’Bru spel pa’i gzungs bzhugs so / Tarān örgöǰiküyin toqtōl orošiboi. 2? л. (2?): 542—543? Дефектная часть: есть только первый лист, второй (по-видимому, последний) отсутствует	’Bru spel ba’i gzungs bzhugs so. 2 л. (2a7) Конец: dag; ma + ngga laṃ.
Li — Shi (= Dzi Кумбум)	Lug ’phel ba’i gzungs bzhugs so / [Отсутствует]. 3 л. (544—546) Маргиналии: л. 1b—2: li; л. 3: shi Содержание: 1b1—2b6: ’Phags pa dngos grub ’byung ba thugs kyi nor bdag rkang ’gro dang g.yul las rgyal ba’i gzungs; 2b6—3a5: lug nad zhi bar byed pa’i gzungs bzhugs so (заголовок в тексте) = ’phags pa dza + mbha la’i lug nad thams cad zhi bar byed pa’i gzungs rdzogs	—
Si (= Wi Кумбум)	Sme bdun zhes pa’i skar ma’i mdo tshe dang bsod nams spel ba zhugs so / [Отсутствует]. 8 л. (8a3): 547—554	Sme bdun zhes pa’i skar ma’i mdo tshe dang bsod nams spel ba bzhugs so. 7 л. (7a7) Конец: zhus dag; sa + rba ma + ngga laṃ; shu bhaṃ [8].
Hi (= Zhi Кумбум)	’Phags pa ri ma+nta zhes bya ba’i gzungs / Xutuqtu ri manda kemēkü togtōl. 6 л.: 555—560 Содержание: 1b1—3b3: ’phags pa re ma+nta zhes bya pa’i gzungs; 3b3—4a4: ’phags pa mgon po nag po’i rta’i gzungs; 4a4—4b4: dpal nag po chen po khams gsum la dbang sgyur pa; 4b4—5a4: [rgyal po rnams thos sras kyis dpal phyag na rdo rje…] = bai shra ma ṇa ba + dzra; dpal phyag na rdo rjes rgyal la bstod pa rdzogs so; 5a4—6b4: ’phags pa rta nad thaṃ-d rab tu zhing bar byed pa’i gzungs; gnod sbyin ku be ra zhes bya ba’i gzungs dzogs so.	—
[Hi] *Вар.*	Rda [9] gzungs bzhugs so / Morini toqtōl orošiboi. 6 л. Содержание: 1b1—3b1: ’phags pa ri ma + nta zhes bya ba’i gzungs; 3b1—4a3: ’phags pa mgon po nag po rta’i gzungs; 4a3—4b3: dpal nag po khams gsum la dbang sgyur ba; 4b3—5a3: rgyal po rnam thos sras kyi… = dpal phyag na rdo rje rgyal po la bdzod pa rdzogs so; 5a3—6b1: ’phags pa dnad thaṃ-d rab tu zhis par byed pa’i gzungs, gnod sbyin ku bhe ra zhes bya pa’i gzungs rdzogs.	
<I> (= Zi Кумбум)	Gser ’od dam pa rnga sgras ’des / Dēdü altan gereliyin kenggergeyin sudur orošiboi. 4 л. (4a6): без сквозной нумерации	—

Дополнительные части

Tsa + kra bcu gsum bzhugs so / Zakara orošiboi. 2 л. (2b6)
Bka’ ’grub bu + stus [10] bzhugs so / Ганkyuriyin sudur orošiboi. 4 л. Содержание: 1b1—1b4: Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa’i snying po; 1b4—2a3: Shes rab kyi pha rol tu phyin pa nyi shu lnga ba’i snying po; 2a3—2b1: ’Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa’i snying po; 2b1—2b3: Shes rab kyi pha rol tu phyin po khri brgyad pa’i gzungs; 2b3—2b5: De bzhin gshegs pa thaṃ-d kyi snying po zhes bya ba; 2b6—3a2: ’Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa bsdus pa tshigs su bcad pa; 3a2—3a5: ’Phags pa ’jam dpal kyi rgyud kyi yang snying; 3a5—3b1: Shes rab kyi pha rol tu phyin pa’i snying po; 3b1—4b3: Yon yongs su skyong ba zhes bya pa’i gzungs.

[8] В Tib.177-3 первый компонент (zhus dag) отсутствует, в B-9906 отсутствуют все компоненты. В Tib.177-2 и Tib.177 концовка такая же, как в калмыцком списке. Исходя из этого и из другого совпадения (см. сноску выше), можно предположить, что переписчики пользовались изданием монастыря Тактэн (Tib.177-2) или другим изданием, следующим ему, например, пекинской репликой 1731 г. (Tib.177).

[9] Особенностью калмыцких рукописей рассматриваемого периода является нечеткое различение тибетских букв ta и da (например, сочетание rdo rje часто пишется как rto rje).

[10] Скорее всего, описка; должно быть bsdus.

Использованная литература

Бадмаев, 2005: Профессор Б. К. Пашков (Доклад Б. Б. Бадмаева на заседании Ученого Совета) // Профессор Бата Бадмаев / под ред. Д. Б. Дорджиевой. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2005. С. 159—165 (Professor B. K. Pashkov (Doklad B. B. Badmaeva na zasedanii Uchenogo Soveta) // Professor Bata Badmaev / pod red. D. B. Dordzhievoy. Elista: Izd-vo Kalmytskogo universiteta, 2005. S. 159—165).

Зорин, 2014: *Зорин А. В.* О структуре и содержании сборника «Сунгдуй» // Тибетология в Санкт-Петербурге: Сборник статей. Выпуск 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 100—118 (*Zorin A. V.* O strukture i soderzhanii sbornika «Sungdui» // Tibetologiya v Sankt-Peterburge: Sbornik statei. Vypusk 1. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. S. 100—118).

Клепиков, 1959: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959 (*Klepikov S. A.* Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII—XX vv. M.: Izd-vo Vsesoyuznoy Knizhnoy palaty, 1959.).

Meisezahl, 1968: *Meisezahl R. O.* Über zwei mDo-maṅ Redaktionen und ihre Editionen in Tibet und China // Zentralasiatische Studien 2. Wiesbaden: Kommissionsverlag Otto Harrassowitz, 1968. S. 67—150.

Uspensky, 1999: *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999.

Zorin 2014: *Zorin A.* Lines of Development of the Tibetan Editions of Gzungs Bsdus Collection First Printed in the Rtag Brtan Monastery Founded by Tāranātha // Вестник РУДН. Серия Философия. 2014. № 1. С. 40—52.

Архивные материалы

СОМК. КП № 4: Саратовский областной музей краеведения. Книга поступлений № 4.

Электронные ресурсы

Сайт КГУ: К 45-летию КалмГУ: Становление и развитие исторического образования в Калмыкии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. URL: http://www.kalmsu.ru/index.php? option=com_content&view=article&id=4337:-45-&catid=137:45-&Itemid=374 (дата обращения: 18.07.2016).

TBRC: Tibetan Buddhist Research Center, Mdo mangs [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbrc.org/#!rid=W1KG12536 (дата обращения: 18.07.2016).

A. V. Zorin, Yu. S. Makarova
Two Kalmykian Manuscript Copies of the Tibetan Collected Book «Mdo mangs» Kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore

This paper introduces two incomplete Kalmykian manuscripts from the early XVIII century kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore that contain some parts from the Tibetan collected book of auspicious and invocative texts known as *Mdo mangs*. They represent an unknown version of this book produced in Kumbum (Sku ’bum) Monastery which, in its turn, must have been connected with the earlier edition made in Shalu (Zhwa lu) Monastery, the latter one being analyzed in the groundbreaking paper by R. Meisezahl (1968). A special attention is paid to the structure of the Kalmykian version of *Mdo mangs* as reconstructed from the extant parts and some specific features of both manuscript copies. Some details on how these manuscripts appeared in the museum are provided, too.

Key words: Buddhist literature in Tibetan, *Mdo mangs*, *Gzungs bsdus*, Kalmykian manuscripts, the Saratov Regional Museum of Local Lore

Б. В. Меняев

Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса [1]

Количество ойратских ксилографов невелико. И то, что они встречаются в частных коллекциях, удача для исследователя. Статья посвящена описанию ойратского ксилографа, посвященного культу будды Амитаюса, обнаруженного автором в Китае во время научной экспедиции в 2013 г.

Ключевые слова: Зая-пандита, будда Амитаюс, ксилограф, ойраты, «ясное письмо».

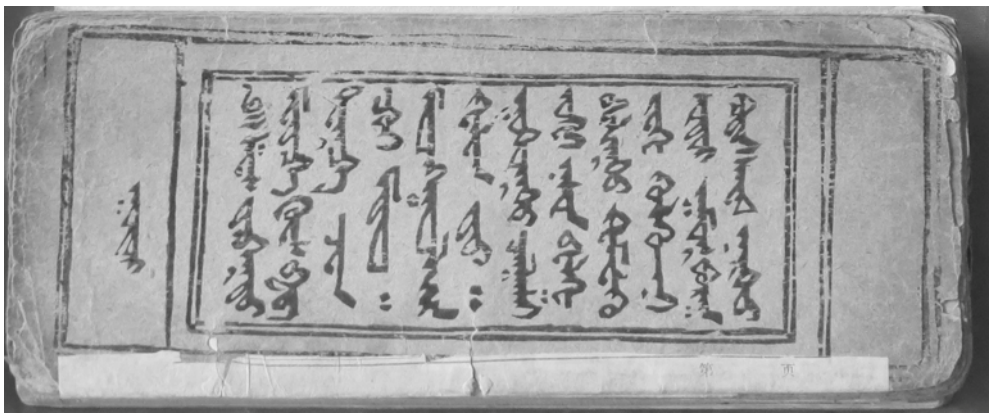
В Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (далее СУАР), проживают монголы (калмыки), потомки тех, кто ушел из России в 1771 г. под предводительством наместника Калмыцкого ханства Убаши. Отдельную этническую группу монголов СУАР составляют олёты, которые являются потомками населения Джунгарского ханства. Общая численность ойратских групп в СУАР составляет примерно 170 000 человек [Очирова, 2012. С. 146]. Олёты до сего дня сохранили письменную культуру ойратов, основанную выдающимся просветителем буддийским монахом Зая-пандитой Намкай Джамцо (1559—1662). Во многих семьях олётов и по сей день хранятся рукописи на ойратском «ясном письме», их читают, переписывают и, что интересно, изготавливают ксилографы, которые являются редкостью у ойратов [Меняев, 2012. С. 175]. Наше внимание привлек ойратский ксилограф, хранящийся в частной коллекции в семье жителя уезда Монгол-Курээ Хотол-Тугеса. Сочинение имеет название «Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur» («Сутра Махаяны, именуемая „Святая, обладающая неизмеримой жизнью и мудростью“»). Сутра посвящена культу будды Амитаюса, одному из популярных персонажей буддийского пантеона. Нужно отметить, что Будда Амитаюс — покровитель долголетия. Калмыки его называют Аюш-бурхн (*Аюшин Гегян, Кеткря Аюш*). Читали ее тем, кто хотел «продлить свои года» (калм. *насан утдуллһн*). Это особый обряд, совершался он в преддверии праздника «Зул» (*праздник лампад*), или, по калмыцкому лунному календарю, праздника Нового года. Совершение обряда «продление жизни» представляло собой чтение ламой сутры будды Амитаюса человеку, который хотел «продлить года». Ксилограф представляет собой каноническое сочинение буддизма Махаяны. Известны рукописные списки этого сочинения. Размеры этого ксилографа 20,0×8,5 см. Ксилограф состоит из 17 листов. На каждом листе от 13 до 17 строк. Края листов склеены бумагой белого цвета. В колофоне ксилографа сказано, что сутра была переведена Зая-пандитой Намкай Джамцо. Для получения полной картины истории изготовления ксилографа, информации о переводчике, резчиках и заказчике нам представляется уместным дать транслитерацию и перевод на русский язык колофона: Caqlaši ügei nasutuyin sudur öüni Ačitu cos rze kicēn duraduqsan-du: toyin Rab byam Ža ya Paṇdida mongγolčilon orčiulbai: ene buyan-yēr dēdü blama noγoudiyin gegēn nasun örgüǰin (17a) delgered: zoun γalab-tu sayitur souǰi nom üzüülekü boltuγai:: : :: (Эту «Сутру неизмеримой жизни» по настоятельной просьбе Ачиту-цорджи перевел на монгольский язык (букв.: «*монголизировал*») тойн равджам Зая-пандита. Этой добродетелью пусть приумножатся лета высоких лам и в течение ста кальп [2] да проповедуют пусть [они] Учение [Будды]). Как видно из колофона, заказчиком перевода являлся ученик Зая-пандиты Ачиту-цорджи, который является инициатором многих переводов Зая-пандиты с тибетского языка [Лувсанбалдан, 1975. С. 131]. К сожалению, в колофоне отсутствует информация о самом ксилографе: изготовлении, заказчике, резчике. Предварительный анализ текста показал, что колофон ксилографа совпадает с колофоном рукописного списка.

[1] Статья подготовлена при финансовой помощи проекта РГНФ № 16-04-00281 «Частные коллекции калмыцких (ойратских) рукописей в России и Китае (по материалам археографических экспедиций 2012—2014 гг.)».

[2] К а л ь п а — единица измерения времени в буддийской космологии, эра, эон.

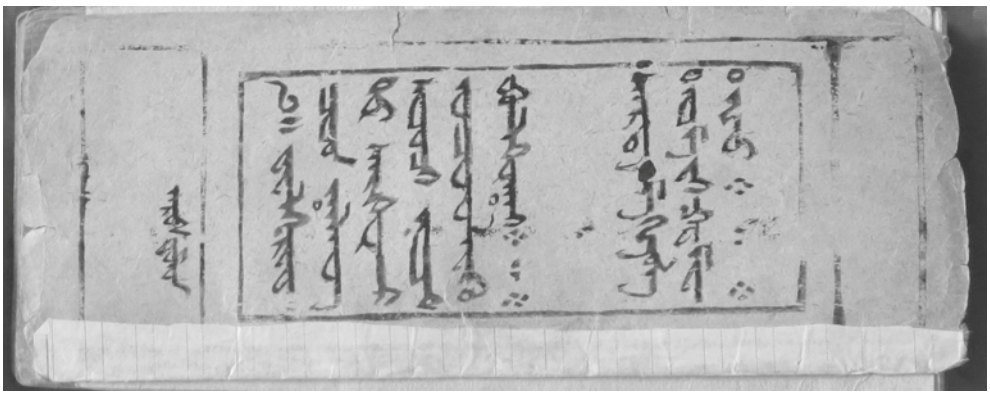
1б

2а



16б

17а



Начальный и заключительные листы ксилографа
«Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur»

Транслитерация

(1a) Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur ::

(1b) Enedkegiyin kelen-dü: āryā apari mida ayuur žvmā nā nā ma mahā ya na sudur: töbödiyin kelen-dü:

apaqs pa zedang ye = (2a) šes dpaqdu medpa qves byed teqpa cen poi mdo: mongγoliyin kelen-dü: xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur xamuq burxan bodhi sadv-nartu (2b) mürgümüi: eyin kemēn mini sonosuqsan nigen caqtu Ilγun Tögösön Üleqsen Šarvāsdi-du zediyin cecerliq Itegel ügei-dü idē ögüqčiyin bükün bayasxui xorodu mingγan xoyor zoun tabin gelünggiyin yeke xuvaraq kigēd maši olon bodhi sadv mahā sadv-nar-luγā xamtu soubai tende Ilγun Tögüsön Üleqsen zalou Mamvāžušri-du (3a) zarliq bolboi: Mamvāžušri dēdü yoqtu erdem caqlaši ügei xorāxui (xurāxui) kemēkü yertüncü-yin oron bui: tende Tögünčilen boluqsan dayini darun sayitur dousuqsan maši teyin maγaduqsan züq zaliyin xān caqlaši ügei nasun belge biliq-tü Burxan kemēkü soun: nasu dousun nasuni muxurtu kürgün üyiled = küyin öüden-ēce amitan noγoudtu nom cü üzüülkü: Zalou Mamvažušri sonos ene Zambutibiyin kümün noγoud nasu oxor zoun nasu imaqtu čidaxu teden-ēce cü olon ken caq busu-bēr ükükü Mamvažušri ali maši amitan Tögünčilen boluqsan caqlaši ügei nasutu töüni erdem kigēd maqtāl oγōto ögüülekü kemēkü nomiyin züyil öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkü buyu: nereyin tödüi cü sonosxu buyu (4a) ungšixu buyu debtertü bičiji gertü xadγlan üyiledkü boluyu: ceceq kigēd utuxui küji kigēd erigen noγoud-yēr takin üyiledüqči tede nasun oγōto baraqdabacu zoun nasu nasulaxu boluyu: Mamvžušri ali amitan maši teyin maγaduq = san coq zaliyin xān caqlaši ügei nasun belge biliqtüyin zoun nayiman nere sonosoqsan tedeni nasun cü örgüjikü (4b) boluyu: ali amitan nasu baraqdxui-du nere toqtōn üyiledkülē: tedeni nasun cü maši ögüji (örgüjikü)-kü boluyu: Mamvžušri tere metüyin tula izourtani küböün buyu izourtani okin nasu urtudxan küseqči tede Tögünčilen boluqsan caqlaši ügei nasutu töüni zoun nayiman nerei sonosxu buyu: üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiül = külē teden-dü erdem kigēd sayin tusa bolxu (5a) inu tede bui:: oṃ namo bhaγavade aprimida āyur zmnq na sübi nixjida da dya zorā zā ya da ta qa dā ya arinde samyaq saṃ buddha-ya: dadyā tā oṃ püvel püvel mahā püvel aprimida püvel žmea na saṃ bhyaro = pa jide: oṃ sarva saṃ saqā ra pari šoddha dharma de qa qa na samud qa de (5b) sv bha va bišoddhe maha nay a pari va re sv hā :: Mamvžušri tögünčilen boluqsani zoun nayiman nere edeni ali zarim üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkü buyu debtertü bičiji gertü xadγalxu buyu ungši = xula: töüni nasun baraqdaqsan-du zoun nasu nasulan ende-ēce ükün yöüdēd cü tögünčilen boluqsan caqlaši ügei nasutu burxani (6a) tarālang caqlaši ügei erdemtü yertüncüyin oron terigüüten-dü törökü boluyu :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu yeren yesün byeva burxad nige talāl kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni nomloboi :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu nayan dörbön byeva burxad nige talāl kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei nasutuyin suduriyin (6b) ayimaq öüni nomloboi :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu jiran tabun byeva burxad nige tālal kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni nomloboi :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu tabin tabun (7a) byeva burxad nige tālal kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni nomloboi :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu γučin zurγān byeva burxad nige talāl kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei (7b) nasutuyin suduriyin ayimaq öüni nomloboi :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu xorin tabun byeva burxad nige tālal kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni nomloboi :: oṃ namo bhaγavade :: basa tere caqtu arban γangγayin möreni xumakiyin tödüi byeva burxad nige tālal kigēd nige egešiq-yēr caqlaši ügei nasutuyin sudu=riyin ayimaq öüni nomloboi :: (8a) oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülküle: nasun baraqdaqsan cü tere zoun nasu nasulan töüni nasun cü maši örgüjikü boluyu :: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülküle tere tamuyin amitan kigēd adousuni töröl oron kigēd (8b) erligiyin yertüncüdü kezē cü ülü törön tere kezē cü colo ügei-dü ülü törön xab xamiγān törökülē: xamuqtu töröl-yēn medekü boluyu :: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: tere nayiman tümen dörbön mingγan nomiyin coqco bičiqsen buyu bičiü = lüqsen bolxu :: oṃ (9a) namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: tere nayiman tümen dörbön mingγan nomiyin coqco üyiledküülüqsen kigēd sayitur orošoulun üyiledüqsen bolxu :: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülküle: töüni tabun zabsar ügei (9b) üyiledüqsen cü oγōto arilxu boluyu:: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: töüni Sümer oulayin tödüi kilinciyin coqco cü oγōto arilxu boluyu:: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: töün-dü (10a) šumnus buyu šumnuši-yin ayimagiyin tenggeri kigēd yakxa mangγus colo eribecü colo ülü olxu boluyu :: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: ükükü caqtu töün-dü yeren yesün byeva burxad ilerkei nom üzüülün üyiledkü mingγan burxan töündü γar sungγaxu boluyu:: (10b) burxani oron-ēce burxani oron-du yabuulun üyiledkü: öündü damnal kigēd töüde xoyor sedkil bü bariqtun :: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: dörbön yeke xān töüni xoyino-ēce daxan sakin ibēküi kigēd nuun üyiledkü:: oṃ namo bhaγavade :: (11a) ken caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq öüni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiül = külē tere tögünčilen boluqsan Amidābha burxani tarālang yertüncüyin oron Sükevadidu tö = rökü boluyu:: oṃ namo bhaγavade :: ali γazariyin züq dēdü erdeni suduriyin ayimaq öüni bičiqsen tere γazar cü takiliyin šütēn bolun mörgün üyiledküye cü zokistoi bolxu: (11b) aduusuni töröliyin oron-du oduqsan kigēd šobuun buyu görösön kei čikini möritü dourisxan üyiledüqsen tede bügüde: dēre ügei sayitur dousuqsan bodhi-du ilerkei dousun burxan boluyu:: oṃ namo bhaγavade :: ken caqlaši ügei nasutuyin

suduriyin ayimaq ööni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkülē: tere xatuqtayin töröl-dü kezē cü ülü törökü (12a) boluyu :: oṃ namo bhaγavade :: ali zarim nomiyin züyil ööni tula nige kedün karša pāvi ögün üyiledkülē: tere γurban mingγani yeke mingγan yertüncüyin oron dolōn züyil erdeni-bēr sayitur oγōto düürgeji öqligü ögüqsen bolxu:: oṃ namo bhaγavade :: tere xamuq dēdü nom takiqsan (12b) bolxu:: oṃ namo bhaγavade :: ene metü üligerlekülē: tögünčilen boluqsan teyin üzeqči kigēd usnirtu xamugi ibēqči kigēd buruu süzüq arilγaqči Altan čidaqči kigēd Gerel sakiqči: Šakyamüni teri = güüten-dü dolōn züyil erdeniyin takil-yēr takin üyiledüqsen buyani coqcoyin kemzē tolōn čidaxu caqlaši ügei nasutuyin ene suduriyin ayimaq ööni buyani coqco (13a) kemzē tolōn ülü čidaxu :: oṃ namo bhaγavade :: ene metü üligerlekülē erdeni-yin coqco Sümür oula-yin tödüi obōlji öqligü ögüqsen töüni buyani coqcoyin kemzē tolōn čidaxu: caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq ööni buyani coqcoyin kemzē tolōn ülü čidaxu :: oṃ namo bhaγavade :: ene metü üligerlekülē dörbün yeke dalai usun (13b)-yēr oγōto düürüq = seni nizēd dusal-ēce tolōn čidaxu: caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq ööni buyani coqco = yin kemzē tolōn ülü čidaxu:: oṃ namo bhaγavade :: ali caqlaši ügei nasutuyin suduriyin ayimaq ööni üzüqtü bičikü buyu üzüqtü bičiülkü buyu: sayin kündülel üyiledči takil üyiledkülē: tere arban zügiyin burxadiyin xamuq oron-du xamuq tögünčilen (14a) boluqsadtu mürgün üyiledüqsen kigēd takin üyiledüqsen bolxu: oṃ namo bhaγavade :: öqligüyin kücün-yēr burxan sayitur γarun kümüni araslan öqligüyin kücü onoji örösing = gütü abxu balγadtu oroxuyidu öqligüyin kücüni dou dourisxu boluyu: šaqšabadiyin kücün-yēr burxan sayitur γarun kümüni araslan šaqšabadiyin kücü onoji örösönggü = tü abxu balγadtu oroxu = (14b) yidu šaqšābadiyin kücüni dou dourisxu boluyu külicēnggüyin kücün-yēr burxan sayitur γarun: kümüni araslan külиceng = güyin kücü onoji: örösönggüyitü abxui balγadtu oroxui-du külicēnggüyin kücüni dou dourisxu boluyu: kicēnggüyin kücün-yēr burxan sayitur γarun: kümüni arslan kicēnggüyin kücü onoji: örösönggüyitü abxui balγadtu oroxuyidu kicēnggüyin kücüni dou (15a) dourisaxu boluyu: samadiyin kücün-yēr burxan sayitur γarun : kümüni araslan samadiyin kücü onoji örösönggü = yitü abxui balγadtu oroxuyidu samadiyin kücüni dou dourisxu boluyu: biligiyin kücün-yēr burxan sayitur γarun: kümüni araslan biligiyin kücü onoji: örö = šönggüyitü abxui balγadtu oroxuidu biligiyin kücüni dou dourisxu boluyu:: oṃ namo (15b) bhaγavade: aprimida āyur žmēn na sebini xjide dežo ra zā ya: da tā ka ya arahade samjq saṃ budda ya: dadā tā: oṃ poyvl poyvl mahā poyvl aprimida poyvl: aprimida poyvl žmvā na saṃ bhā ro pa žide: oṃ sarva sam saqa ra pari šoddha darma de k aka na samuddka de: sv bha va bišoddhe mahā na ya pari va re sv hā :: (16a) Ilaγun Tögüsün Üleqsen bayasun teyin kemēn zarliq boluqsan-du zaluu Maṃvžušri kigēd xamuq tögüsüqsen nöküd tede tenggeri kümün kigēd asuri γangdharve terigüüten yertüncüs daxan bayasalcaji: Ilaγun Tögüsün Üleqseni zarliq ilerkei maqtabai :: Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü (16b) yeke külgüni sudur dousbai :: : ::

Caqlaši ügei nasutuyin sudur ööni Ačitu Cos Rze kicēn duraduqsan-du: toyin Rab Byam Ẓa ya pandida mongγolčilon orčiulbai : Ene buyan-yēr dēdü blama noγoudiyin gegēn nasun örgüjin (17a) delgered: zoun γalab-tu sayitur souji nom üzüülekü boltuγai :: : ::

Sarva ma qha laṃ

Oṃ ma ni pad me huṃ :: : ::

Использованная литература

Меняев, 2012: *Меняев Б. В.* К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 175—179 (*Menyaev B. V.* K harakteristike oiratskih rukopisei i ksilografov, hranyashihsya v chastnyh kollektsiyah Sin'-tszyana // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy RAN. 2012. N 4. S. 175—179).

Очирова, 2012: *Очирова Н. Г.* О научной экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (хроника и предварительные результаты) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 146—155 (*Ochirova N. G.* O nauchnoy ekspeditsii v Sin'tszyan-Uigurskiy avtonomnyi rayion KNR (hronika i predvaritel'nye rezul'taty) // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy RAN. 2012. N 4. S. 146—155).

Лувсанбалдан, 1975: *Лувсанбалдан Х.* Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975. 344 х. (*Luvsanbaldar H.* Tod useg, tuuniy dursgaluud. Ulaanbaatar, 1975. 344 h).

B. V. Menyaev
Oirat woodcuts from the private collection of Hotol-Tuges dedicated to cults of Buddha Amitayus

Number of Oirat woodcuts is small. And it is a great luck for researcher to find new ones in private collections. The article describes the Oirat woodcut dedicated to the cult of a Buddha Amitayus, the author discovered in China during a scientific expedition in 2013.

Key words: Zaya-Pandita, the Buddha Amitayus, woodcuts, Oirats, «clear script».

Т. Содгэрэл

Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации

Цуур является одним из музыкальных символов этноса урианхай, проживающего в Западной Монголии. В исследовании используются экспедиционные записи автора, сделанные на территории Западной Монголии в 2012—2014 гг., и материалы предыдущих публикаций. Задачей статьи является представление результатов классификации наигрышей, осуществленной по критерию оценки ключевых героев и образов. Автором выделены наигрыши, посвященные темам природы, животных, птиц, персонажей из мира людей. Специальный ракурс исследования обусловлен возможностью обозначить наиболее распространенные наигрыши и выявить редкие, уникальные.

Ключевые слова: цуур, инструментальная музыка, наигрыш, Западная Монголия.

Цуур — продольная пастушья флейта, бытующая у этноса урианхай, живущего на территории Западной Монголии. В настоящее время традиция игры на этом инструменте продолжает жить и развиваться. Экспедиции, предпринятые автором статьи в провинции Ховд и в Улан-Баторе в 2012—2014 гг., выявили более двадцати исполнителей различного возраста, играющих на этом инструменте. Большинство из них — ученики выдающегося цуурчи П. Наранцогта, ушедшего из жизни в 2003 г.

На основании собранных материалов и с учетом публикаций был составлен каталог наигрышей на цууре, в котором они сгруппированы по ключевым героям-персонажам и образам. Задачей статьи является представление результатов тематической группы наигрышей. Специальный ракурс исследования обусловлен возможностью обозначить наиболее распространенные наигрыши и выявить редкие, уникальные.

Представления о системе наигрышей, бытующие в среде современных цуурчи, позволяют выявить две интересные тенденции. Первая из них базируется на представлении о множественности наигрышей, некогда существовавших в Западной Монголии. Согласно преданиям, количество традиционных наигрышей достигало нескольких сотен наименований. Так, например, Б. Мунгунцоож, единственная девушка, играющая на цууре, вспоминала о том, что ее дедушка П. Наранцогт рассказывал о существовании 300—400 наигрышей для цуура [АФ. 2012-003][1]. К сожалению, большая часть из них никогда не была записана и названия их утрачены. Возможно, в данном случае мы встречаемся со стремлением к идеализации исторического прошлого урианхайцев как хранителей древней традиции игры на цууре. Для современных цуурчи большое число наигрышей символизирует богатство и глубину этнической традиции, уже утраченной к настоящему времени.

Другая тенденция, напротив, отражает присущую традиционной культуре идею структурировать репертуар наигрышей, привязав их число к определенному символу. Так, одним из распространенных представлений является связь 13 основных наигрышей с 13 хребтами Алтая. Поясняя тот факт, что количество известных в традиции наименований наигрышей превышает эту цифру, исполнители указывают, что в наигрыше существует основная и вспомогательные мелодии, которые со временем приобрели статус самостоятельного наигрыша. Цуурчи Э. Баатаржав высказался об этом следующим образом: «Люди играют части из этих тринадцати наигрышей и считают, что наигрышей около тридцати» [АФ. 2012-004]. Исполнитель Н. Отгонхуу оценивает ситуацию так: «Существует основная целая мелодия и есть мелодии фрагментальные, мелкие. По этой причине сейчас говорят, что есть 13 основных мелодий» [АФ. 2013-001].

Собрав все сведения о репертуаре цуурчи, выявленные в последние десятилетия различными собирателями, удалось составить каталог названий наигрышей на цууре. В него включено около 46 наименований (были учтены сведения из имеющихся публикаций автора и материалы его экспедиций).

Как показали экспедиционные материалы и опубликованные источники, наигрыши на цууре связываются исполнителями с различными сферами жизни урианхайцев. Они отражают представления и обычаи этноса и обозначают их связи с окружающей

[1] Здесь и далее даются ссылки на личный архив автора статьи, первая цифра обозначает год записи, а вторая — ее порядковый номер.

природой и бытом. Наигрыши имеют свои названия, которые можно сгруппировать по ключевым героям-персонажам и образам.

Наигрыши, посвященные различным *животным*, составляют наиболее обширную группу. Большую часть образцов в ней составляют те, что связаны со скотоводческим бытом урианхайцев (с лошадью, верблюдом). Кроме них присутствуют и наигрыши, тематически связанные с теми животными, которые обитают в горах Алтая и в пустыне Гоби (с медведем, оленем, горным козлом).

Лошадь

- «Жороо морины явдал» («Лошадь, бегущая аллюром)
- «Бальчин хээр» («Гнедой конь Бальчин»)
- «Өрөөлтөй шархал морь» («Желтоватая стреноженная с одной стороны лошадь»)
- «Залман хар хээр» («Гнедой и черный конь Залман»)
- «Хонин жороо морины явдал» («Овечья походка иноходца»)
- «Саяг» [2]
- «Саваргаа» [3]
- «Хатиргаа» («Конь, бегущий рысью»)

Верблюд

- «Сариг цагаан ингэ» («Белая верблюдица Сариг»)
- «Сариг цагаан ботго» («Белый верблюжонок Сариг»)
- «Буйлган шар атны явдал» («Походка кричащего кастрированного верблюда»)
- «Алиа шар тэмээний буйлаа» («Крик желтого веселого верблюда»)

Горный козел

- «Хөх сэрх» («Серый кастрированный козел»[4])

Медведь

- «Жороо хар мажалай»[5] («Черный быстрый медведь Гоби»)

Олень

- «Хангай буга» («Олень Хангая»[6])

Наигрыши, посвященные *птицам*, не так многочисленны. Они связаны с образами горной птицы или кукушки.

- «Хар хур шувууны дуудлага» («Призыв черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года»)
- «Хар хур шувууны наадгай» («Танец черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года»)
- «Хөхөө шувууны дуудлага» («Призыв кукушки»)
- «Уулын шувуу» («Горная птица»[7])

В основе наигрышей, посвященных *природным объектам*, лежат образы рек, водопадов, гор:

- «Ээвийн голын урсгал» («Течение реки Ээв»)
- «Ээвийн долгион» («Волны реки Ээв»)
- «Буянт гол» («Река Буянт»)
- «Уул усны цуурай» («Эхо воды в горах»)
- «Арын алтан ус» («Золотая вода севера»)
- «Сагсай гол» («Река Сагсай»)
- «Цагаан хадаан хүрхэрээ» («Белый первый лёд и водопад»)
- «Алтайн магтаал» («Восхваление Алтая»)
- «Алтай баясах» («Алтай радуется»)
- «Цаст Алтайн уянга» («Лирика снежного Алтая»)[8]
- « Хангайн магтаал» («Восхваление Хангая»)
- «Цагаан лавай» («Белая раковина»)

Один из наиболее популярных наигрышей в этой группе посвящен реке Ээв, находящейся на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая, где проживают монголы — родственники современных урянхайцев. Несколько веков назад территория Синьцзяня принадлежала Монголии, и воспоминания об этой реке сохранились в названии наигрыша «Ээвийн голын урсгал» / «Течение реки Ээв», бытующего сейчас в Западной Монголии. Территория в бассейне реки Ээв, по мнению одного из лучших современных исполнителей на цууре Э. Баатаржава, является самым большим очагом бытования цуура и горлового пения [АФ. 2012-003].

Ряд наигрышей обобщает наблюдения над *образами людей*:

- «Бөмбөлдэй хөвүүн» («Милый мальчик»)
- «Эрэгтэй эмэгтэй хүний хослон явах явдал» («Идущие парой женщина и мужчина»)
- «Сагсуу залуу» («Хвастливый парень»)
- «Дөрвөн өөлдийн ура» («Призыв четырех ойлатов» [9])
- «Бүүвэй» («Колыбельная»)

[2] С а я г — особый бег лошади, вариант иноходи.

[3] По словам цуурчи Б. Наранбата, слово «саваргаа» обозначает особый бег лошади, представляющий собой нечто среднее между галопом и рысью.

[4] По рассказу цуурчи Э. Баатаржава, название наигрыша «Хөх сэрх» символизирует упрямый характер горного козла.

[5] Наигрыш встретился в публикации [2].

[6] Х а н г а й — гористая и лесистая местность, плодородная и богатая водой.

[7] Под г о р н о й п т и ц е й подразумеваются фазан (гургуул) или куропатка (ятуу).

[8] Этот наигрыш пока записан только от одного исполнителя (Н. Амартувшин). Он дал название именно в такой формулировке.

[9] О й л а т — одна из этнических групп западных монголов.

Как видно из перечня, в названиях наигрышей запечатлены сами герои-персонажи, отсылка к которым помогает понять тот или иной звуковой образ («Бальчин хээр» / «Гнедой конь Бальчин»). В названиях некоторых наигрышей конкретизируется определенный аспект наблюдения над окружающим миром. Так, в группе наигрышей, посвященных животным и людям, мы видим образцы, в которых отражена идея передачи звуком их движений («Хар хур шувууны наадгай» / «Танец птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года», «Эрэгтэй эмэгтэй хүний хослон явах явдал» / «Идущие парой женщина и мужчина», «Жороо морины явдал» / «Лошадь, идущая аллюром») или голосу («Алиа шар тэмээний буйлаа» / «Крик желтого веселого верблюда», «Хөхөө шувууны дуудлага» / «Призыв кукушки»). В названиях наигрышей, посвященных объектам природы, также может быть обозначена идея имитации ее звуков («Уул усны цуурай» / «Эхо воды в горах», «Ээвийн голын урсгал» / «Течение реки Ээв»). Наигрыши, описывающие мир людей, могут указывать на определенные черты характера персонажей, которым посвящен наигрыш («Бөмбөлдөй хөвүүн» / «Милый мальчик», «Сагсуу залуу» / «Хвастливый парень»), либо на события, происходящие с ними [10] [Катуу, 2003. С. 218—225].

П. Наранцогт, выдающийся цуурчи, имел в своем репертуаре около 30 наигрышей. Об этом свидетельствуют исследования таких ученых, как А. Дежак, Ж. Энэбиш. По свидетельству цуурчи Б. Наранбата, одного из внуков Наранцогта, количество наигрышей его деда было около 40 [АФ. 2014-001]. Однако в опубликованных источниках представлено всего 15 наигрышей этого цуурчи:

- «Алтайн магтаал» («Восхваление Алтая»)
- «Ээвийн голын урсгал» («Течение реки Ээв»)
- «Залман хар хээр» («Вороной Залман»)
- «Бальчин хээр» («Гнедой конь Бальчин»)
- «Алиа шар тэмээний буйлаан» («Крик желтого веселого верблюда»)
- «Хар хур шувууны дуудлага», 1-р хувилбар («Призыв черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года», 1-й вариант)
- «Хар хур шувууны дуудлага», 2-р хувилбар («Призыв черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года», 2-й вариант)
- «Хар хур шувууны наадгай» («Танец черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года»)
- «Хангайн уулын магтаал» («Восхваление Хангая»)
- «Сариг цагаан ботго» («Белый верблюжонок Сариг»)
- «Эрэгтэй эмэгтэй хуний хослон явах явдал» («Идущие парой женщина и мужчина»)
- «Арын алтан ус» («Золотая вода северного склона»)
- «Хөх торгон цамц» («Синяя шелковая рубашка»)
- «Биелгээний аялгуу» («Мелодия танца тела»)
- «Сагсуу залуу» («Хвастливый парень»)

В репертуаре П. Наранцогта присутствуют наигрыши всех выделенных выше тематических групп. Среди них следует выделить пять уникальных наигрышей, не зафиксированных у других цуурчи в настоящее время. К ним относятся: «Эрэгтэй эмэгтэй хуний хослон явах явдал» / «Идущие парой женщина и мужчина», «Арын алтан ус» / «Золотая вода северного склона», «Хар хур шувууны дуудлага» / «Призыв черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года», «Сагсуу залуу» / «Хвастливый парень», «Залман хар хээр» / «Вороной Залман» [Alain Desjacques, 2004].

Современные народные исполнители владеют гораздо меньшим объемом традиционных наигрышей. Как показала экспедиционная работа, каждый из исполнителей может сыграть от 3 до 5 различных образцов. Репертуарную основу этих исполнителей составляют:

- «Ээвийн голын урсгал» («Течение реки Ээв»)
- «Алтайн магтаал» («Восхваление Алтая»)
- «Буйлган шар атны явдал» («Походка кричащего кастрированного верблюда»)
- «Сариг цагаан ингэ» («Белая верблюдица Сариг»)
- «Өрөөлтөй шархал морь» («Желтоватая стреноженная лошадь»)
- «Бальчин хээр» («Гнедой конь Бальчин»)
- «Жороо морины явдал» («Лошадь, бегущая аллюром»)
- «Хар хур шувууны наадгай» («Танец черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года») [Энэбиш, 2008. С. 75—76].

Обязательной частью репертуара любого цуурчи являются наигрыши, посвященные лошади. Некоторые исполнители (например, единственная женщина-цуурчи Б. Мунгунцоож), могут сыграть только наигрыши, имитирующие походку лошади, а наигрыши, связанные с другими темами, ими уже не освоены. Видимо, причина этого явления заключается в том, что именно эти наигрыши в этнической традиции имеют ключевое значение. Возможно, распространенность наигрышей-имитаций шага лошади связана и с тем, что они наиболее просты в освоении и легки для запоминания.

Другим «маркером» монгольской традиции игры на цууре является наигрыш «Ээвийн голын урсгал» / «Течение реки Ээв». Им владеет большинство из современных исполнителей. Те же исполнители, ко-

[10] Содержание наигрыша «Призыв четырех ойлатов» раскрывает исследователь Ю. Катуу в своей статье. По его словам, в этом наигрыше «описывается» процесс переселения четырех ойлатов, которые жили в горах Алтая. В наигрыше изображается лай собаки, которая осталась на месте юрты, пение детей, голоса верблюжонка и жеребенка. К сожалению, в настоящее время данный наигрыш не зафиксирован. В имеющихся публикациях его нотация не содержится.

торые не владеют этим наигрышем ввиду его технической сложности, тем не менее в своих рассказах указывают на его значимость для этнической инструментальной культуры.

Среди наигрышей, записанных от современных цуурчи, есть малораспространенные и даже единичные версии. Они были зафиксированы у тех цуурчи, которые учились непосредственно у П. Наранцогта или слышали его игру. Можно предположить, что эти наигрыши были восприняты именно от него. Так, например, в репертуаре цуурчи Б. Загджава присутствуют такие наигрыши, как «Хатиргаа» / «Конь, бегущий рысью», «Саваргаа», «Хангайн буга» / «Олень Хангая», не встречающиеся у других цуурчи Монголии. Другим примером могут быть наигрыши «Жороо хар мажаалай» / «Черный быстрый медведь Гоби» и «Цаст Алтайн уянга» / «Лирика снежного Алтая», записанные от Н. Амартувшина. Единичные записи были сделаны также и от Н. Гомбожава («Бөмбөлдөй хөвүүн» / «Милый мальчик» и «Уул усны цуурай» / «Эхо воды в горах») и Ц. Цотгэрэла («Алтай баясах» / «Алтай радуется»).

Происхождение других редких наигрышей раскрывают сами цуурчи. Э. Баатаржав сообщил, что наигрыши «Зариг» и «Хух сэрх» / «Горный козел» были выучены им от цуурчи Ирдиша во время пребывания во Внутренней Монголии. Уникальный наигрыш «Цагаан лавай» / «Белая раковина», исполненный Б. Болдом, был перенят им от исполнителя Цэдэн-Иша (родственника П. Наранцогта) из провинции Баян-Ульги.

В последние годы интерес к цууру среди молодых людей был стимулирован выходом в свет компакт-диска Алена Дежака, копии которого распространились в Западной Монголии и за ее пределами. Интересной тенденцией является опыт освоения инструментальной традиции через прослушивание аудиозаписей, что продемонстрировали исполнители Г. Нямжанцан и Н. Санжоодорж.

Использованная литература

Катуу, 2003: *Катуу Ю.* Ойрад Монголчуудын соёл урлагийн уламжлал шинэчлэл // Монголын соёл, урлаг судлал. Улаан-Баатар, 2003. С. 218—227 (*Katuu Yu.* Oirad Mongolchuudiin soyol urlagiin ulamjlal shinechlel // Mongoliin soyol, urlag sudlal. Ulaan-Baatar, 2003. S. 218—227).

Энэбиш, 2008: *Энэбиш Ж.* Монгол туургатны биет бус соёлын өвийг хадгалах, хамгааоах асуудалд // Монголын хөгжим судлалын дээж бичиг. Улаан-Баатар, 2008. С. 71—78 (*Enebish J.* Mongol tuurgatny biet bus soyoliin uviig hadgalah, hamgaalah asuudald // Mongolyn hugjim sudlalyn deej bichig. Ulaan-Baatar, 2008. S. 71—78).

Alain, 2004: *Alain D.* Mèlodies de flûte d'un berger mongol. Ulan-Bator, 2004. 92 c. (*Alen D*. Melodies the flute dun berger mongol. Ulan-bator, 2004. 92 s).

Tuvaanjav Sodgerel
Tunes on tsuur in Western Mongolia: the classification

Tsuur is one of the symbols of ethnic sound «Uriangkhai» living in Western Mongolia. The study used records expeditionary poster produced in Western Mongolia in 2012—2014 period, and the publication of materials. The aim of the article is to present the results of grouping tunes carried out on key characters, figures. The author distinguishes tunes on the theme of nature, animals, birds, characters from the world of men. Special angle study is accociated with the ability to identify the most popular tunes and identify rare, unique.

Key words: Tsuur, instrumental music, tunes, Western Mongolia.

Д. Сувданцэцэг

Запятая в монгольском предложении: случаи постановки

В статье освещаются частные случаи предпочтения запятой, предусмотренные правилами пунктуации монгольского языка и практикой создания текстов на данном языке. Обусловленность функционирования знака препинания синтаксической структурой предложения, его синтаксической природой, полифункциональность запятой рассматриваются на материале текстов монгольской художественной литературы в сопоставлении с переводами предложений на русский язык. Последнее позволило выявить особенности функционирования знака препинания и синтаксическую специфику предложения, обусловленную разносистемностью языков. Особо рассматривается участие запятой в пунктуационном оформлении сложного предложения. Вслед за ведущими лингвистами, исследовавшими проблемы синтаксиса монгольского, бурятского, алтайских языков, автор обращается к концепциям моносубъектных, полипредикативных и моносубъектно-полипредикативных конструкций. Это позволяет выявить как синтаксическое своеобразие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в синтаксисе монгольского языка на фоне русского, так и спектр функций запятой, присутствующей в них.

Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, функции, перевод, монгольский язык.

Вступительные замечания

Запятая — знак препинания, занимающий второе место после точки по частотности употребления, — считается наиболее подвижным из всех пунктуационных знаков и наиболее сложным для изучения и систематизации [Зильберман, 1973. С. 8]. В пунктуации монгольского языка постановка запятой связана с короткой паузой между предложениями, между словами внутри каждого предложения в отдельности. Следовательно, запятая совпадает с коротким интонационным членением составных частей предложения — как простого, так и сложного многочленного. Например: *Ташаа нь тэвхийж, хавирганы яс нь зурайсан ялгуун саарал морь нь тогтож ядан, гоо сайхан дөрвөн хөлөөрөө ээлжлэн газар цавчилж, уран сайхан толгойгоо ийш тийш нь сэжих нь агаарт дэгдэж үүлэнд умбан алдах боловч дээр нь унасан үзэсгэлэнт охин ажиггүй сууж өгүүлэлдэх бөгөөд үг хэлэлцэн хичээнгүйлэн аашлах нь бага хүүхэд мэт хөнгөмсөг дэврүү, хасын өнгөтэй дөрвөлжин цагаан шүдээ яралзуулан үе үе инээмсэглэн мишээхэд нь үнэсэж шимбэл ханашгүй биз ээ* (*Д. Н.*) / Буланый конь ее не мог стоять на месте. Он бил копытами стройных ног о землю, вздымал бока с выступающими ребрами, крутил точеной головой, вытягивал вверх шею, словно пытаясь дотянуться до самых облаков. Прекрасная всадница не обращала на это внимания и продолжала беседовать. Разговаривала она по-детски почтительно и вежливо. Смеясь, улыбаясь, она обнажала свои белые зубы, и в этот момент мне снова хотелось расцеловать ее (пер. Т. Бурдуковой) / Вздымая бока с выступающими ребрами, буланый конь не мог стоять на месте, бил попеременно копытами стройных ног о землю, качал красивой точеной головой туда-сюда, словно пытаясь подняться в воздух, взлететь в облака, очаровательная девушка-всадница, не обращая на это внимания, продолжала беседу и говорила по-детски почтительно и восторженно, смеясь, улыбаясь, она обнажала свои белые зубы, и в этот момент мне хотелось расцеловать ее (мой перевод. — *Д. С.*). Запятая в письменном тексте — это то незаменимое средство, с помощью которого можно передать смысл, так сказать, в спрессованном виде, сконцентрировать отдельные детали описания, подчинив их выражению единого смысла [Валгина, 2004. С. 14].

Вопросы постановки запятой в монгольском предложении разрабатывались с середины XX в., но преимущественно в дидактическом, методическом плане. Так, свод правил пунктуации, касающихся данной пунктограммы, впервые представлен в лингвистическом труде Ц. Дамдинсурэна [Дамдинсүрэн, 2008. С. 170—175], и этот опыт получил продолжение только в учебной литературе [Лувсанвандан, 2010. С. 347—350; Барайшир, 1989. С. 259—261].

Заявленная тема на сегодня остаётся малоизученной, в частности функциональный аспект употребления данного знака препинания не рассматривался подробно. Актуальность разработки темы обусловлена: 1) необходимостью систематизации сведений о монгольском языке в области синтаксиса и пунктуации; 2) значимостью вопросов письменной между-

народной коммуникации (в частности, корректного перевода).

Решение вопросов пунктуации в монгольском языке осложняется промежуточным характером его синтаксических единиц: анализируя структуру предложения в художественных текстах, выстраивая их типологию, мы встречаемся с предложениями, обнаруживающими признаки как простого, так и сложного. При этом структурная организация предложений сложной структуры (в частности, сложноподчиненного) до сих пор становится предметом дискуссии, а наличие при этом различных причастных, деепричастных оборотов приводит к противоречивым толкованиям его природы, в том числе и пунктуационной. Затруднения вызывала также многоплановость самого вопроса, объединяющего законы интонации, синтаксиса, стиля текста в их взаимодействии.

В данной статье рассматриваются частные случаи выбора запятой, обусловленные синтаксической структурой предложения, и рассматриваются функции, актуальные для знака препинания в пунктуации монгольского языка. Материал исследования составили тексты монгольской художественной литературы (Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, Ч. Лодойдамба, Ш. Гаадамба, С. Дашдооров и др.), тексты профессиональных переводов на русский язык (М. Орловская, З. Шевернина, Висс Бильдушкинова, Г. Матвеева, Б. Намжилова и др), что выявляет случаи постановки запятой, актуальные для монгольского предложения. Перевод, выполненный автором статьи (Душчулуун Сувданцэцэг. — *Д. С.*), близкий к тексту оригинала, отражает случаи выбора запятой, обусловленные синтаксическими факторами.

Обзор случаев постановки запятой в монгольском предложении

1. Запятая ставится между двумя и несколькими однородными сказуемыми при одном подлежащем в простом предложении: *Жалбуу өврөө уудалж, үндсэн тагш гаргаад, хар архинаас аягалан, Яндаг өвгөнд барив* (*С. Э.*) / Жалбуу достал из-за пазухи маленькую пиалу, вырезанную из корня дерева, налил домашней водки, поднес старику Яндаг (пер. Л. Скородумовой) / Жалбуу залез за пазуху, вытащил пиалу из корня дерева, налил домашней водки, поднес старику Яндаг (*Д. С.*); *Тэр хүн хатируулсан чигээр ирж, баруун урд гэрийн хаяанд буугаад, цулбууpаа гэрийн оосорт яаран хавчуулж, эсгий үүдийг сөхөн чулуудаад, гэр оров* (*Л. Ч.*) / Он прискакал галопом, слез у юго-западной юрты, засунул повод за опояску юрты, подняв и отбросив войлочную дверь, вошел в юрту (пер. Л. Скородумовой) / Он прискакал галопом, слез у юго-западной юрты, засунул повод за опояску юрты, поднял и отбросил войлочную дверь, вошел в юрту (*Д. С.*); *Айл саахалтын арваад хүн гэрийн гадаа цугларч, бас л сайн сайхан явахыг ерөөн үлдлээ* (*Ч. Л.*) / Собравшиеся возле юрты соседи пожелали ему всего хорошего (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Около десяти соседей собрались возле его юрты, тоже пожелали ему всего хорошего (*Д. С.*); *Удалгүй эжий минь босож, тогоо шанагаа хангинуулж эхлэв* (*Ч. Л.*) / Вскоре поднялась моя мать и начала греметь посудой (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Вскоре поднялась моя мать и начала греметь кухонными принадлежностями (*Д. С.*); *Сүрэнхүү гэрээс гарч, морио барьж эмээлэн мордоод, баруун зүг одов* (*Д. Н.*) / Сурэнху вышел из юрты, оседлал коня и поскакал на запад (пер. Т. Бурдуковой) / Сурэнху вышел из юрты, поймал оседлал коня, сел верхом, поскакал на запад (*Д. С.*); *Бүхэл насандаа гэмшиж Юндэнг бодож, Юндэнг харж, зүүдэндээ түүнтэй ярьж явлаа (Ч. Л.*) / Весь свой век я раскаиваюсь в этом, все время думаю о Юндэне, вижу его, говорю с ним во сне (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Всю жизнь я раскаиваюсь в этом, все время думаю о Юндэне, вижу его и говорю с ним во сне (*Д. С.*). Изучение данного вида предложения имеет свою историю исследования, которое ведётся монголоведами на протяжении десятилетий. В 60-е гг. XX в. подобные конструкции обозначались термином «слитное простое предложение». Г. Д. Санжеев обозначает этим термином предложение с однородными сказуемыми, относящимися к одному подлежащему, «тем более что многоподлежащные и многосубъектные предложения сами по себе не требуют рассмотрения» [Санжеев, 1940. С. 85—89]. В качестве явления, характерного для синтаксиса монгольского языка, рассматривался возможный распад слитного простого предложения на самостоятельные предикативные единицы. Распад возможен, если сказуемые такого предложения имеют при себе зависимые слова и при одном из них имеется сочинительный союз [Бертагаев, 1962. С. 295]: *Жалбуу өврөө уудалж, үндсэн тагш гаргав. Тэгээд хар архинаас аягалан, Яндаг өвгөнд барив* (*С. Э.*) / Жалбуу залез за пазуху, вытащил пиалу из корня дерева. И налил домашней водки, поднес старику Яндаг (мой перевод. — *Д. С.*).

В 80—90-е гг. в монголистике сложились разные теоретические концепции, в частности связанные со становлением и развитием теории сложного предложения, в понятийно-терминологической системе появились новые понятия, были переосмыслены уже сложившиеся слитные предложения и зависимые предложения. Под руководством М. И. Черемисиной новосибирскими лингвистами предпринято сопоставительное исследование простого и сложного предложения в языках народов Сибири (алтайский, бурятский, эвенкийский, тувинский, хакасский языки и др.), важное для решения теоретических вопросов современного синтаксиса. В ходе сопоставительного изучения сложного предложения в языках алтайского типа и европейских языках в терминологический аппарат науки введено понятие **«моносубъектная конструкция»** (МСК), заменяющее и уточняющее термин «слитное предложение». С точки зрения М. И. Черемисиной, термин способствует сближению «двух слишком оторвавшихся друг от друга

субдисциплин синтаксиса — предложения простого и сложного», создавая между ними своего рода мост [Черемесина, 2004. С. 344].

В работах Е. К. Скрибник, выполненных на материале бурятского языка, рассматривается **полипредикативная конструкция** (ППК): «модель предложения, в которой с помощью определенного средства связи выражается определенное отношение между двумя ситуациями, обозначаемыми предикативными единицами» [Скрибник, 1988. С. 4]. Полипредикативность не отождествляется со сложностью предложения. Термин «полипредикативная конструкция» является более широким, включающим такие традиционные понятия, как «сложное предложение» и «простое осложненное предложение». Иначе говоря, все сложные конструкции полипредикативны, но не все полипредикативные конструкции отвечают требованиям сложности [Даржаева, 2001. С. 15].

Серьезным шагом вперед в изучении синтаксиса монгольского языка становится концепция проф. Б. Пурэвочира, который впервые акцентировал внимание на синтаксической природе, своеобразии, специфической структуре и семантике **моносубъектной полипредикативной конструкции** (МПК), находящейся на стыке перехода простого предложения в сложное предложение [Пүрэвочир, 2001. С. 270]. По мнению Б. Пурэвочира, вышеупомянутые предложения логически могут распадаться на несколько фраз и синтаксических единиц (в зависимости от количества предикатов), приближаясь к сложному предложению: а) *Сүрэнхүү гэрээс гарав* / Сурэнху вышел из юрты; б) *Сүрэнхүү морио барив* / Сурэнху поймал коня; в) *Сүрэнхүү морио эмээллэв* / Сурэнху оседлал коня; г) *Сурэнху мордов* / Сурэнху сел верхом; д) *Сүрэнхүү баруун зүг одов* / Сурэнху поскакал на запад.

2. Запятой разделяются однородные члены предложения, не связанные между собой союзами, т. е. запятая ставится между однородными членами предложения без союзов: *Улиас моносны шуугих дуу элдвийн шувууны жиргэх дуу, голын урсах шуугиантай хослон байгаль бидэнд сайхнаа гайхуулах гэсэн шиг байв* (*Ч. Л.*) / Над головой шелестели осины и черемухи, пение птиц сливалось с журчанием рек; природа завораживала нас своей красотой (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Шелест листьев осины и черемухи, пение птиц сливались с журчаньем рек, будто природа поражала нас своей красотой (*Д. С.*); *Хөх, ногоон, улаан зэрэг янз бүрийн хурц тод өнгийн дээлээ өмсөөд өнгө бүрийн зүсмийн тарган сайхан морьдоо унаад олноороо цуглаад байхад талын талын цэцгийн өнгө голлон харагддаг* (*Ч. Л.*) / Люди, одетые в яркие синие, зеленые, красные, желтые дэли, скачущие на конях всех мастей, затмили собой степные цветы (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Люди, одетые в яркие синие, зеленые, красные дэли, группами едущие на прекрасных конях всех мастей, затмевают собой степные цветы (*Д. С.*); *Юндэнгийн алхам бүр, хөдлөх бүрээс над хязгаргүй сэтгэлтэй нь илэрхий байж л дээ* (*Ч. Л.*) / Каждый шаг, каждое движение Юндэна в ту пору было наполнено любовью ко мне (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Было заметно в каждом шаге и в каждом движении, что он испытывает безграничные чувства ко мне (*Д. С.*); *Суумагц аагтай давстай, тос даасан шаргал цай өгч, хуруу зузаан өрөм, бэлцийсэн цагаан ааруул өмнө минь тавив* (*Ч. Л.*) / Старушка усадила меня, подала мне крепко посоленный, сдобренный маслом чай и поставила передо мной пышные молочные пенки, рассыпчатый белый арул (пер. М. Орловской и З. Шеверниной); *Бид бас шархтай цэргүүдэд хотынхны нэг адил ном унших, захиа бичих, сувилах гэж болох чадахаар туслахыг оролдоно* (*С. У.*) / Вместе с советскими студентами мы ходили в госпитали, читали бойцам книги, писали письма, помогали как могли медперсоналу (пер. А. Ринчинэ) / Мы тоже, как горожане, читали раненым бойцам книги, писали письма, ухаживали за ними, помогали как могли (*Д. С.*); *Саран гаднаас нь гарахад дуу цөөтэй, бүрэг ноомой авч танилцаад ирэхээр хүүхдэрхүү зантай, их ухаалаг яриатай бүсгүй юм* (*Л. Ч.*) / На вид Саран тихая, замкнутая, а познакомились поближе, и оказалось, что она очень живая и смышленая девушка (пер. А. Кудряшова); *Ханд гуай шиг өндөр настай эмгэд олон үгтэй, яриандуртай байдаг* (*Ч. Л.*) / Обычно старухи в таком преклонном возрасте словоохотливы и любят поговорить (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Обычно старухи, как Ханды-гуай, в таком преклонном возрасте словоохотливы и любят поговорить (*Д. С.*); *Номундарь ажил сайтай, үйлэнд уран гэж нутаг усандаа нэртэй* (*С. У.*) / Номундарь в кочевье слывет женщиной работящей. Кроме того, она искусная швея (пер. А. Ринчинэ) / Номундарь в кочевье известна тем, что она трудолюбивая, искусная швея (*Д. С.*); *Би Ханд гуайн ярьсныг нэмээгүй, бас хасаагүй* (*Ч. Л.*) / Я ничего не добавил и не убавил в рассказе Ханды-гуай (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Я ничего не добавил к тому, что рассказала Ханды-гуай, а также ничего не убавил в том (*Д. С.*). Запятая используется между осложненными однородными членами без союзов: *Мал гэвэл аргамжааны хоёр сайн, эмээлийн гурав, бүгд таван морьтой, хар хүрэн хилэнгээр бүтээчихсэн үхэр чулуу шиг арваад гялтгар хүрэн үнээ тогтмол саадаг, таван сайхан хайнагийн шар тэрэгтэй, шилээд байхын хэрэггүй жигдхэн бөөрөнхий гурван зуугаад хоньтой, үржлээ гээд олширдоггүй, үхлээ гээд цөөрдөггүй ийм л тогтмол малтай айл юм* (*Л. В.*) / Хозяин не был ни бедным, ни богатым: он имел пять лошадей — две подручные, три запасные; двенадцать коров — и все, как одна, коричневой масти; пять метисовых волов, обученных ходить в упряжке, перевозить груз, штук триста овец — и все нагульные. Скота у него не уменьшалось и не прибавлялось (пер. И. Куприянова) / Что касается скота, он имел пять лошадей — две подручные, три запасные; около десяти коров — и все, как одна, коричневой масти, словно валуны, покрытые темно-коричневым бархатом; пять метисо-

вых волов, обученных ходить в упряжке, перевозить груз; штук триста овец — и все нагульные. Скота у него не уменьшалось и не прибавлялось (*Д. С.*); *Хон хэрээ улаан гараараа барьж өгсөн хүнд хурдан гэвэл хурдан, жороо гэвэл жороо, аль хүссэн нэг сайн морий нь тугалтай үнээ, унагатай гүү, ботготой ингэ, хургатай хонь, е ишигтэй ямааны хамт өгнө гэлээ* (*Б. Б.*) / Адьяабазар пообещал большую награду за поимку ворона: любого скакуна из своих табунов, да еще в придачу корову с теленком, кобылу с жеребенком, верблюдицу с верблюжонком, овцу с ягненком и козу с козленком (пер. Г. Матвеевой) / Он обещал человеку за поимку ворона живым любого скакуна, любого иноходца из своих табунов, да еще в придачу корову с теленком, кобылу с жеребенком, верблюдицу с верблюжонком, овцу с ягненком и козу с козленком (*Д. С.*); *Бид хоёр адуу тууж манадаг, түлш авчрах, алдсан малаа эрэх, эмнэг адуу сургах, гүү татах, заводад сүү хүргэж өгөх зэрэг хоёр гэрийн ажлыг хийдэг байлаа* (*Ч. Л.*) / Вместе стерегли табун, заготавливали топливо, вместе искали отбившийся скот, объезжали коней, доили кобылиц и возили на завод молоко — иными словами, сообща выполняли все хозяйственные работы (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Мы вместе стерегли табун, заготавливали топливо, вместе искали отбившийся скот, объезжали коней, доили кобылиц и возили на завод молоко — иными словами, сообща выполняли все хозяйственные работы двух юрт (*Д. С.*).

3. Запятой выделяются члены предложения, зависящие от сказуемого и отдалённые от него. Иными словами, запятая ставится для выделения слов, дополняющих и конкретизирующих другие слова в предложении: *Маргааш нь үдийн хоолноос хойш, амрагчдын нүдэнд улаан хүрэн дээлтэй, урт эрүүтэй янхир өвгөн харагдахаа больжээ* (*С. Д.*) / На другой день после полудня худощавый старик в красном суконном дэле исчез из санатория (пер. Л. Герасимович) / Назавтра после обеда худощавый старик с длинным подбородком и в багровом дэле не попадался на глаза отдыхающим (*Д. С.*); *Сайн малчдын дөрөвдүгээр зөвлөгөөний үеэр, арван хоёрдугаар сарын нэг хүйтэн, тунгалаг өдөр би зочид буудалд очиж, нэг малчин хүүхэнтэй ярилцаад яг тэгж хоосон буцах шахаж билээ* (*Ш. Г.*) / Так вот и я как-то в солнечный морозный декабрьский день возвращался с совещания передовиков республики, можно сказать, с пустым блокнотом, хотя вел разговор с известной женщиной-скотоводом (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Во время четвертого совещания передовиков-скотоводов в солнечный холодный декабрьский день я пошел в гостиницу, вел разговор с одной женщиной-скотоводом и возвращался, можно сказать, с пустым блокнотом (*Д. С.*); *Харин өнөөх Сономын охин нь нэг жилийн дараа, хотоос албаар явсан нэг дэгжин хээнцэр эртэй сууж хот ороод их л сайн сайхан амьдралтай яваа бололтой, аав ээжийдээ хаяа чамин бэлэг ирүүлж, удахгүй харина гэж товч захиа бичивч ирэхгүй* (*Ш. Г*) / Тем временем дочка Сонома вышла замуж за приезжавшего в кочевье по служебным делам городского щеголя и укатила с ним в Улан-батор. Иногда она присылала родителям подарки и краткие письма, в которых писала, что живет хорошо, скучает по родным и скоро приедет. Но время шло, а она так и не приезжала (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Спустя год дочка Сонома вышла замуж за приезжавшего в кочевье по служебным делам городского щеголя и укатила с ним в город, видимо, хорошо живет, иногда она присылала родителям подарки и писала в кратких письмах, что скоро приедет, но так и не приезжала (*Д. С.*).

4. Правила пунктуации монгольского языка предписывают постановку запятой после подлежащего: *Салах ёс хийж сайхан эвтэй байснаа дурдан ярьж манай хоёр гэр, бие бие урьж дайлав* (*Ч. Л.*) / Перед расставанием, согласно обычаю, наши семьи пригласили друг друга в гости, и мы, сидя за столом, вспоминали свою дружную совместную жизнь (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Перед расставанием, согласно обычаю, наши две семьи приглашали друг друга в гости, и мы вспоминали мирную и дружную жизнь (*Д. С.*); *Бид хоёр, хурганы хашаа түшэж нилээн дуугүй зогсох зуур би түүний гарыг чанга атгаж байв* (*Ч. Л.*) / Мы стояли молча, я крепко сжимал руку девушки (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Пока мы оба стояли молча, прислонившись к загону для ягнят, я крепко сжимал ее руку (*Д. С.*); *Бид хоёр, хониныхоо хотны хойд захад хадат бяцхан толгой дээр тогложбайлаа* (*С. Д.*) / Мы с Сараной играли на пригорке, позади загона для овец (пер. Б. Намжилова) / Мы вдвоем играли на маленьком каменистом пригорке, позади места, где лежат овцы (*Д. С.*); *Тэр, Хорлоог үг хэлэх болов уу гэж хүлээсэн боловч Хорлоо дахин юм хэлсэнгүй* (*Ж. Д.*) / Она долго не могла добиться от Хорло ни слова (пер. Г. Матвеевой) / Хотя она и ожидала объяснений от Хорло, Хорло вновь не сказала ни слова (Д. С.); *Ард Жаргалын халиугч гүү, үл мэдэгдэх нууц шалтгаанаар алдагдснаас хойш сар илүү болсны дараа тодорхойгүй нэг сураг гарав* (*Д. Ц.*) / У арата Жаргала пропала его саврасая кобылица. Больше месяца о ней не было ни слуху ни духу. Потом кто-то сказал Жаргалу, будто ее видели далеко на западе (пер. М. Орловской) / С тех пор у арата Жаргала по неизвестной причине пропала саврасая кобылица, спустя больше месяца пошёл слух о её местонахождении (*Д. С.*).

5. Запятыми разделяются предикативные части моносубъектной полипредикативной конструкции, которая подобна простому осложненному предложению: *Жамсаран довжооноос үсрэн бууж, Лувсанг хүчит гараараа барьж аваад, дороо нухан цасаар нүүрий нь угааж гарав* (*Ч. Ч.*) / Жамсаран спрыгнул с крыльца, схватил Лувсана своими сильными, как клещи, руками и начал натирать ему лицо снегом (пер. Я. Аюржанаева) / Спрыгнув с крыльца, схватив Лувсана своими сильными, как клещи, руками, повалив Лувсана в снег, Жамсаран

начал натирать ему снегом лицо (*Д. С.*); *Сүрэнхүү хөндлөн сууж, холхи газрыг зорин, энэ үдэш нэг юманд яарна* (*Д. Н.) /* Небрежно сидя в седле, Суренху спешил, стремясь за день покрыть расстояние двухдневного пути (пер. Т. Бурдуковой) / Небрежно сидя в седле, Суренху спешил куда-то этим вечером, стремясь за день покрыть расстояние двухдневного пути (*Д. С.*); *Би шөнө адуу манаж өглөө эрт ирээд, цайгаа болгож уугаад наадам явахаар бэлтгэв* (*Ч. Л.*) / Я стерег табун, вернулся домой рано утром, наскоро выпил чаю и принялся готовиться к надому (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Закончив стеречь табун, вернулся я домой рано утром, выпил чаю, заварив его, и принялся готовиться к надому (*Д. С.*). Подобные предложения с инфинитной конструкцией в синтаксисе русского языка рассматриваются как простое осложнённое предложение с обособленным обстоятельством. Г. Ц. Пюрбеев подчеркивает, что важнейшие типологические черты монгольских языков как одного из членов алтайской лингвистической общности определяются структурой слова, агглютинативного по своей сути. Вместе с тем целый ряд типологически существенных признаков монгольских языков заложен в их синтаксисе. В этом отношении особое внимание исследователей привлекает тип сложных построений, в которых подчиненная часть представляет инфинитную конструкцию, состоящую как минимум из двух базовых элементов: субъекта действия и предиката в неличной, причастно-деепричастной форме глагола [Пюрбеев, 1987. С. 112]. Исследования показывают, что основные структурные типы инфинитных конструкций едины для всех алтайских языков, которым присущи следующие особенности: 1) оформление субъекта инфинитных конструкций в неопределенном (иначе — прямом, основном, именительном), а также в родительном и винительном падежах; 2) последовательное использование морфологических средств для связи инфинитных конструкций с главным предложением — аффиксов деепричастий, падежных и падежно-послеложных форм причастий; 3) употребление аффиксов притяжания при неличных формах глагола [Черемесина, 1985. С. 180].

6. Запятая используется в бессоюзном сложном предложении: *Монгол хүмүүс хурц өнгөнд дуртай. Ерөөсөө манай эх орон эрс хурц зүйл ихтэй байдаг шүү дээ. Өвөл нь хүйтэн, зун нь халуун, өглөө нь цэлмэг, орой нь бүрхэг, толь шиг тунгалаг нуурын ойрхон шаазан шиг хужиртай цайдам байдаг, өндөр уул өргөн тал зэрэг аль эрс зүйлийг тоолж барах билээ дээ* (*Ч. Л.*) / Монголы любят яркие цвета, ведь в нашей стране сама природа богата красками и контрастами. Зима у нас обычно холодная, лето — жаркое, утро — ясное, вечера — темные, рядом с прозрачными и сверкающими, как зеркало, озерами, будто фарфор, белеют солончаки, высокие горы чередуются с широкими степями. Да разве все перечислишь? (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Монголы любят яркие цвета, ведь в нашей стране много своеобразия и богатых красок. Зима у нас бывает холодная, лето жаркое, утро ясное, вечера темные, вблизи прозрачных, подобно зеркалу, озер, будто фарфор, белеют солончаки, высокие горы и широкие степи. Да разве все перечислишь? (*Д. С.*); *Тэр өдөр, эх хүү эцэг гуравт эхлээгүй яриа ховор, тэгснээ дууссан нь бас цөөн, хий бөөн шуугиан болж өнгөрөв* (*С. Д.*) / Нескончаемы были в этот день разговоры, радостное оживление царило в юрте. Но о чем же они говорили? (пер. Л. Карабаевой) / В тот день у матери, сына и отца были нескончаемые разговоры, даже конца им не было, царило радостное оживление (*Д. С.*); *Би газар дээр ганц ахтай, тэр маань намайг фронтод явуулах гэж байгаа юм шиг л үдлээ* (*С. У.*) / Помню, мой старший брат провожал меня, будто на фронт (пер. А. Ринчинэ) / У меня единственный брат на свете, он меня провожал, будто на фронт (*Д. С.*).

7. Запятыми разделяются предикативные части разносубъектной полипредикативной конструкции, которая подобна сложносочиненному предложению без союзов при предикативных частях: *Гэтэл шөнө дундын өмнөхөн Сүрэн унтаж, бид хоёр гарлаа* (*Ч. Л.*) / Около полуночи Сурэн заснул, а мы вдвоем вышли из юрты (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Почти в полночь Сурэн заснул, а мы вдвоем вышли из юрты (*Д. С.*); *Сум нилээд өнгөрөөд би аргагүй хоцрох болж, бид мориноосоо буун өмнө өмнөөсөө харалцан зогсов* (*Ч. Л.*) / Мы проехали сомон, и мне уже нужно было возвращаться. Солонго и я сошли с коней и долго смотрели друг на друга (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Мы проехали сомон, я уже не мог следовать дальше. Солонго и я сошли с коней и долго смотрели друг на друга (*Д. С.*); *Хэвтсэн хонь, үхэр шүдээ хавиран хэвж, мөнгөн сар дээрээс гэрэлтүүлэн, тэртээ саахалтын айлын нохойн дуу чихний үзүүрт ян ян гэ ж байв* (*Ч. Л.*) / На небе сияла серебряная луна, было слышно лишь, как коровы и овцы жуют свою жвачку да из соседнего аила доносится лай собак (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Овцы и коровы жевали свою жвачку, на небе сияла серебряная луна, из соседнего аила едва доносился лай собак (*Д. С.*); *Нэгдлийнхэн хашаа хороогоо янзалж, сангийн аж ахуйхан тарианыхаа сүүлчийг хурааж, олон замаар хөврөлдсөн машин алтан тариа ахрын ноос, тарваганы арьс, тансаг бараа ийш тийш нь тээвэрлэн явна* (*Ч. Ч.*) / Объединения утепляют загоны и кошары. Госхозы заканчивают уборку урожая. По дорогам бегут машины, груженные золотистым зерном, шерстью осенней стрижки, сурковыми шкурками, кипами тканей и другими товарами (пер. Я. Аюржанаева) / Объединения утепляют загоны и кошары, госхозы заканчивают уборку урожая и по дорогам бегут машины, груженные золотистым зерном, шерстью осенней стрижки, сурковыми шкурками, кипами тканей и другими товарами (*Д. С.*); *Удалгүй нар шингэж, хавийн бараа тасрав* (*Ч. О.*) / Тем временем солнце зашло, степь погрузилась во тьму (пер. В. Аппель) / Скоро солнце зашло, степь погрузилась во тьму

(*Д. С.*)*; Удсан ч үгүй Солонгын аав рашаанаас буцаж ирээд, Доржгуйнх нүүхдээ бэлтгэж эхлэв* (*Ч. Л.*) / Возвратился отец Солонго, и семья дяди Доржи начала готовиться к перекочевке (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Вскоре возвратился отец Солонго из источника, семья дяди Доржи начала готовиться к переезду (*Д. С.*); *Эмээ нь нас өндөр болж удахгүй энэ хорвоогоос салан, эсгий гэрээс гарч, хээрийн гэртээ очих цаг ойртлоо* (*Ч. Л.*) / Я прожила на свете много лет. Вот уж и подошло время покинуть этот мир и из старой войлочной юрты перейти в открытый дом (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Я прожила на свете много лет, вот уж и подошло время покинуть этот мир, выйти из войлочной юрты, перейти в открытый дом (*Д. С.*).

Все имеющиеся в монгольском языке разновидности деепричастий, а их свыше десяти, распадаются на две основные группы. В первую группу деепричастий входят соединительные деепричастия с суффиксом *-ж*; разделительные — с суффиксом *-аад*; слитные — с суффиксом *-н*, в синтаксическом отношении относительно самостоятельные. Они традиционно, начиная с А. Бобровникова [1849], выделяются в особую группу «сопутствующих». «Первые три деепричастия назначены для показания близкого и далекого соотношения действий, современно или несовременно совершающихся, но не находящихся в непосредственной зависимости друг от друга» [Бобровников, 1849. С. 305]. Сказуемое же инфинитного предложения, входящего в состав сложносочиненного, выражается соединительным на *-ж*, слитным на *-н* и разделительным на *-аад* деепричастием. Например: *Тэнгэр цэлмэ<u>ж</u>, нар гарав* / Небо прояснилось, показалось солнце; *Салхи хөдлө<u>н</u>, шороо босов* / Начался ветер, поднялась пыль; *Бороо ороод, ногоо ургав* / Прошел дождь, выросла трава.

8. Запятыми не разделяются предикативные части сложноподчиненного предложения: *Ертөнц баясан мишээ<u>ж</u> хүүхэдтэйгээ тоглож байг<u>аа</u> залуу эх шиг харагдаж байлаа.* (*Ч. Л.*) / Мир радостно и счастливо улыбался нам — так молодая мать улыбается своему ребенку (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Мир радостно и счастливо улыбался нам, как улыбается молодая мать своему ребенку (*Д. С.*); *Түүнийг багаасаа тоглож өсс<u>өн</u> сайн нөхөр минь гэж бодох<u>оос</u> түүнд хайр сэтгэл надад байсангүй* (*Ч. Л.*) / Он был для меня лишь другом, с которым я росла с детских лет, и мне и в голову не приходило, что он сможет полюбить меня (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Я думала, что он был для меня лишь хорошим другом, с которым я росла с детства, но у меня не было любви к нему (*Д. С.*); *Амьдралын замд гарч яв<u>аа</u> залуу хүмүүст хэрэг болж магад...* (*Ч. Л.*) / Может, пригодится молодым людям, вступающим в жизнь (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Наверное, пригодится молодым людям, которые вступают в жизнь (*Д. С.*); *Хүү нь өдөр хоног өнгөрөхүй тутам нум шиг хатууран чангарч байх<u>ад</u> эхийн нь бие улам улмаар ядран дороо<u>й</u>тсоор байв* (*Б. Б.*) / Но если сын с каждым днем наливался силой, словно тетива лука, то мать, наоборот, слабела (пер. Висс. Бильдушкинова); *Харин хадмы нь буцаж ирт<u>эл</u> Навч гуайн дүү нь Доржгуайн ажилд ажилд туслалцаж байх ажээ* (*Ч. Л.*) / И пока тесть не вернется, младшая сестра тети Навчи будет помогать ей в хозяйстве; *Намайг ороход эмгэн лааны гэрэлд зүү сүвлэх гээд бөхөлзөн онилзож бай* (*Ц. У.*) / Когда я вошел, она как раз наклонилась к лампе и, прищурившись, пыталась вдеть нитку в иголку (пер. М. Орловской и З. Шеверниной); *Гэрээс хүмүүс шуугилдан гарах<u>ад</u> бид хоёр морины хурдаар давхив* (*Ч. Л.*) / Когда из юрты с криками выбежали люди, мы уже пришпоривали коней (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Когда люди с шумом выбежали из юрты, мы уже пришпоривали коней (*Д. С.*).

Причина отсутствия запятой, разделяющей предикативные части СПП, в монгольском языке, в отличие от русского, объясняется наличием более тесной и компактной связи между частями. Объединяясь между собой, ПЕ с необходимостью вступают в грамматическую связь, которая будет выражена так или иначе. В европейских языках преобладает аналитический союзный способ. Соответственно, союз понимается как главное, почти единственное средство выражения связи частей, которое и определяет собственное значение сложноподчиненного предложения. В алтайских же языках преобладает другой принцип организации сложного целого, не предполагающий использования союзов. Но алтайское «бессоюзие» предполагает формальное выражение синтаксической связи: та функция, которую в европейских языках выполняет союз, в данном случае ложится на предикат (сказуемое) зависимой части. Грамматический показатель зависимости морфологически входит в структуру зависимого предиката. Формы глагола, содержащие такие показатели, естественно, не могут ни открывать простое предложение, ни заканчивать сложное как коммуникативную и структурную единицу. В алтаистике эти формы называют «неконечными» или неокончательными [Черемесина, 2004. С. 346]. Например: *Гэрээс хүмүүс шуугилдан гарах<u>ад</u> бид хоёр морины хурдаар давхив* (*Ч. Л.*) / Когда люди с шумом выбежали из юрты, мы уже пришпоривали коней (*Д. С.*). В этом предложении сказуемое зависимой части выражается формой дательно-местного падежа причастия будущего, вернее, причастной формой на *-х*, аффиксом дательного падежа «*д*». Показатель этой причастной формы «*-х + (а) д*» выражает ту зависимость, которая в русском СПП передается союзом «*когда*». Отношение сказуемого к зависимой части не мешает ему иметь собственное подлежащее — хүмүүс ‘люди’, в данном случае в форме неопределенного падежа. Таким образом, в этой фразе два полночленных предикативных узла, что дает полное основание видеть в ней сложноподчиненное предложение.

Такого рода «бессоюзные», но не аморфные синтаксические конструкции очень разнообразны и частотны во всех языках алтайского типа [Убрятова,

1976. С. 271—280]. Например: *Доржийг хөдөөнөөс ирэхлээр нь би хөдөө явна*. «Как только Дорж приедет из худона (худон — сельская местность), я поеду в худон». Здесь специфически оформлены оба главных члена зависимой части: сказуемое — в форме последовательного деепричастия на *-хлаар,* выражающего зависимость типа «как только»; подлежащее *Доржийг* — в форме винительного падежа, что характерно именно для временных конструкций; *нь* здесь притяжательная частица со значением 3-го лица сказуемого зависимой части и одновременно показатель синтаксического конца зависимой части. Вопрос о квалификации зависимой конструкции до сих пор не получил однозначного решения несмотря на огромную литературу по данной проблеме. Одни ученые считают их придаточными предложениями, другие — членами предложения, т. е. отказывают ЗК в статусе предложения [Омакаева, 2001. С. 36]

Имеются в виду все разновидности конструкций синтетического типа, в составе зависимой части которых используются инфинитные формы глагола. Термин «синтетический тип» в таком значении заимствован из тюркологии. Убрятова подразумевает, что показатель связи частей конструкции — основной носитель ее синтаксического значения — входит в состав зависимого сказуемого на правах морфемы, а не присоединяется к нему в качестве служебного слова (аналитический тип — например, союзные предложения) [Убрятова, 1976. С. 18—28].

По словам Е. К. Скрибник, инфинитные глагольные формы (деепричастия) как раз и представляют морфологизованные зависимые сказуемые, включающие в свой состав показатель того или иного отношения, зависимости от доминирующего над ними главного сказуемого [Скрибник, 1988. С. 3]. В монгольском языке форма деепричастия на **-вч** передает уступительное значение между частями сложноподчиненного предложения. Также форма деепричастия на **-бал** выражает условную значимость между частями предложения, форма деепричастия на **-тал** обозначает, что зависимое действие является временным пределом для совершения главного — «пока», причастно-падежная форма на **-х + (а) д** передает значение общей временной соотнесенности частей («когда»). Как показали исследования, использование падежных аффиксов или послелогов для связи предикативных единиц — техника, естественная для агглютинативных языков. Например: *Тэр хүн сайн яри**вч** би юу ч ойлгосонгүй* / Хотя тот человек хорошо рассказал, я ничего не понял. Здесь сказуемое зависимой части — уступительное деепричастие *яривч.* Показатель этой деепричастной формы **-вч** выражает ту зависимость, которая в русском языке передается союзом *хотя.* Подлежащее зависимой части *тэр хүн* ‘тот человек’ в данном случае стоит в форме неопределенного падежа.

9. Запятая ставится между однородными придаточными частями сложноподчиненного предложения, не связанными союзами: *Оронд орсон хойно нойр нэг л хүрч өгөхгүй удтал сэрүүн хэвтэхэд өдрийн бүх явдал, тухайлбал Саран трактор луугаа очихдоо эргэж харан харан ямар нэг зүйлд хоргодсон адил аажимхан алхаж байсан нь, миний дэргэд гүйж ирээд туслах юмаа олж ядан бүлтэлзэн зогсож байсан нь, газар унасан ногоон сүрэл трактарын чиргүүлийн хажууд асар том бухал шиг нэвсийн байсан нь дэс дараалан харагдсаар байлаа* (*Л. Ч.*) / Было темно и тихо, а сон все не шел. Перед глазами вновь раскручивались кадры дневных событий: вот Саран подбегает ко мне, вот она стоит с виноватыми глазами, не зная чем помочь; теперь она медленно возвращается к трактору, все время оглядываясь, а у прицепа огромным стогом громоздится свалившаяся с него солома... (пер. А. Кудряшова) / Когда сон все не шел и я лежал долго бессонный в постели, перед глазами последовательно раскручивались кадры дневных событий: в частности, как она медленно шагает и возвращается к трактору, все время оглядываясь, будто она привязана к чему-то, как она подбегает ко мне и стоит с виноватыми глазами, не зная, чем помочь, и как у прицепа трактора огромным стогом громоздится свалившаяся с него солома (*Д. С.*); *Жаргал энэ газрын байдалд багаас дассан бөгөөд хаа айл байдаг, адуу хаа тогтдог, ус хаа байдаг зэргийг үг мэдэх тул эзэнгүй цөлийн дундуур өрнө зүг зүглэж ажиг сэжиггүй улам гүнээ нэвтрэв* (*Д. Ц.*) / Но Жаргал с малых лет привык к этим пустынным просторам. Он знал, где находятся айлы, где пасутся табуны, где можно найти воду, — и безбоязненно углублялся все дальше в пустыню (пер. М. Орловской) / Жаргал с малых лет привык к виду этой местности и знал, где находятся айлы, где пасутся табуны, где можно найти воду, поэтому безбоязненно углублялся все дальше в пустыню (*Д. С.*); *Бид хоёр таван хошуу малаа тал дүүрэн бэлчээсэн, тараг айраг гэр дүүрэн бялхаасан айлын эзэгтэй эзэн хоёр болон нааддаг байлаа* (*С. Д.*) / Играя, мы представляли себя хозяином и хозяйкой, у которых в степи пасется большое стадо, а юрта полна простокваши и кумыса (пер. Б. Намжилова) / Мы играли, представляя себя хозяином и хозяйкой, у которых в степи пасется скот пяти видов, у которых юрта полна простокваши и кумыса (*Д. С.*); *Сургуульдаа очоод өдөрт нь хичээл, оройд нь зам барилга дээр юмуу, хамтралын талбайд ажил хийвч нас идэр, бие чийрэг болохоор барагтай өлсөж ядрахыг ч юманд эс бодно* (*С. У.*) / Днем мы учились, вечером работали на строительстве дорог или на колхозных полях. Все мы были молоды, здоровы и почти не ощущали усталости (пер. А. http://www.infox.ru/authority/state/2016/09/23/Siluanov_anonsirovall.phtml?utm_source=infox.sg&utm_campaign=4598063&utm_term=regruэ) / Хотя днем мы учились в университете, вечером работали на строительстве дорог или на колхозных полях, мы почти не ощущали усталости, потому что мы были молоды, здоровы (*Д. С.*); *Нутаг нь манай нутаг шиг ийм уул устай биш, хаашаа л харвал нүд алдам өргөн тал байдаг гэж ярилаа* / Она рассказала, что у нее на родине нет таких гор и рек, как здесь, там куда ни глянешь,

везде широкая, бескрайняя степь (*Ч. Л.*) / На небе не виднелось ни облачка, всюду, куда ни глянешь, земля расстилалась, как зеленый, расшитый серебром ковер, воздух был напоен ароматом трав и цветов (*Д. С.*).

10. Запятыми разделяются предикативные части сложносочиненного предложения, соединенные интонацией: *Залуу насандаа сурдаг, өтлөхийн цагт ухаардаг гэдэг үг ихээхэн ухаантай үг бололтой* (*Б. Б.*) / Видно, недаром говорят: учишься в молодости, а сознаешь в старости (пер. Матвеевой) / Видно, мудрая поговорка: учишься в молодости, а сознаешь в старости (*Д. С.*); *Энэ бүсгүйн тракторын ачаа нурсан, би мориноосоо ойчсон, хэн хэнд маань золгүй явдал зэрэг тохиолдсон биш үү?* (*Л. Ч.*) / Да, у нас обоих неприятности: у нее рассыпался бурт соломы, я свалился с лошади (пер. А. Кудряшова) / Да, у нее рассыпался бурт соломы, я свалился с лошади, с нами одновременно случались неприятности (*Д. С.*); *Хүн усан нүдтэй, тас цусан нүдтэй гэж хуучны нэг үг байдаг* (*Л. Т.*) / Есть старая пословица: «У человека в глазах вода, у грифа — кровь» (пер. Л. Герасимович); *Ниссэн шувуу ирдэг, ирсэн гийчин буцдаг гэж үг байдаг билээ* (*Ч. Л.*) / «Птицы, что улетели, прилетают, гости, что приехали, уезжают», — говорит пословица (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / «Улетевшие птицы прилетают, приехавшие гости уезжают», — говорит пословица (*Д. С.*); *Гаднаас харвал Юндэнд гойд ч юмгүй. Ялангуяа олон хүний нүд булаасан залуугийн цагт бол шохоорхож хармаар юм түүнд огт байгаагүй. Жижигхэн биетэй, хонин бор нүдтэй, гонзгой царайтай* (*Ч. Л.*) / Надо сказать, что во внешности Юндэна не было ничего выдающегося. В нем не было ничего такого, что могло привлечь к себе взор: роста небольшого, глаза неприметные, лицо продолговатое (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Во внешности Юндэна не было ничего выдающегося. Особенно в молодости, которая могла привлечь к себе взор многих людей, в нем не было ничего такого, на что можно обратить внимание: роста небольшого, глаза карие, лицо продолговатое (*Д. С.*).

Сказуемые предложений в составе ССП, образованного при помощи интонации, являются словами одноформенными и однородными. Сложное предложение, образованное интонацией, легко распадается на простые самостоятельные предложения. Если между большими самостоятельными предложениями предполагается значительная пауза, то между предложениями, входящими в состав ССП, образованного при помощи интонации, делается небольшая пауза.

11. Запятыми разделяются предикативные части сложносочиненных предложений, между которыми стоят противительные союзы «гэхдээ, гэвч»: *Тэр хоёрын ярианаас хадам эцэг нь Дорж гуайнхыг нүүлгэж авах гэж ирсэн, гэхдээ Дорж гуайнх сар гаруй болоод нүүх санаатай* (*Ч. Л.*) / Из их разговора я понял, что тесть дяди Доржи приехал, чтобы помочь им перекочевать на новое место, и через месяц они уедут (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Из их разговора я понял, что тесть дяди Доржи приехал, чтобы помочь им перекочевать на новое место, но они уедут не раньше чем через месяц (*Д. С.*).

Условием постановки запятой в данном случае является логическое противопоставление, противоречие частей ССП друг другу.

12. Запятыми не разделяются предикативные части сложносочиненных предложений, соединённые союзами «ба», «бөгөөд»: *Тэнгэрт нэг ч үүлгүй бөгөөд хаашаа л харвал ногоон магнаг дэлгэсэн юм шиг газар харагдаад олон янзын сайхан үнэр хамар руу цоргиж байлаа* (*Ч. Л.*) / На небе не было ни облачка, всюду, куда ни глянь, луга расстилались, как зеленый, расшитый серебром ковер, воздух был напоен ароматом трав и цветов (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / На небе не было ни облачка, и всюду, куда ни глянь, луга расстилались, как зеленый, расшитый серебром ковер, воздух был напоен ароматом трав и цветов (*Д. С.*); *Хүүхдүүд нь тус бүр айл болоод өөр нутагт байдаг ба эх нь Ханд гэгч ная гаруй настай эмгэн хамт амьдардаг байв* (*Ч. Л.*) / Вскоре дети Юндэна отделились от отца, и каждый стал жить своей семьей. А с Юндэном осталась только его мать, Ханда, старуха восьмидесяти лет (пер. М. Орловской и З. Шеверниной) / Его дети стали жить своей семьей и живут в другом месте, и мать Ханда, восьмидесятилетняя старуха, жила с ним (*Д. С.*).

Заключение

Результаты предпринятого исследования позволяют говорить о полифункциональности запятой, которая: 1) участвует как в структурной организации, так и в смысловом членении предложения; 2) указывает на границы предикативных компонентов сложного предложения, полипредикативных конструкций; 3) становится показателем грамматической функции члена предложения. Постановка запятой или её отсутствие свидетельствуют о степени грамматической связи между частями предложения, при этом специфика функционирования данного знака препинания в пунктуации монгольского языка обусловлена типологическими особенностями самого языка. Последнее определяет разработку функционального и коммуникативного аспектов заявленной темы, в том числе актуальных вопросов перевода.

Использованная литература

Барайшир, 1989: *Барайшир Ш.* Орчин цагийн өгүүлбэр зүй. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1989 (*Baraishir Sh.* Orchin tsagiyn oguulber zui. Ulaanbaatar: Shinzhleh uhaany akademiin hevlel, 1989).

Бертагаев, 1962: *Бертагаев Т. А.* Грамматика бурятского языка. М.: Изд-во восточной литературы, 1962 (*Bertagaev T. A.* Grammatika buryatskogo yazyka. M.: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962).

Бобровников, 1849: *Бобровников А. А.* Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849 (*Bobrovnikov A. A.* Grammatika mongolo-kalmytskogo yazyka. Kazan', 1849).

Валгина, 2004: *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004 (*Valgina N. S.* Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii. M.: Vysshaya shkola, 2004).

Дамдинсүрэн, 2008: *Дамдинсүрэн Ц.* Бүрэн зохиол Дөтгөөр боть. Улаанбаатар: Содпресс хэвлэлийн компани, 2008 (*Damdinsuren C.* Buren zohiol Dotgoor bot'. Ulaanbaatar: Sodpress hevleliyn kompani, 2008).

Даржаева, 2001: Даржаева Н. Б. Полипредикативные конструкции бурятского языка с подчинительной связью. Улан-Удэ: Изд-во бурятского научного центра СО РАН, 2001 (*Darzhaeva N. B.* Polipredikativnye konstruktsii buryatskogo yazyka s podchinitel'noi svyaz'yu. Ulan-Ude: Izdatel'stvo buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN, 2001).

Зильберман, 1973: *Зильберман Л. И.* Запятая как семантико-синтаксический сигнал. М.: Наука, 1973 (*Zil'berman L. I.* Zapyataya kak semantiko-sintaksicheskiy signal. M.: Nauka, 1973).

Лувсанвандан, 2010: *Лувсанвандан Ш.* Монгол хэлний зүй II боть. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг хэвлэлийн компани, 2010 (*Luvsanvandan Sh.* Mongol helniy zui II bot'. Ulaanbaatar: Soembo printing hevleliyn kompani, 2010).

Омакаева, 2001: *Омакаева Э. У.* К проблеме определения основной единицы синтаксиса (на материале монгольских языков) // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 16. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 35—41 (*Omakaeva E. U.* K probleme opredeleniya osnovnoy edinitsy sintaksisa (na materiale mongol'skih yazykov) // Vestnik KIGI RAN: sb. nauch. trudov. Vyp. 16. Elista: APP Dzhangar, 2001. S. 35—41).

Пүрэвочир, 2001: *Пүрэвочир Б.* Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэр зүй. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг хэвлэлийн компани, 2001 (*Purevochir B.* Orchin tsagiyn mongol helniy oguulber zui. Ulaanbaatar: Monhiin useg hevleliyn kompani, 2001).

Пюрбеев, 1987: *Пюрбеев Г. Ц.* Инфинитные конструкции как опыт типологического изучения // Вопросы языкознания. Москва, 1987. № 4. С. 112—117 (*Piurbeev G. C.* Infinitnye konstruktsii kak opyt tipologicheskogo izucheniya // Voprosy yazykoznaniya. Moskva, 1987. N 4. S. 112—117).

Санжеев, 1940: *Санжеев Г. Д.* Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ: Бургиз, 1940 (*Sanzheev G. D.* Sintaksis buryat-mongol'skogo yazyka. Ulan-Ude: Burgiz, 1940).

Скрибник, 1988: *Скрибник Е. К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988 (*Skribnik E. K.* Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 1988).

Убрятова, 1976: *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Кн. 1. Новосибирск: Наука, 1976 (*Ubryatova E. I.* Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. Slozhnoe predlozhenie. Kn. 1. Novosibirsk: Nauka, 1976).

Черемесина, 1985: *Черемесина М. И.* Исследования сложного предложения в алтайских языках // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 179—187 (*Cheremesina M. I.* Issledovaniya slozhnogo predlozheniya v altaiskih yazykah // Uralo-altaistika. Arheologiya. Etnografiya. Yazyk. Novosibirsk: Nauka, 1985. S. 179—187).

Черемесина, 2004: *Черемесина М. И.* Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004 (*Cheremesina M. I.* Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznyh system. Novosibirsk: Nauka, 2004).

D. Suvdantsetseg
The comma in the Mongolian sentence: cases of comma usage

The article deals with particular cases for preference of comma usage, as provided by the punctuation rules of the Mongolian language as well as the practice of creating texts in the language. Rational for the function of the punctuation mark in the syntactic structure of the sentence, its syntactic nature and polyfunctions of the comma are considered in the material (in the texts) of Mongolian literature, in comparison with the translation of sentences into the Russian language. The latter has revealed peculiarities of how the punctuation mark functions and syntactic specifics of sentences presented by dissimilar (heterogeneous) languages. In particular, the role of comma in punctuation design of compound sentences is considered. Following leading linguists who have studied the problems of Mongolian Buryat and Altaic languages, the author has drawn her attention to the concepts of monosubjective, polypredicative, monosubjective-polypredicative constructions. The study has revealed syntactic feature of the both compound and complex sentences in the syntax of the Mongolian language, given in comparative background in the Russian language, and range of functions of the comma presented in these sentences.

Key words: punctuation, punctuation marks, functions, translation, Mongolian language.

А. А. Туранская

Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии

В статье дается характеристика жанровой маркировки «гурбум» в средневековой тибето-монгольской агиографии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на популярность, сочинения, маркированные таким образом, получили крайне ограниченное распространение в Тибете. Отсутствие же традиции исполнения гуров-песнопений в Монголии привело к тому, что «Гурбум» Миларэпы оставался единственным агиографическим произведением подобного рода, не вызвав к жизни переводы других сочинений или появление оригинальных текстов.

Ключевые слова: жанровая маркировка, гурбум, тибето-монгольская агиография, средневековая литература.

Одним из специфических явлений средневековой словесности, демонстрирующих удивительную устойчивость и однородность в литературах Востока и Запада, является агиография. В современном словоупотреблении термин «агиография» означает особое направление средневековой словесности, совокупность жизнеописаний святых [1], составленных в рамках той или иной религиозной традиции. Большинство научных трудов определяет агиографию как жанр средневековой литературы. Однако жанр есть категория историческая, представление о которой меняется от эпохи к эпохе. В Средние века строгая классификация жанров, как правило, отсутствовала. В ней совмещались функциональный и формальный принципы деления, что зачастую приводило к ее значительной дробности. В рамках данной статьи мы будем определять агиографию как совокупность жанров, объединенных одним тематическим признаком [2]. Это обусловлено наличием сложной иерархии агиографических сочинений, а также многообразием жанровых маркировок в литературах Тибета и Монголии.

Распространение среди тибетцев и монголов буддизма Махаяны привело к формированию в литературах этих народов буддийской агиографии. Значительная часть сочинений и переводов литературы этого рода свободно перемещалась из одной части этого буддийского ареала в другую, образовав агиографическую общность, не вмещавшуюся в этнические и государственные границы.

К тибетским агиографическим сочинениям можно отнести переводные индийские и тибетские джатаки (санскр. jātaka, тиб. skyes rabs) [3] и аваданы (санскр. avadāna, тиб. rtogs brjod) [4], некоторые истории настоятелей монастырей (тиб. gdan rabs) и перерожденцев (тиб. ‘khrung rabs), тексты, маркируемые как «записи достигнутого» (тиб. thob yig) или «записи прослушанного» (тиб. gsan yig), а также некото-

[1] Понятие «святости» имеет разное семантическое наполнение в мировых религиозных традициях. В рамках данной статьи важно лишь общее для агиографической литературы представление о людях, достигших религиозного идеала и заслуживших тем самым почитание членов религиозной общины.

[2] При этом под жанром понимается исторически сложившаяся, реально существующая и обозначенная тем или иным традиционным термином разновидность произведений. Как «относительно устойчивый тип» произведений жанр характеризуется единством тематического содержания, стиля и композиционного построения. Однако для дифференциации жанров может быть значим и один из выделенных признаков.

[3] Букв.: «последовательность жизней». Индийские джатаки представляют собой повествования о прошлых рождениях Будды. К тибетским сочинениям подобного рода относится, например, сборник джатак об индийском наставнике Атише (санскр. Atiśa, 982—1054) и его ученике Дром Тонпе (тиб. Brom ston pa, 1005—1064), входящий в апокрифический «Кадам Легбам» (тиб. bKa’ gdams legs bam). См.: [Востриков, 2007. С. 43—49; Tucci, 1949. P. 151].

[4] Букв.: ‘повествование о достижении [состояния Будды]’. Аваданы повествуют о деяниях Будды, его учеников или легендарных деятелей буддизма. Некоторые из этих сочинений вошли в тибетский канон Ганджур [Tucci, 1949. P. 437].

рые сочинения, входящие в так называемые «апокрифы» (тиб. gter ma) [5].

Одним из наиболее распространенных агиографических жанров в Тибете являются намтары. Термин «намтар» (тиб. rnam thar, сокращенное от тиб. rnam pa thar pa) передает санскритский термин «вимокша» (санскр. vimokṣa), означающий ‘полное освобождение [от сансарического бытия]’, т. е. достижение состояния будды. В Тибете начиная с XI в. он использовался для маркирования жанровых текстов, описывающих истории такого освобождения и способы его достижения [6].

Архетипом для формирования тибетского агиографического субстрата [7] и модели построения намтаров послужили в первую очередь пространные жизнеописания Шакьямуни, переведенные на тибетский в VIII в., такие как каноническая Лалитавистара (санскр. Lalitavistara, тиб. rGya cher rol pa’i mdo) и Буддхачарита (санскр. Buddhacarita, тиб. Sangs rgyas kyi spyod pa zhes bya ba'i snyan dngags chen po) Ашвагхоши (санскр. Aśvaghoṣa, I—II вв.), индийские джатаки и аваданы, а также «Жизнеописания 84 махасиддхов», составленные Абхаядаттой (санскр. Abhayadatta, XI в.) [Larsson, 2009. P. 32—33; Strong, 2001. P. 12].

Намтары являлись своего рода моделью, которая наглядно показывала возможность освобождения из сансарического бытия «в течение одной жизни в одном теле» (тиб. tshe gcig lus gcig) и должна была вдохновлять и наставлять последователей буддийского учения. Они также устанавливали четкие связи между индийской и тибетской буддийскими традициями, являясь своего рода доказательством аутентичности и преемственности последней.

Наиболее ранний из известных на сегодня намтаров датируется XII в. Это автобиография учителя традиции Цалпа Кагью (тиб. Tshal pa bka' brgyud) Ламы Шанг Ринпоче (тиб. Bla ma zhang rin po che, 1123—1193) [8]. Изначально намтары представляли собой тексты, состоящие из фрагментарных и не связанных между собой историй о том или ином тибетском учителе. Однако по мере развития церковных институтов, расширения влияния различных школ тибетского буддизма подобные сочинения «обрастали» новыми повествовательными и композиционными деталями. Своего рода доказательством подобного развития этого литературного жанра является трехтомный намтар пятого далай-ламы Нгаванг Лопсанг Гьяцо (тиб. Ngag dbang blo bzang rgya mtsho, 1617—1682), согласно тибетской традиции, он считается кульминацией агиографической литературы в Тибете.

Особым жанровым подвидом намтаров стали «гурбумы» (тиб. mgur 'bum, букв.: ‘сто тысяч гуров’ или ‘собрание гуров’) [9]. Появление самостоятельных текстов такого рода было, по всей вероятности, обусловлено большим объемом жизнеописаний наиболее уважаемых учителей традиции Кагью, а также наличием в этой традиции особых религиозных песнопений — «гуров» (тиб. mgur, mgur ma, mgur glu). Изначально в Тибете слово «гур» использовалось как синоним «песни» (тиб. glu), рассказывающей о «положительном индивидуальном опыте, восхваляющей деяния поющего или кого-либо из известных ему людей… и выражающей радость поющего по поводу преодоления препятствий, надежду на будущие успехи или восхваление деяний других» [Ellington, 1979. P. 67; Jackson, 1996. P. 372]. Начиная с XI в. гурами стали называться религиозные песнопения, описывающие духовный опыт, полученный в процессе медитативных практик, или содержащие наставления по практике буддийского учения.

Традиция таких песнопений восходит к индийским махасиддхам, традиционно исполнявшим особые тантрийские песнопения (санскр. dohā, caryāgīti, vajragīti [10]), которые являлись «наиболее подходящим способом проповеди их учений» [Sørenson, 1990. P. 15]. Согласно некоторым источникам по истории Тибета, автором первого религиозного гура является Падмасамбхава (санскр. Padmasaṃbhava, тиб. Padma ‘byung gnas, VIII в.), который исполнил его для царя Трисонг Дэцэна (тиб. Khri srong lde’u btsan, 790—858) [Ellington, 1979. P. 230], а его ученик Вайрочана (тиб. Bai ro tsa na, VIII в.) считается первым в истории Тибета великим сочинителем гуров. «Классическая» традиция гуров восходит к основателю тибетской школы Кагью Марпе лоцзаве (тиб. Mar pa lo tsA ba, 1002/1012—1097/1100), который получил в устной передаче песнопения и комментарии к ним от индийского махасиддхи Майтрипы (тиб. Mai tri pa, 1012—1097).

Некоторые ученые полагают, что индийское влияние на формирование традиции гуров в Тибете закончилось к XI в., когда сформировался «стиль, более близкий к местной традиции» [Sørenson, 1990. P. 260]. Первым, кто «…адаптировал иностранную модель (мистических песнопений индийских тантри-

---

[5] Подробнее см.: [Востриков, 2007. С. 50—67, 95—98; van der Kuijp, 1996. P. 43—45; Schaeffer, 2000; Sobisch, 2000. P. 161—179].

[6] Подробнее о термине «намтар» см.: [Gyatso, 1998. P. 281; Willis, 1985]. До XI в. жизнеописания, как правило, имели жанровую маркировку *lo rgyus*, букв.: ‘история’ [Roberts, 2010. P. 181].

[7] Подробнее об агиографическом субстрате см.: [Лурье, 2009. С. 54—62].

[8] Подробнее об этом сочинении см.: [Gyatso, 1998. P. 101; Quintman, 2006. P. 44].

[9] В тибетской литературе числительное *‘bum* (букв.: ‘сто тысяч’) использовалось для обозначения собрания сочинений какого-либо автора (например, тиб. bka’ ‘bum, gsung ‘bum).

[10] Подробнее см.: [Jackson, 1996; 2004; Kværne, 1977; Templeman, 1994].

стов) к традиционным песням своей страны», по всей вероятности, был Миларэпа [Stein, 1972. P. 260]. Благодаря ему гуры получили широкое распространение в Тибете [11], особенно в рамках традиции Кагью, и стали использоваться в качестве одного из способов проповеди буддийского учения.

Изначально гуры передавались изустно или входили в заключительные разделы намтаров. С развитием агиографической традиции они стали обрамляться описаниями обстоятельств их исполнения и в результате превратились в самостоятельные повествования внутри намтаров.

Известный учитель традиции Другпа Кагью (тиб. ‘Brug pa bka’ brgyud) Цаннён Херука (тиб. gTsang smyon he ru ka, 1452—1507), по всей вероятности, был первым, кто выделил подобные повествования из жизнеописания одного из самых популярных тибетских святых, йогина и поэта Миларэпы в отдельное сочинение «Собрания гуров, пространно разъясняющих намтар досточтимого Миларэпы» (тиб. rJe btsun mi la ras pa’i rnam thar rgyas par phye ba mgur ‘bum zhugs so), ставшее своего рода дополнением или комментарием к его намтару. После издания этого сочинения ксилографическим способом в 1488 г. в Тибете стали появляться и другие самостоятельные сочинения подобного рода, в первую очередь в традиции Кагью, в рамках агиографической школы, начало которой положил Цаннён Херука [12], а затем и в других школах тибетского буддизма. В качестве примеров можно привести «Гурбум Цаннён Херуки» (тиб. gTsang smyon he ru ka'i mgur 'bum), написанный его учеником Нацог Рангдролом (тиб. sNa tshogs rang grol, 1494—1570) и гурбум Кунга Сангпо (тиб. Kun dga’ bzang po, 1458—1532) «Гурбум сумасшедшего Кунга Сангпо [из области] Уй» (тиб. dBus smyon kun dga' bzang po'i mgur 'bum), составленный Нгаванг Драгпой (тиб. Ngag dbang grags pa, 1458—1515).

Гурбумы небольшого объема входили в состав сборников песнопений учителей той или иной традиции. Самый известный из них — «Океан песнопений [учителей традиции] Кагью» (тиб. bKa’ brgyud mgur tsho), составленный восьмым кармапой Микьо Дордже (тиб. Mi skyod rdo rje, 1507—1554). Впоследствии гурбумы также стали включаться в собрания сочинений (тиб. gsung ‘bum) тибетских авторов. Так, например, в сумбум Таранатхи (тиб. Ta ra na tha, 1575—1635) вошло сочинение «Устные наставления и гурбум» (тиб. Zhal gdams mgur ‘bum gyi skor), а в сумбум Ролби Дорже — сочинение «Некоторые устные наставления и гуры» (тиб. gSung mgur zhal gdams 'ga' zhig).

Однако в большинстве своем собрания песнопений по-прежнему входили в состав намтаров, что приводило к двойной жанровой маркировке — «намтар и гурбум» (тиб. rnam thar mgur ‘bum, rnam mgur). Среди сочинений, маркированных подобным образом, наибольшую известность в Тибете получили «Краткий намтар и дополнение к намтару гур[бум] досточтимого Рэчунга, обретшего радужное тело в течение одной жизни» (тиб. Tshe gcig la 'ja' lus brnyes pa rje ras chung pa'i rnam thar rags bsdus mgur rnam par rgyas), «Намтар и гурбум повелителя йогинов прославленного Драгпа Тайе [под названием] „Удивительное драгоценное ожерелье“» (тиб. rNal 'byor gyi dbang phyug grags pa mtha' yas dpal bzang po'i rnam thar mgur 'bum ngo mtshar nor bu'i phreng ba) или «Намтар и гурбум Бараба Гьелцэн Пэлсангпо» (тиб. 'Ba' ra ba rgyal mtshan dpal bzang po'i rnam thar mgur 'bum sogs).

Монголы начали свое знакомство с буддийской агиографией с переводных сочинений. Уже в правление Есун Тэмура (монг. Yesün temür, 1293—1328) Шэйраб Сэнге (тиб. Shes rab seng ge, XIV в.) перевел на монгольский язык сочинение «Двенадцать деяний будды» (монг. Burqan-u arban qoyar ǰokiyangγui), составленное на тибетском Чойджи Одсэром (тиб. Chos kyi ‘od zer, XIV в.) в XIV в. Однако интенсивное проникновение в монгольскую культуру индотибетского буддийского агиографического субстрата началось только в конце XVI—начале XVII в., в период роста экономической, политической и культурной активности монгольского общества, который сопровождался более широким, чем ранее, распространением в Монголии буддизма в его тибетской форме и возобновлением литературной и в первую очередь переводческой активности. Это привело к тому, что тибетская буддийская литература, в том числе и агиографическая, заняла в Монголии «главенствующее положение, тесня эпос, монгольскую историографию и оказывая на них свое влияние» [Цендина, 2007. С. 7].

Так, известно, что с конца XVI до середины XVII в. было осуществлено три перевода сборника «Мани Кабум» (тиб. Mani bka’ ‘bum), содержащего жизнеописание тибетского царя Сонгцэн Гампо (тиб. Srong btsan sgam po, VII в.), два перевода жизнеописания Падмасамбхавы «Падма-гатан» (тиб. Pad ma bka’ thang), перевод «Книги сына» (тиб. Bu chos), тибетского сборника джатак о перерождениях Атиши (санскр. Atiśa, 982—1054) и его ученика Дром

[11] Гуры наряду с песнями (тиб. glu) и изящной поэзией (тиб. snyan ngag, букв.: ‘речь[, приятная для] слуха’) образуют три стихотворных жанра тибетской литературной традиции. Многие исследователи рассматривают эти жанры как последовательные этапы развития тибетской поэтической традиции [Jackson, 1996. P. 368—369; Stein, 1972. P. 269—270]. Песни, как считают некоторые исследователи, являются наиболее ранним, самобытным и зачастую передаваемым изустно жанром [Jackson, 1996. P. 372]. Жанр изящной поэзии, вдохновленный индийской литературной традицией, появился только в XIII в. Согласно тибетскому исследователю Дондуп Гьелу, отличие гуров от изящной поэзии в том, что первые в большинстве случаев «характеризуются более короткой и непредсказуемой ритмической организацией, простотой и прямолинейностью и включают тибетские образные и стилистические клише» [DGR. P. 31].

[12] Об авторах и сочинениях этой школы см.: [Smith, 2001].

Тонпы (тиб. Brom ston pa, 1005—1064), входящего в сборник «Кадам Легбам» (тиб. bKa' gdams legs bam). Познакомились монголы и с жизнеописаниями учителей традиции Кагью. В конце XVI в. Эцэг Номунханом (монг. Ečige nom-un qaγan, XVI—XVII вв.) был выполнен сокращенный перевод намтара ближайшего ученика Миларэпы Рэчунг Дордже Драгпы (тиб. Ras chung pa rdo rje grags pa, 1083/1084—1161) [13], а в начале XVII в. известным переводчиком буддийских сочинений Ширегету Гуши Цорджи (монг. Širegetü güši čorǰi) были переведены на монгольский намтар и «Гурбум» Миларэпы [14].

Именно эти вышеупомянутые сочинения положили начало рецепции буддийского агиографического субстрата и формированию жанрового канона житийных произведений, которые впоследствии стали органичной частью средневековой монгольской литературы [15].

Стоит отметить, что к концу XVI—началу XVII в. стройной системы передачи тибетских жанровых наименований на монгольском языке не существовало, и такие термины, как «гур» и «гурбум», были так называемой «безэквивалентной» [16] лексикой, что сказывалось на их передаче в монгольских переводах.

В названии осуществленного Ширегету Гуши Цорджи перевода сочинения «Сто тысяч песнопений, пространно разъясняющих жизнеописание досточтимого Миларэпы» (монг. Getülgegci milarasbayin tuγuji delgerenggüi ilγaγsan 'bum daγudal kemegdekü orosiba) тибетская жанровая маркировка *mgur 'bum* передана как «сто тысяч песнопений» (монг. 'bum daγulal), а в издательском колофоне, переведенном Нгаванг Тэнпэлом (тиб. Ngag dbang bstan 'phel, 1690/1700—1780) почти полтора столетия спустя [17], тиб. *'bum* заменено его санскритским эквивалентом (санскр. lakṣa), и «гурбум» передан как *lagš-a toγatan daγulal.*

По-разному передавался на монгольском языке и термин «гур». Так, например, Гуши Цорджи для его передачи использует монгольские «стих» (монг. silüg) или «песня», «песнопение» (монг. egesig, daγulal), а иногда вообще опускает его в переводе и использует такие выражения, как «так проповедовал» (монг. eyin nomlar-un), «изрек» (монг. ǰarliγ bolur-un) или «так ответил» (монг. eyin qariγular-un). Практически таким же образом этот термин передается и в пяти главах, считавшихся утерянными уже к середине XVIII в. и заново переведенных Нгаванг Тэнпэлом [18]: «песня», «песнопение» (монг. egesig, egesig daγun, daγulal). Тибетское выражение «исполнил гур» (тиб. mgur 'di gsungs, mgur du gsungs) передается как, например, «проповедовал, спев» (монг. daγulan nomlar-un), «проповедовал песню» (монг. egesig-i nomlar-un, egesig daγun-i eyin nomlar-un), «спев, так проповедовал» (монг. egesigler-ün eyin nomlar-un). Все это свидетельствует о том, что традиция исполнения буддийских гуров отсутствовала в Монголии на момент перевода «Гурбума» не только Ширегету Гуши Цорджи, но и Нгаванг Тэнпэла.

По всей вероятности, получив широкое распространение в Монголии, перевод «Гурбума» способствовал росту популярности тибетского святого Миларэпы среди монголов [19], а также формированию его культа и житийного канона, но оставался единственным агиографическим произведением подобного рода, не вызвав к жизни ни переводы других сочинений, ни оригинальные тексты, имеющие жанровую маркировку «гурбум» [20].

---

[13] «История досточтимого Рэчунгпы Дордже, прославившегося как наилучший из учеников досточтимого Миларэпы, который обрел дхармакайю в течение одной жизни при помощи усердной практики аскезы, под названием „Ясное зерцало удивительной мудрости"» (монг. Qataγu cing joriγ-tu berke qataγujil-iyar : γaγcaγan nasun-daγan nom-un bey-e-yi oluγsan boγda mila-yin : qamuγ köbegüd-ün manglai aldarsiγsan boγda rascung-ba vcir-un γayiqamsiγ-tu belge bilig-ün gegen toli neretü tuγuji orosiba).

[14] Намтар Миларэпы переводился в начале XVII в. не менее трех раз — Ширегету Гуши Цорджи, Тойном Цогту (монг. Toyin coγtu, XVI—XVII в.) и ойратским Зая-пандитой (монг. Jaya bandida, 1599—1662).

[15] О широком распространении буддийской агиографии свидетельствует создание оригинальных монгольских сочинений, начиная со второй половины XVII в. К ним можно отнести жизнеописание Зая-пандиты, составленное его ближайшим учеником Ратнабхадрой (монг. Radna bhadra, XVII—XVIII вв.) в 1691 г., и намтар Нейджи-тойна (монг. Neyiǰi toyin, 1557—1653) 1739 г. уратского Праджня Сагары (монг. Praǰn-a sagar-a, XVIII в.).

[16] Аналогичную ситуацию можно наблюдать и для тибетского термина «намтар». В переводе Гуши Цорджи жизнеописание Миларэпы имеет жанровую маркировку «намтар» (монг. rnam tar), а в переводческом колофоне и переведенном им же названии Гурбума — «тууж» (монг. tuγuǰi), т. е. 'история' или 'предание'. В переводе Тойна Гуши намтар Миларэпы имеет маркировку «цадиг» (монг. čadig), т. е. 'джатака', 'жизнеописание', а в переводе ойратского переводчика Гэлэг Равжа Цорджи — «тууж».

[17] Подробнее см.: [Туранская, 2013].

[18] Подробнее см.: [Туранская, 2013].

[19] Так, например, известно, что намтар Миларэпы на монгольском языке читался во время службы ламами монастыря Мэргэн Гэгэна (монг. Mergen gegen, 1717—1766) [Chiodo, 2009. P. 44] и во время ритуальных служб, организованных Равджой (монг. Rabǰai, 1803—1856) во время его пребывания в Алашане в 1831 г. [Kürelbaγatur, 2002. Q. 198], а гуры Миларэпы — на церемонии освящения монастыря Усин-дзу (монг. Usin ǰuu) в Ордосе [Narasun, 2000. Q. 409].

[20] Ограниченное распространение в Монголии получила традиция сочинения и исполнения песнопений, называвшихся «гурами» (монг. gür). Так, монгольская исследовательница Б. Няммягмар приводит в своей диссертации небольшой перечень сочинений, в названия которых входила маркировка «гур» (монг. gür daγulal, gür daγun) [Няммягмар, 2011. X. 15]. Однако все эти сочинения не содержат житийных повествований, подобно «Гурбуму» Миларэпы, а представляют собой лишь сборники текстов песен, иногда с нотами.

Использованная литература

Востриков, 2007: *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. СПб., 2007 (*Vostrikov A. I.* Tibetskaya istoricheskaya literatura. SPb., 2007).

Лурье, 2009: *Лурье В. М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аксиома, 2009 (*Lur'e V. M.* Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu. SPb., 2009).

Туранская, 2013: *Туранская А. А.* Монгольский сборник «Сто тысяч песнопений Миларэпы» // Mongolica-X. Санкт-Петербург, 2013. С. 21—25 (*Turanskaya A. A.* Mongolskiy sbornik «Sto tysyach pesnopeniy Milarepy» // Mongolica-X. Sankt-Peterburg, 2013. S. 21—25).

Цендина, 2007: *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII—XIX веков: повествовательные традиции. М., 2007. (*Tsendina A. D.* Mongol'skie letopisi XVII—XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii. M., 2007).

Няммягмар, 2011: *Няммягмар Б.* «Мялын бум дууллын» монгол орчуулгын шинж. Ph.D-ын зэрэг горилсон бүтээл. Улаанбаатар, 2012 (*Nyammyagmar B.* «Myalyn bum duullyn» mongol orchuulgyn schinzh. Ph.D-yn zereg gorilson buteel. Ulaanbaatar, 2012).

Chiodo, 2009: *Chiodo E.* The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Pt. II. Wiesbaden, 2009.

DGR: *Don grub rgyal*. Bod kyi mgur glu byung 'phel gyi lo rgyus dang khyad chos bsdus par ston pa rig pa'i khye 'u rnam par rtsen pa 'i skyed tshal // Dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. Vol. III. Beijing, 1985.

Ellington, 1979: *Ellington T. J.* The Mandala of Sound: Concepts and Sound Structures in Tibetan Ritual Music. Ph.D. dissertation. Madison, 1979.

Gyatso, 1998: *Gyatso J. B.* Apparitions of the Self: The Secret Autobiographies of a Tibetan Visionary. Princeton; N.Y., 1998.

Jackson, 1996: *Jackson R. R.* «Poetry» in Tibet: Glu, mGur, sNyan ngag and «Songs of Experience» // Tibetan Literature: Studies in Genre / ed. by José Ignacio Cabezón and Roger R. Jackson. Ithaca; N.Y., 1996. P. 368—392.

Jackson, 2004: *Jackson R. R.* Tantric Treasures: Three Collections of Mystical Verse from Buddhist India. N.Y., 2004.

Kværne, 1977: *Kværne P.* An Anthology of Buddhist Tantric Songs: A Study of Caryāgīti. Bangkok, 1977.

Kürelbaγatur, 2002: *Kürelbaγatur L.* Oγtaryui-yin caγan γarudi. Kökeqota, 2002.

Larsson, 2009: *Larsson S.* The Birth of a Heruka. How Sangs rgyas rgyal mtshan became gTsang smyon Heruka: A Study of Mad Yogin. Stockholm, 2009.

Narasun, 2000: *Narasun S.* Ordos-un süm-e keyid. Qayilar, 2000.

Quintman, 2006: *Quintman A. H.* Mi la ras pa's Many Lives: Anatomy of a Tibetan Biographical Corpus. Ph.D. dissertation. University of Michigan, 2006.

Roberts, 2010: *Roberts P. A.* The Evolution of the Biographies of Milarepa and Rechungpa // Biography in the Buddhist Traditions / ed. by Covill, Linda; Roesler, Ulrike; Shaw, Sarah. Boston, 2010. P. 181—2013.

Schaeffer, 2000: *Schaeffer K. R.* The Religious Career of Vairocanavajra — a Twelfth-century Indian Buddhist Master from Dakṣiṇa Kośala // Journal of Indian Philosophy, 28. Netherlands, 2000. P. 361—384.

Sobisch, 2000: *Sobisch J. U.* The 'Records of Teachings Received' in the Collected Works of A-mes-zhabs: An Untapped Source for the Study of Sa skya pa Biographies // Tibet, Past and Present: Proceedings of the Ninth Seminar of the IATS, 2000. Leiden, 2000. P. 161—181.

Sørenson, 1990 : *Sorenson P. K.* Divinity Secularized. An Inquiry into the Nature and Form of the Songs Ascribed to the Sixth Dalai Lama. Wien, 1990.

Smith, 2001: *Smith E. G.* The Life of gTsang smyon Heruka // Among Tibetan Texts. History and Literature of the Himalayan Plateau. Boston, 2001. P. 59—80.

Stein, 1972: *Stein R. A.* Vie et chants de 'Brug pa kun legs le yogin. Paris, 1972.

Strong, 2001: *Strong J. S.* The Buddha: A Short Biography. Oxford, 2001.

Templeman, 1994: *Templeman D.* Dohā, Vajragīti and Caryā Songs // Tantra and Popular Religion in Tibet / ed. by G. Samuel, H. Gregor, E. Stutchbury. New Delhi, 1994. P. 15—38.

Tucci, 1949: *Tucci G.* Tibetan painted scrolls. Vol. I. Roma, 1949.

van der Kuijp, 1996: *van der Kuijp L.* Tibetan Historiography // Tibetan Literature: Studies in Literature / ed. by J. I. Cabezon and R. R. Jackson. Ithaca; N.Y., 1996. P. 39—56.

Willis, 1985: *Willis J. D.* On the Nature of Rnam-thar // Soundings in Tibetan Civilization / ed. by B. N. Azis and M. Kapstein. Delhi, 1985. P. 304—319.

A. A. Turanskaya
Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography

The article gives an overview of the genre marker 'mGur 'bum' in medieval Tibeto-Mongolian hagiography. The author comes to the conclusion that despite the popularity texts marked as 'mGur bum' were extremely limited in Tibet. As a result of the absence of the tradition of performing gur songs in Mongolia, Milarepa's mGur 'bum remained the only hagiographical text of this genre and did not call into being the original Mongolian texts.

Key words: genre marker, mGur 'bum, Tibeto-Mongolian hagiography, medieval literature.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»

Конференция Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» проходила 6—8 июля 2016 г. в Бурятии (Улан-Удэ, Иволгинский дацан). 10—19 июля участникам конференции была предложена культурная программа, в ходе которой они посетили Тункинский р-н (п. Аршан), Окинский р-н (с. Орлик, с. Саяны, с. Хужир), Монголию (п. Ханх). Организаторами мероприятия выступили: Благотворительный общественный фонд «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*», Буддийская традиционная сангха России, Институт восточных рукописей РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Конференция «Доржиевские чтения» посвящена памяти выдающегося бурятского буддиста, ученого и общественного деятеля, учителя XIII Далай-ламы, основателя Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй Хамбо-ламы Агвана Лобсана Доржиева (1854—1938). Чтения были впервые организованы в 2004 г. в ознаменование 150-летия со дня рождения Агвана Доржиева и с тех пор проходят регулярно один раз в два года в местах, исторически связанных с его именем. За истекшие двенадцать лет участники конференции побывали в Санкт-Петербурге, в Иркутске и на Ольхоне, в Улан-Удэ, в Агинском, на Алханае и в Нарын-Ацагате. Седьмые Доржиевские чтения прошли в Улан-Удэ — столице Республики Бурятии.

Продолжая традиции научного сотрудничества, заложенные Агваном Доржиевым и буддологами школы академика Ф. И. Щербатского (1866—1942), организаторы конференции наметили ее основными задачами предоставление площадки для развития научного диалога между представителями академической науки и традиционными буддийскими учеными и обеспечение участникам конференции из других регионов возможности проведения необходимых для их работы полевых исследований в исторических местах, хранящих память о развитии буддизма на территории нашей страны.

Постоянными организаторами Чтений выступают Благотворительный общественный фонд «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*» (Санкт-Петербург) и Буддийская традиционная сангха России. Кроме того, в число организаторов в разные годы входили Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова (пгт. Агинское), Администрация Агинского Бурятского округа Забайкальского края, Администрация Республики Бурятия, Администрация города Санкт-Петербурга, Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург), Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Музей-квартира П. К. Козлова (Санкт-Петербург), Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), Российская ассоциация монголоведов, Санкт-Петербургский государственный университет и Фонд Агвана Доржиева (Улан-Удэ). За время своего существования эта конференция из локального научного события превратилась в крупный научный форум, привлекающий внимание не только отечественных, но и зарубежных ученых. На ее заседаниях обсуждаются актуальные темы, связанные с жизнью и деятельностью Агвана Доржиева, с историческими судьбами буддизма в России, с отношениями между буддизмом, государством и обществом в современном мире, с ролью буддизма в культуре монголоязычных народов, с проблемами возрождения буддийской традиции в России, с научными экспедициями в буддийские регионы, а также с хранением и изучением буддийского рукописного, книжного, архивного и художественного наследия. По итогам каждой конференции публикуется сборник научных статей.

Открытие Седьмых Доржиевских чтений состоялось 6 июля 2016 г. в Буддийском университете «Даши Чойнхорлин», находящемся на территории Иволгинского дацана. В адрес участников конференции поступили приветствия ректора Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева геше Дымбрыла Дашибалданова; доктора социологических наук, профессора СПбГУ, президента СПб БОФ «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*» А. О. Бороноева; доктора исторических наук директора ИВР РАН И. Ф. Поповой; кандидата медицинских наук депутата Государственной Думы Российской Федерации И. Э. Матханова; заместителя министра культуры Республики Бурятии Н. В. Емонакова; доктора социологических наук, профессора БГУ вице-президента Межрегионального общественного движения «Всебурятская ассоциация развития культуры» Э. Д. Дагбаева.

Работа конференции велась по следующим направлениям: Агван Доржиев и буддизм в России, традиционный буддизм в России и Монголии, фольклористика, литературоведение, философия, археология, этнография, буддийское искусство и музейные собрания, буддийская традиция в наши дни, традиционные буддийские науки, архивные исследования.

По теме «Агван Доржиев и буддизм в России» были представлены доклады: «Религия и политическая идентичность: бурятское духовное пространство в имперской России» (Д. Д. Амоголонова, доктор ист. наук, ведущий науч. сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН); «Роль А. Доржиева в распространении практики Калачакры в России» (Р. Д. Содномов, гэбшэ, проректор по научной работе Буддийского университета «Даши Чойнхорлин»); «Трансформация и модернизация буддийской теории и практики под влиянием деятельности Агвана Доржиева» (Л. Л. Абаева, доктор ист. наук, гл. науч. сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН); «Жизнь и судьба Агвана Доржиева» (С. П. Ангаева, доктор ист. наук, проф., декан эколого-гуманитарного факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления; Ю. Ц. Тыхеева, доктор филос. наук, доц. каф. истории, культурологии и архивного дела Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления); «Агван Доржиев в Оке. Культовые святыни Саян» (Д. Г. Чимитдоржин, кандидат ист. наук, науч. сотрудник Анинского дацана), а также сообщение «Буддийский традиционализм Дандарона» (Р. А. Зобков, независимый исследователь).

В этот же день были заслушаны сообщения на секции «Традиционный буддизм в России и Монголии»: «Мистерия Цам и история ее развития в России» (Б. В. Бадмацыренов, лама Дуйнхор дацана); «Буддийская церковь и ее взаимоотношения с государственными властями на 1935—1936 гг. в СССР» (Э. С. Шулунов, студент кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета).

Второй и третий день конференции (7 и 8 июля) проходили в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в г. Улан-Удэ.

По теме «Фольклористика, литературоведение» прозвучали доклады: «Окинская версия эпоса „Хан Харангуй“: буддийские мотивы и образы» (Дугаров Баир Сономович, доктор филол. наук, ведущий науч. сотрудник Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН); «Коды Д. Равжи в современной монгольской поэзии» (Л. С. Дампилова, доктор филол. наук, гл. науч. сотрудник Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН); «Откуда пошли шаманы и ламы: фольклорные повествования о происхождении религии у монгольских народов» (Д. А. Носов, кандидат филол. наук, мл. науч. сотрудник Института восточных рукописей РАН).

На секции «Философия» были прочитаны сообщения: «Представления буддистов о жизни и смерти» (Н. Ц. Хантургаева, кандидат социологических наук, доц. Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления); «Роль сакрального в буддийской сотериологии» (Н. А. Субангулова, ассистент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина); «Проблемы сравнительного философского изучения буддизма» (И. С. Урбанаева, доктор филос. наук, гл. науч. сотрудник Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН).

Тема «Археология, этнография» была представлена докладами: «Музей антропологии и этнографии и байкальские экспедиции Бернгарда Эдуардовича Петри» (Е. С. Соболева, кандидат ист. наук, ст. науч. сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН); «Религиозные туристические маршруты Национального музея Республики Бурятии» (Э. С. Найданова, зав. историко-краеведческим центром им. М. Н. Хангалова, Национальный музей Республики Бурятии).

Заключительное заседание второго дня конференции было посвящено сообщениям на тему «Буддийское искусство и музейные собрания»: «Буддийская скульптура из собрания Челябинской областной картинной галереи» (В. В. Деменова, кандидат искусствоведения, доц. кафедры истории искусств, директор департамента «Факультет искусствоведения и культурологии» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина); «Коллекция Хамбо ламы Ч. Иролтуева (по фондовым собраниям Национального музея РБ)» (С. Б. Бардалеева, эксперт по культурным ценностям (предметы отправления религиозных культов и ДПИ, произведения скульптуры (буддизм) Восточно-Сибирского управления Министерства культуры РФ)); «Некоторые бурятские тангка из коллекции Эрмитажа» (Ю. И. Елихина, кандидат ист. наук, ст. науч. сотрудник отд. Востока Государственного Эрмитажа).

Эта же тема была продолжена на утреннем заседании заключительного дня конференции, на котором были представлены доклады: «Коллекция буддийского искусства в собрании Иркутского областного художественного музея: история формирования и опыт атрибуции» (Е. М. Кабунова, зав. Галереей скульптуры Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева); «Иконография Будды Амитабха в Тибете» (И. Н. Содномова, менеджер департамента истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»); «История формирования буддийских коллекций в музеях Иркутска» (А. И. Шинковой, кандидат ист. наук, искусствовед Иркутского областного краеведческого музея).

Тема «Традиционные буддийские науки» была представлена докладами: «*Kun bzang 'khor lo* Муге Самтэна Гьяцо — памятник тибетской комбинаторной литературы» (Е. Ю. Харькова, кандидат ист. наук, независимый исследователь); «Принципиальные

особенности терминологии буддийских наук» (Н. В. Пупышева, кандидат культ., науч. сотрудник Института физического материаловедения СО РАН); «Тибетские медицинские источники: некоторые итоги и перспективы изучения» (Т. А. Асеева, доктор биол. наук, ведущий науч. сотрудник Института общей и экспериментальной биологии СО РАН; Н. А. Кузнецова, кандидат ист. наук, главный специалист отдела документационного и информационного обеспечения Бурятского научного центра СО РАН; «История изучения трактата „Чэн ши лунь“ в буддийских монастырях Восточной Азии» (Н. А. Астахаев, независимый исследователь).

На заключительном заседании были заслушаны сообщения по теме «Архивные исследования»: «А. Барченко и поиски российской Шамбалы» (С. П. Нестёркин, доктор филол. наук, ведущий науч. сотрудник Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН); «Жизнь и наука монголоведа А. В. Бурдукова (1883—1943) — по материалам Архива востоковедов ИВР РАН» (И. В. Кульганек, доктор филол. наук, зав. сект. Центральной Азии отд. Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН).

После окончания работы конференции её участникам была предложена культурная программа, целью которой было посещение ряда мест в Тункинском и Окинском районах Бурятии, связанных с деятельностью *цаннид-хамбо* Агвана Доржиева, а также ознакомление с природными объектами, которые являются святынями этносов Байкало-Саянского региона. Кроме того, в маршрут поездки было включено озеро Хубсугул (район Ханх Монголии), которое буряты, монголы и окинские сойоты считают одной из доминант сакрального ландшафта, включающего озеро Байкал, высочайшую вершину Восточных Саян Мунко-Саридак и комплекс минеральных источников Шумак.

В культурной программе конференции приняли участие М. Г. Банаева, С. Б. Бардалеева, Ю. И. Елихина, Е. С. Соболева, Н. А. Субангулова, Ю. Ц. Тыхеева, Е. Ю. Харькова, Д. Г. Чимитдоржин, А. И. Шинковой.

Несмотря на ряд непредвиденных обстоятельств, культурная программа была выполнена в полном объеме, с некоторыми изменениями в маршруте. В связи с ливневыми дождями сообщение с Окинским районом временно было прервано, в результате утром 10 июля участники культурной программы выехали не в Орлик, а в поселок Аршан (Тункинский район Бурятии), расположенный в 480 км от Улан-Удэ. Тункинский район находится в долине реки Иркут между хребтами Хамар-Дабан и Восточные Саяны, богат памятниками природы, истории и культуры, относится к особо охраняемым природным территориям России — весь район занимает Тункинский национальный парк, образованный в 1991 г.

Поселок Аршан расположен в живописном предгорье Восточных Саян, там, где река Кынгырга (в переводе с бур.: ‘бубен, барабан’) выходит из горного массива, образуя множество порогов и двенадцать водопадов. Эта местность славится своими углекислыми минеральными водами. Уже двести лет назад эмчи-ламы знали метод определения целительных сил этих минеральных источников, каждый из которых они снабдили надписью, пояснявшей, от каких болезней следует пить воды. В 20-х гг. XX в. Аршан стал курортом государственного значения, там были открыты несколько санаториев. 10 и 11 июля участники культурной программы совершали прогулки вдоль русла реки Кынгырга, пили воды источников, которые сохраняются в естественном состоянии. Некоторые члены группы, поднявшись выше по течению реки, смогли увидеть знаменитые водопады.

Утром 11 июля группа посетила один из дацанов Тункинской долины — Хандагайтайский (Хойморский) дацан, основанный по воле Агвана Доржиева в 1917 г. Устав Хандагайтайского дацана основывался на принципах обновленчества, одним из идеологов которого был А. Доржиев. В 1930-е гг. Хандагайтайский дацан постигла та же участь, что и другие бурятские дацаны. В 1991 г. в местности Святая поляна, близ поселка Аршан, жители Тунки восстановили Хандагайтайский дацан. С 1996 г. этим дацаном, получившим название Бодхидхарма, руководит лама Даши Шаглахаев, ученик и помощник ламы Д-Х. Самаева (1954—2005), настоятеля Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй с 1991 по 1997 г. Участники культурной программы встретились с ламой Даши, который сам неоднократно участвовал в конференции «Доржиевские чтения», и приветствовали его от имени Оргкомитета конференции.

Днем 11 июля участники культурной программы побывали в местности Вышка, в 5 км от села Жемчуг, на горячих источниках минеральных вод (Жемчугская скважина). Расположенный там лечебный комплекс «Жемчужина» предлагает целый ряд оздоровительных процедур. Еще одна достопримечательность этой местности — здание Буддийской академии, основанной ламой Д-Х. Самаевым, в настоящее время оно ремонтируется.

Ранним утром 12 июля участники культурной программы выехали в Окинский район, двигаясь по трассе Култук-Монды (по Тункинскому тракту). Административный центр Тункинского района п. Кырен, который находится в 70 км к юго-западу от Аршана, миновали без остановки: впереди были 184 км нелегкого пути до с. Орлик, центра Окинского района. Короткую остановку сделали неподалеку от с. Шимки, в 8 км от Кырена, где находится известное место поклонения Тамхи Баряша. Здесь в тенистой березовой роще установлены беседка и скульптурная композиция в виде курительной трубки. Это место связано с легендой о хане (хате) Шаргай-нойоне, сыне *тенгри*, покровителе и защитнике западных бурят. Напротив Тамхи Баряша расположена гора Байтог, очертаниями напоминающая лежащего человека. Согласно легенде, Шаргай-нойон, охраняю-

щий западную границу Тунки, любит курить трубку, лежа в часы отдыха.

Проехав 83 км от Кырена, группа достигла п. Монды, расположенного всего в 10 км от подножия священной горы Мунко Саридак (в переводе с бур.: ‘вечный голец’), или Бурэн-хан, которая хорошо видна от этого населенного пункта. Мунко Саридак, высочайшая вершина Саян (3492 м), является для местного населения (бурят, монголов и окинских сойотов) частью сакрального ландшафта.

Дорога на с. Орлик, уходящая на северо-запад от горы Мунко Саридак, пролегает через Окинское плато, на котором берут начало реки Ока, Иркут и Китой. Участники культурной программы останавливались на 48-м км дороги Монды-Орлик, у оз. Окинское (Ахын-нуур), где берет начало р. Ока Саянская (Аха), самая большая река, стекающая с Восточных Саян в Ангару. Окинские сойоты, коренные жители бассейна этой реки, называют ее Ок-хем (‘стрела-река’). Чуть в стороне от дороги находится место поклонения окинцев Ахын эхинэй мургэл. Здесь построен деревянный павильон, а чуть выше — сойотский деревянный чум-*урса*; ближе к дороге установлены коновязи-*сэргэ*.

Во второй половине дня 12 июля группа прибыла в с. Орлик (Орлиг), административный центр Окинского района. Этот район, расположенный в Восточных Саянах, отличается труднодоступностью, природными богатствами и обилием культурно-исторических памятников. С. В. Обручев назвал горную Оку «Тибетом в миниатюре», а местные жители — «Землей Гэсэр-хана». Среди этносов, населяющих Окинский район, следует упомянуть окинских сойотов, малочисленный народ, находящийся на грани исчезновения. 24 марта 2000 г. вышло Постановление Правительства России «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», в этот Перечень, благодаря усилиям ламы Д-Х. Самаева, были внесены окинские сойоты.

Согласно плану поездки, участники культурной программы разместились на базе Орликской средней образовательной школы. Вечером 12 июля встретились с сойотским хамбо-ламой Данзаном Норбу Аюшеевым, возглавляющим дацан Пунцог Намдоллин, где один из дуганов является личным домом Агвана Доржиева. Лама Данзан Норбу рассказал о своей деятельности, о насущных проблемах защиты и сохранения природных и буддийских сакральных мест Тункинской долины и Окинского района, редких видов животных, таких как снежный барс (ирбис). Примечательно, что снежный барс запечатлен на гербе Окинского района. В 2015 г. был учрежден «Фонд изучения, сохранения снежного барса (ирбиса) и редких видов горной фауны». Учредителями данного фонда выступили иркутские ученые, исследователи снежного барса в Восточной Сибири, бизнесмены, а также жители Окинского района.

Утром 13 июля группа посетила дацан Пунцок Намдоллин, а затем, поднявшись выше в горы под руководством ламы Данзана Норбу, увидели пещеру, которая когда-то использовалась для уединенной практики созерцания местными ламами.

14 и 15 июля участники культурной программы знакомились с достопримечательностями Окинского района. Группа посетила традиционные места поклонения, расположенные в окрестностях сел Саяны и Хужир. После проливных дождей и разлива горных рек доступными оказались несколько важных объектов: **стела хонгодоров**, расположенная к западу от с. Саяны, близ подножия горы Хаан-Уула; гора Хаан-Уула, одна из основных святынь окинцев, под которой, согласно легенде, хранится меч Гэсэра; гора Хара Хошуун с образом Зеленой Тары в окрестностях местечка Монголжон; храм-беседка Гэсэра, построенный в 1995 г. в горах близ с. Хужир в честь 1000-летия эпоса «Гэсэр»; водопад Малый Жомболок (Бага Жомбологэй хуюр) в местности Сайлак, в 50 км от с. Орлик.

Утром 16 июля участники культурной программы выехали в сторону п. Монды, а затем направились в сторону границы с Монголией к пропускному пункту Монды-Ханх, который находится на перевале Мунгийн-Даба, всего в 11 км от п. Монды. Миновав границу, группа направилась в сторону оз. Хубсугул, до которого оставалось 22 км.

Расположившись в туристическом комплексе на самом берегу озера Хубсугул, участники культурной программы получили возможность посмотреть спортивный праздник Наадам, который проводился в степи близ озера в сомоне Ханх 17 июля. В программе праздника были скачки, традиционная борьба и стрельба из лука. 19 июля участники конференции вернулись в Кырен.

Организаторами конференции было решено провести в сентябре в Санкт-Петербурге дополнительное заседание, чтобы заслушать наиболее интересные доклады тех, кто не смог участвовать в конференции, проведенной в Бурятии. Такое заседание состоялось в Институте восточных рукописей РАН 26 сентября 2016 г. Его открыла И. В. Кульганек, рассказавшая о ходе конференции, прошедшей в Бурятии, затем Е. Ю. Харькова поделилась своими впечатлениями о выполненной культурной программе, организатором которой она была. На заседании выступили: **В. Н. Мазурина** (Государственный музей истории религии) с докладом: «О картинах Осора Будаева из собрания ГМИР», **М. Ф. Альбедиль** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого — Кунсткамера) РАН с докладом: «Об особенностях непальского буддизма), **И. М. Захарова** (Государственный Эрмитаж) с докладом: «Фотограф А.Э. Боярский и научно-торговая экспедиция в Китай в 1874—1875 гг.». Вторую часть заседания вела Ю. В. Болтач. Прозвучали доклады **В. Ю. Климова** (Институт восточных рукописей РАН) «Восьмой иерарх школы „Истинной веры Чистой Земли“ (дзё:до синсю:) Рэннё (1415—1489): годы ученичества»; **О. С. Хижняк** (Государственный музей истории религии) «Религиозно-психологические термины в буддизме и христианстве»; **Е. А. Хамагановой** (Ле-

нинградский государственный университет им. А. С. Пушкина) «К вопросу о взаимоотношениях буддийской церкви и Российской империи в начале XX столетия (по архивным материалам)».

Заседание прошло в чрезвычайно заинтересованной обстановке. Доброжелательное и активное обсуждение докладов показало прочный интерес собравшегося научного сообщества к теме буддизма, его философии, терминологии, функционированию в России и — шире — в мире и подтвердило необходимость проведения подобных научных мероприятий в дальнейшем. По окончании конференции было принято решение продолжить проведение конференций один раз в два года, издать материалы конференции в виде сборника научных докладов и сообщений.

Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харькова

Известный детский писатель, заслуженный деятель культуры Монголии Жамбын Дашдондог родился в 1941 г. Автор нескольких десятков книг прозы и поэзии для детей, киносценариев и пьес. Более десяти книг вышло за рубежом. В его переводе на монгольский язык публиковались стихи С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова, рассказы И. Тургенева.

Ж. Дашдондог

Я никогда не был антисоветчиком

Кто знал, что придет день, и я прослыву антисоветчиком. В одночасье моя жизнь перевернулась, главный редактор нашей молодежной газеты сослал меня на автобазу работать диспетчером, на перевоспитание рабочим классом в наказание за проявление антисоциалистических взглядов. Оказывается, во мне скрывались антисоветские взгляды и вдруг «вылезли» наружу. Может, эти взгляды крылись в моих книгах, выходивших миллионными тиражами в Москве и заслуживших благодарность советских читателей?

Разве может в антисоветском сердце родиться лирическое повествование, книга «Русская мелодия», рассказывающая монгольским читателям о доброте простых русских людей? Разве может быть антисоветчиком журналист, написавший очерк «Спустя пятьдесят лет» по следам совместного с советскими коллегами путешествия от Улан-Батора до Москвы? Разве можно поверить в то, что один и тот же человек и против дружбы двух стран выступает, и одновременно в качестве главного режиссера организует молодежные фестивали монголо-советской дружбы, концерты с участием пяти тысяч человек, да еще выполняет неспокойную работу главного редактора? Нет, это не укладывается в голове. Как же так?

Помню, став «врагом народа», пришел домой, отец тогда сказал: «В 1937-м расстреляли моего родного брата Ж. Малжийга, признав в нем японского шпиона. А брат в то время после окончания военной академии в России стал начальником генерального штаба минобороны. Вот, а теперь сделали врагом народа моего сына. Этой партии не надоело еще играть с моей жизнью?» А мама плакала: «Как можно? Именно в международный год детской книги объявить моего сына врагом народа! Он же с 17 лет, когда была опубликована его первая книга для детей, всю свою жизнь посвятил детям». 1979 год был объявлен ООН Международным Годом детей». Разве может детский писатель сидеть сложа руки, в то время как во всем мире развернулось движение за детей? Как главный редактор, я посвятил один номер молодежной газеты целиком детям, по моей инициативе началось движение под девизом «Все лучшее детям». В нашей газете получили начало такие полезные акции, как конкурс «Детям лучшие книги», появились общество друзей книги, объединение «Художник детской книги». К сожалению, «врагу народа» тогда не дали завершить все задуманное. Тем не менее я создал библиотеку на периферийной автобазе, порадовал водителей.

А вот как я стал «антисоветчиком». Произошла авария, это из-за нее меня отправили на перевоспитание на автобазу. С чего все началось? Рабочие бакалейной фабрики возвращались после ночной смены домой на автобусе. С автобусом столкнулся большой грузовик. Один смелый юноша вынес из огня раненого товарища, а сам погиб. Очерк об этом происшествии вышел в нашей газете. Я как главный редактор подписал материал в печать. Очерк с фотографией поместили на первой странице, чтобы привлечь внимание читателей. Однако мои добрые намерения обернулись против меня. То, что пьяный русский шофер наехал на автобус, погубив людей, было не главным. Главным для правящей партии был новый факт, порочащий дружбу между двумя странами. Специальным постановлением Политбюро меня заклеймили, громко осудили: «Надо было выстрелить на юг, а ты выстрелил на север» [1]. В то время с Китаем были плохие отношения, поэтому осудили — почему не повернул в ту сторону острие критики. Но какая разница — русский или китаец. У Монголии всего два соседа, так в какого дуло ружья поворачивать? Вот такая была идеология у тоталитарного режима.

Начались партийные чистки, повсюду шли собрания. Когда тебя выгоняют из партии, поневоле приходит горькая мысль: «Вот она, ваша партийная работа, больше-то ничего не умеете делать». Может, где-то я неудачно пошутил, и немало нашлось людей, которые все мои шутки обернули в антигосударственную политику, осуждали меня и за это получали очки от партии, набирали капитал. Чем лучше меня воспитывают, тем выше оценка партии. Мои друзья, с которыми был близок много лет, те-

[1] Юг — Китай, Север — Россия (примеч. пер.).

перь жалели о том, что раньше не замечали моих плохих качеств, и вот сегодня с трибуны партийного собрания они выявляют недостатки, клеймят, доказывая свою преданность партии, некоторых за это повысили в должности. Ну что ж, хорошо, если хоть кому то стало лучше жить на свете от моих ошибок, я рад. На том злополучном собрании, однако, не все выступали против меня. Руководитель Революционного Союза молодежи Л. Тудэв и писатель С. Надмид защищали меня. «Дашдондог проявил инициативу и ошибся», — говорили они. Бывшие в то время на учебе в Москве Д. Гарма и Ш. Сурэнжав писали письма поддержки: «Мужчина и знамя несет, и телят может пасти, ничего, терпи». Ж. Шагдар, П. Пурэвсурэн и З. Дорж приходили к нам, ободряли, пытаясь разогнать темные тучи надо мной.

Каждый день по радио и телевидению разговоры об антисоветизме. Будто в Монголии не осталось других тем. В конце концов мне это надоело, решил уехать от шумихи на родину. Думал, поживу несколько дней в тишине у брата. Приезжаю, брата нет дома. «Где?» — спрашиваю. Говорят: «На партийное собрание ушел». Вернулся уже почти ночью.

— Что так долго заседали? — спрашиваю.

— Тебя обсуждали...

Кто знал, что по всей стране мою персону стали обсуждать. Никуда не скроешься.

Вот так мощными идеологическими стрелами нещадно палили по моему ранимому писательскому сердцу. А что же было в России? В то время как тут подняли шум, там, может быть, утратили всякое дружелюбие? Помню, тогда один мой русский коллега журналист приехал в Улан-Батор, долго искал меня, и мы встретились. Сказал, что ничего не слышал о моей «контрреволюционной» деятельности. Товарищ захотел взять у меня интервью. Я отнекивался. Мол, нельзя брать интервью у человека, который выступает против дружбы, но журналист ответил, что его не касаются монгольские интриги. Задавал вопросы о моем творчестве.

— Ты не отчаивайся. У нас тоже была такая история. В «Комсомольской правде» напечатали фотографию членов Политбюро, на трибуне Мавзолея во время парада. Молотов стоял без шапки. В газете решили, что это непорядок, и нарисовали ему шапку. Когда газета вышла, оказалось, что у Молотова две шапки — одну он держал в руке. Не заметили, когда публиковали фотографию. Какой тут был скандал! Тогда главный редактор пострадал.

Мой друг рассказал про этот случай, чтобы меня подбодрить.

Узнав, что все мои книги для детей оказались в Монголии под запретом, советские детские писатели бросили клич: «Пусть этот год будет Годом Ж. Дашдондога!» Разделили между собой мои стихи, переводили их и печатали во всех журналах, потом мне присылали по почте. Переводы были подписаны известнейшими детскими писателями, среди них Эмма Мошковская, Ирина Токмакова, Валентин Берестов, Роман Сеф, Юрий Кушак, Виктор Викторов, Владимир Степанов, Богдан Чалый, Каюм Тангрыкулиев, Эди Огнецвет, Вера Шуграева.

Я радовался до слез тому, что у меня так много хороших друзей. Как забудешь тот счастливый день, озаривший лучами радости затуманенную душу?

Госпожа Беркман, редактор издательства «Детская литература», выпускавшего мои книги миллионными тиражами, прислала мне золотую тарелку с надписью «Золотому писателю монгольских детей Ж. Дашдондогу». Работавший критиком в области детской литературы, получивший известность в разных странах Игорь Мотяшов приехал в Улан-Батор. Забраковал мою никудышную одежду диспетчера автобазы, купил для меня в русском магазине прекрасное пальто, какое мне за всю жизнь не приходилось носить. Вернувшись в Москву, написал большой очерк с высокой оценкой моего творчества.

В память врезалась встреча с Сергеем Михалковым. Меня, скромного писателя, пригласил к себе домой знаменитый своим высоким «дядей Степой» и сам высокий ростом и творчеством Сергей Михалков, дал мне тапочки своего сына Никиты, на несколько размеров больше моего, смеялся, глядя, как я, словно на лыжах, пытаюсь скользить по полу. Тогда мы долго разговаривали. Он вспоминал мое выступление на всесоюзном празднике детской книги, перевел стихотворение, которое я прочел в подстрочнике, и даже предложил дописать еще одно четверостишие.

Всегда вспоминаю заместителя главного редактора журнала «Детская литература», могучего, словно Степан Разин, настоящего русского богатыря Игоря Нагаева, русскую женщину Лилию Неменову, с которой вместе писали сценарий кинофильма о российско-монгольской дружбе.

Едва подул ветер перемен, перестройки, корреспондент газеты «Известия» Леонид Шинкарев написал о гонениях против монгольских журналистов, тогда и у нас климат стал мягче. Выдающийся деятель молодежного движения Монголии, Лодонгийн Тудэв, чьи книги имеют мировую известность, постепенно стал меня поднимать, отрывая от меня позорное клеймо антисоветчика, и в конце концов назначил заведующим объединенной редакцией детской литературы, вернув меня в ряды писателей.

Хотя в результате своего честного труда во имя строительства социализма я заслужил только звание «антисоветчика» (а никаких наград не получил), товарищи из Советского Союза считают меня не врагом, а другом, до сих пор теплые отношения с ними не прерываются, со многими мы переписываемся. И эту длинную и скучную историю рассказал только затем, чтобы выразить им всем мою искреннюю благодарность.

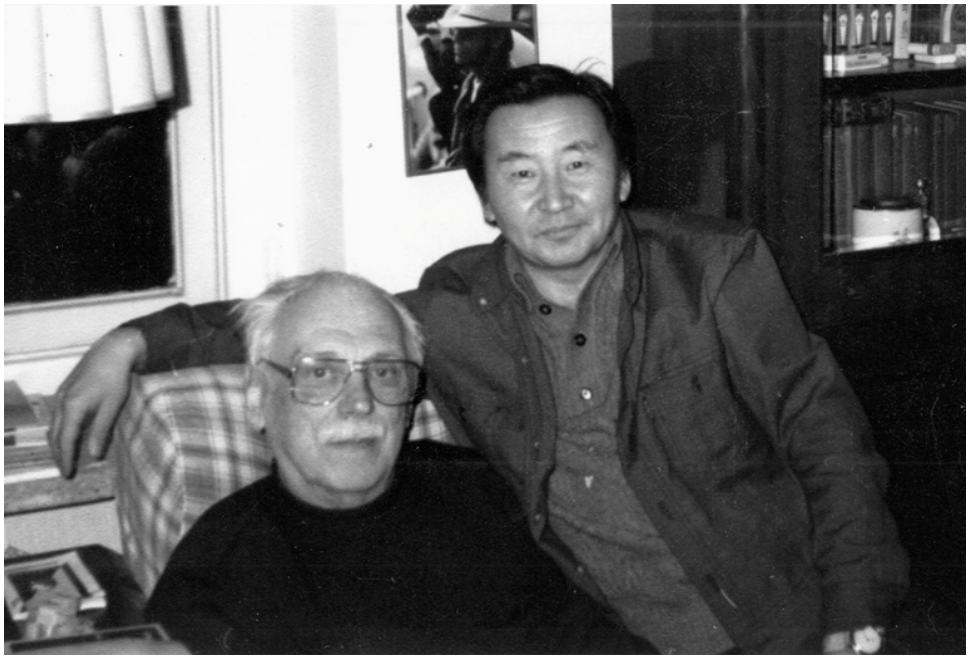
На самом деле я никогда не был антисоветчиком. До сих пор считаю себя другом народа России. Благодаря демократии число моих друзей выросло, а мои книги путешествуют без всякого паспорта по всему миру. Книги, которые в свое время выходили только на русском языке, теперь выходят на англий-

ском, немецком, черногорском, болгарском, украинском, туркменском, казахском, корейском, японском, китайском, арабском. Шесть раз я получал международные премии детской книги.

Россия — колыбель могучего народа, который дал миру великих А. Пушкина и Л. Толстого, вышел победителем из мировой войны, открыл человечеству ворота в космос. Я горжусь тем, что дружу с детьми такого народа. Жалею, что в последние годы наши отношения ослабли, мы уже не так близки, как прежде, но верю, что подлинно добрососедские отношения и сотрудничество будут расширяться. Остается ждать, что мои неизменно добросердечные и добропорядочные друзья когда-нибудь приедут к нам в гости.

Пусть кажется, что мы далеки друг от друга, но ведь мы все равно соседи. Монголы говорят: «У семьи — общая душа, у соседей — общие мысли».

Перевела Л. Скородумова



Ж. Дашдондог вместе с выдающимся российским детским писателем Сергеем Михалковым

Ж. Дашдондог в течение 25 лет возит по всей Монголии передвижную библиотеку, на сегодня он преодолел 140 тысяч километров

Цэндийн Доржготов родился в 1940 г. в Архангайском аймаке Монголии. Закончил Полиграфический институт в Москве. Автор более десяти книг сатирических, юмористических и лирических рассказов, например, посвященных старикам. Ц. Доржготов написал роман о современной школе «Шим мандал», он автор киносценария «Обходной лист», пьесы «Метель». В 2005 г. удостоен государственной премии Монголии. Неоднократно побеждал в ежегодно проводимых в Монголии конкурсах на лучший короткий рассказ. Рассказ «Подарок снега» стал победителем конкурса 2013 г.

Ц. Доржготов

Подарок снега

В этом году первый снег выпал ранней осенью, когда трава ещё зеленела. Мягкие хлопья мгновенно таяли, от земли поднимался едва заметный пар. Казалось, зябко ежатся стоящие кружком юрты, покрытые на лето одним слоем ткани. В треножнике рядом с печкой разожгли огонь, и он прогнал накопившуюся влагу, в юрте стало тепло, распространился приятный запах. Босоногие ребятишки, завороженные открытым мерцающим пламенем, обступили очаг. В разные стороны летели искры, заставляя детей со смехом отскакивать. Мычали от холода коровы, кобылица и жеребята на привязи ржали, их взгляд, всё их существо было устремлено в горы, сам вид которых напоминал людям, что пора кочевать на зимовку. Араты, пировавшие весь август — первый осенний месяц, сегодня были озабочены одной мыслью: «Все ли в хозяйстве приготовлено для кочевки?» Первый снег подавал им такой сигнал. Иной хозяин, у которого летне-осенний хмель хорошенько не выветрился, недоумевал: «Как? Неужели больше нельзя пировать?» Шумное брожение закисающего кумыса в переполненных бурдюках веселит душу. И не бросишь ведь все это молочное изобилие, и скарб, скопившийся в юрте возле входа у притолоки, надо брать с собой. Люди стараются как-то облегчить ношу, так как придется подниматься в горы, тянуть вверх быков, запряженных в чёрные деревянные телеги, на которые погружены юрта и вещи. Каркас юрты, посуду и сундуки обычно делают лёгкими, специально для кочёвки, всё компактное, как инструменты геологов. Еще в древности монголы не любили громоздкие юрты. Им больше нравилось смотреть, как радуются хорошим травам в прекрасных кочевьях их пять видов скота.

Проводившие осень на Ус тардаге, в низовье Горькой реки (реки Гашун) пропахшие кумысом, промасленные летними яствами, загоревшие на степном солнце мужчины собрались вместе и сейчас ломали голову, как быстро опустошить посуду от кумыса, тарака [1], все допить и доесть, чтобы кочевать легче было.

Пьянствовавший всё лето немолодой Жунай, с опухшим лицом, оглядев своих друзей, задиристо бросил:

— Что тут думать?

Он лежал, отвернувшись к стене и закрыв лицо своим большим кулаком. Потом добавил:

— Есть одна хитрость.

— Какой способ, какая хитрость? Скажи!

Не в силах отойти от вчерашних возлияний, с трудом приподнявшись, Жунай сказал:

— Никакой хитрости тут нет, понятно? Один из нас сейчас должен поехать к соседям в Семиречье, на реку Долоон [2] и незаметно бросить в юрте подарок снега! — он внимательно посмотрел каждому по очереди в лицо, словно проверяя, верно ли друзья поняли его мысль, — и добавил:

— Подарок снега надо со смыслом бросать. Если успеешь незаметно бросить, сразу же выходи, как ни в чем не бывало, и скачи обратно что есть мочи. Как сядешь на коня, кричи: «Вам снежный подарок от нас!» Те люди за тобой погонятся. Надо брать хорошего коня, потому что если поймают, опозоришься. Вот и будет нам всем подарок снега. Устроим большой пир, сообща допьём кумыс и молочную водку. Так сделать лучше, чем дорогую молочную еду выливать,— сказал Жунай и сам первый же посмеялся над своей хитростью.

Самдану, который рад был любой идее устроить пир, предложение Жуная понравилось, он его поддержал и решительно сказал:

— Так и сделаем. Но пусть тот, кто поедет с подарком снега, возьмет моего быстрого гнедого.

Лувсан всегда в конце разговора любил делать глубокомысленные замечания и тут промолвил:

---

[1] Т а р а к — монг. тараг — сквашенное молоко, кефир или простокваша.

[2] Д о л о о н — семь.

— На твоём быстром гнедом ехать нельзя. Те сразу заподозрят, что им снежный подарок привезли, если ты явишься на скакуне по свежему снегу.

Ёндон, никогда не вынимавший изо рта белый мундштук, проговорил:

— Надо посылать самого опытного, иначе ничего не получится. Если пришелец будет схвачен, все пойдёт прахом.

Решив, что его уж точно не поймают, назначили Санзая бросать подарок снега жителям реки Долоон от жителей реки Гашун.

Заранее заготовили список того, что они могут выставить на пир снежного подарка, сколько бурдюков кумыса и молочной водки, сколько сока, печенья, сыра, пенок *урум* и прочего. Сложили лист, и получился «подарок снега», который надо было бросить в юрту «семиречным» соседям.

Санзай оделся похуже и явился в долину реки Долоон с таким видом, будто искал потерявшуюся скотину и будто бы просто зашел к знакомым передохнуть. Санзай очень боялся, что его поймают, засмеют насмерть. К счастью, хозяина не оказалось дома, только девушки собрались за шитьем, на зиму мастерили теплые вещи. Санзай приободрился: «Что мне девицы какие-то, я же мужчина! Сейчас быстро объявлю им подарок снега, брошу листок и скорей обратно. Ничего мне не сделают. Даже если одна из них нападет на меня, ничего, справлюсь с девчонками», — кичился он. Санзай поздоровался, справился о скоте, но ни одна из них не проронила ни слова. Уголками глаз девушки следили за каждым его движением, словно подозревали подвох. Санзай подумал: «Ох, эти женские глаза все видят, опасные они». Надо быть осторожнее, решил он и сел к столу. Парень он неженатый, а девушки такие хорошенькие. Ему стало смешно от того, что они так серьезно его опасаются. Санзай едва сдержался, чтобы сразу не бросить свой подарок. Он незаметно положил маленький сложенный листок под дно чашки, из которой пил кумыс, но не успел поставить пиалу на стол, как хозяйка юрты, толстая Цэрма, подскочила к нему, показывая на пиалу:

— Кажется, этот дурачок нам подарок снега подложил?

Санзай поднялся, собираясь бежать, но две девушки уже загородили выход, встав у дверей. Цэрма извлекла спрятанный под чашкой листок, начала читать, и вся юрта сотряслась от хохота. Пользуясь моментом, пока лукавые девушки слушали, что наобещано в «подарке снега», Санзай бросился им наперерез, рванулся к дверям, но девичьи руки без труда захватили его в охапку. Санзай напряг все силы, какие у него были, и даже те, что и не было, пытаясь вырваться, пинался, так что пыль столбом поднялась, но ничего не мог поделать — его крепко держали. Санзай думал только об одном — лишь бы приятели не узнали, как его посрамили девицы.

Цэрма закончила читать, сколько бурдюков кумыса и молочной водки, сколько сока заявлено в снежном подарке, затем запихнула незваного гостя в корзину для аргала. А сама села сверху. Закрытый в тесном пространстве корзины, придавленной грузным телом Цэрмы, Санзай задыхался. Он орал что есть мочи, но пощады не просил. Это уж слишком — просить пощады у женщин. Дышать становилось все труднее, в ушах шумело, сквозь гул, стоявший в голове, услышал, как девушки собираются его мучить. Сначала заставят выпить три большие пиалы сыворотки, потом еще три большие пиалы кумыса, да еще три жбана молочной водки, чтобы вырвало его. Потом посадят на быка задом наперёд и таким образом доставят жителям Горькой реки. Санзай в злости попытался выдавить дно корзины, но, стиснутый со всех сторон, не мог пошевелиться.

— Ну, смотрите у меня! Увидите, что я с вами сделаю. Я хоть и никудышный, но все же мужчина. Вам троим пальцы на руках и ногах повыдергиваю! — крикнул он. Одна из них, самая гибкая, стройная, насмешливо проронила:

— Можешь с меня начинать, если такая сила мужская в тебе есть.

— Повыдергиваю вам руки и ноги! — кричал со злостью Санзай из корзины для аргала [3].

Несколько дней спустя устроили праздник прощания с летом. Сверкая на осеннем солнце шёлковыми дэли ярких расцветок, украсив своих коней-иноходцев серебряными сёдлами, мужчины и женщины праздничной толпой, перейдя западный и восточный притоки реки Сахья, стекались в направлении реки Гашун. За ними тянулись лошадиные и верблюжьи телеги, нагруженные кумысом и молочной водкой, мясом и соком, урумом и сыром, печеньем и сахаром. Устроившие пир снежного подарка ради того, чтобы облегчить груз перекочевок на зимнее стойбище, жившие по берегам двух рек соседи, старые и молодые, радовались празднику. Люди гордятся своей землей. В истории не бывало случая, чтобы этот богатый край когда-то остался голодным. Отпировали, как и положено, и завершили застолье традиционным гимном в честь «Высокого Хангая».

Таким образом, как говорится, бурдюк с кумысом отвернулся от нас, а холод повернулся сюда, теперь начинался сезон работы без молочной водки и кумыса, и так до следующего лета и осени много месяцев. Скотоводы раз в год, в свободное время, когда наступает перерыв в работе, перед тем как нужно будет выгонять скот на дальние пастбища, устраивают веселый праздник под названием «подарок снега». Первый снег — это первый снег. Второй снег не назовут первым снегом. Да и пир снежного подарка, когда допивают скопившийся за лето кумыс и молочные напитки, дабы облегчить дорожную поклажу, тоже бывает только раз в году.

Вот такие картины кочевого быта можно наблюдать в монгольской степи.

Перевод А. Токмакова
под редакцией Л. Г. Скородумовой

[3] А р г а л — кизяк.

С. Буяннэмэх

Врата литературы

(*Окончание*)

О понятии «художественность»

Существует очень много форм и видов художественного стиля. Например, стихотворения, четверостишия, магтал, юрол, сказка, рассказ, повесть, биография, стихотворный рассказ, лирика, комический рассказ. Но есть два главных вида. Первый вид — произведения с явным смыслом (к примеру, поэма, повесть, сказка, рассказ), другими словами, произведения, основанные на реальных событиях. Второй вид — сочинения со скрытым смыслом, например, стихотворения, сатирические сказки, комические рассказы и лирические произведения. Хотя я объяснил, чем различаются эти два вида, в дальнейшем покажу их различие на нескольких примерах. В этой главе необходимо объяснить читателям художественные особенности произведений с внешним (явным) и внутренним (скрытым) смыслом.

Что такое художественность? В чем она выражается? Когда отвечаете на этот вопрос, нужно приводить примеры, иначе будет непонятно. Смысл этого понятия можно выразить так: произведение, приятное для глаза и для слуха, заставляющее задуматься над смыслом, — это художественное произведение. Человечество создало много видов искусств: пение, музыка, драма, танец, живопись, резьба, архитектура, пластика, литература. Если объединить песню и музыку в один вид искусства и так же поступить с пластикой и танцем, то получится семь видов искусств. В этой работе мы рассматриваем только литературу.

Художественные особенности стихотворений

Наша национальная поэзия — это стиль письменной литературы. Ее характер выражается в красоте слова, а главное содержание составляет смысл.

Явный и скрытый смысл стихотворений

По смыслу стихотворения делятся на два вида: глубокие (внутренний, скрытый смысл) и поверхностные (внешний, явный). При прочтении сочинения с явным смыслом читателям сразу становится ясна идея автора, красота и простота слога выражает четкий смысл произведения, привлекая внимание и интерес читателя. Как только прочитаете подобное стихотворение, сразу его поймете, а красота и простота слога дополнят содержание. Стихотворения с явным смыслом читать легко и приятно. В качестве примера приведу часть стихотворения о трех видах мужских состязаний:

Красота борьбы

Чемпион Вандан и лев [1] Чимид,
Прекрасна ваша поступь.
Дети своих отцов, прекрасна история вашего рода.
Фигура борца выделяется среди людей,
Движения твои, будто полет орла.
Сила твоя уверенна и прекрасна.
Смелость в борьбе расправляет грудь.
Наливается тело силой в борьбе.
Кажется, будто борец поднимает горы,
Без промедления и отдыха борется.
Как схватятся титаны в борьбе,
Будто тигр и лев играючи.
Восхищает всех их стать богатырского рода.

Не является ли выражение силы и мужественности борца красотой Монголии? Перед вами небольшое стихотворение с явным смыслом. Если хотите понять произведение, то несколько раз прочитайте, проанализируйте, вам сразу станет понятен смысл стихотворения. В первых двух четверостишиях восхваляется предмет описания, но художественных достоинств мало. И хотя в следующих двух четверостишиях нет прямого описания борьбы, мы все понимаем. Красота стихотворения проявляется в последних двух четверостишиях. Приведу еще один пример.

Красота коня

Монгольский конь
Из прекрасного рода.
Он не знает усталости,
Древний хрусталь [2], драгоценность.
Богатыри скачут на конях,
Развеваются гривы и хвосты,
Украшая этот мир.
Как только наступит надом,
Проснется смелость.

---

[1] Чемпион (аврага), лев (арслан) — титулы победителей в монгольской национальной борьбе.

[2] Древний хрусталь (монг. молор эрдэнэ) — постоянный эпитет коня в монгольском фольклоре.

По широкой дороге
Красивой поступью
Поскачут нарядные кони.
Всадники-малыши [3] подбадривают их гиканьем
«гийнгоо».

Не является ли выражение красоты коня художественной силой Монголии? Проанализируйте, подумайте. Когда читаешь о красоте коня, понимаешь, что автор хочет передать величие коня, отношение к нему людей. В этом и выражаются художественные достоинства сочинения. В первых трех четверостишиях мы видим оду коню, перед нами магтал. В отличие от первого стихотворения о борьбе, это сочинение более художественное, более красивое. Строки последнего четверостишия способны возбудить в читателях теплые чувства.

Меткий стрелок

Способный попасть
В золотую монетку и серебряную иглу,
Получивший знание от дедов,
Известный монгольский стрелок.
Сила и скорость стрелы,
Летящей в цель,
Разбивает камни,
Прославляет страну.
Твердая поступь,
Круглая тетива,
Прямо в цель направлен лук,
Меткая стрела.
Острый взгляд в цель,
Прочная тетива,
Пущенная стрела,
Будто упавшая с неба звезда.

Проанализируйте это стихотворение. Если посмотреть на первое четверостишие, то здесь рассказывается удивительная история известного меткого стрелка. Следующие строки похожи на притчу о стрелке. Перед нами пример текста, имеющего явный смысл. В третьем и четвертом четверостишиях художественно передаются смелость и отвага стрелка.

Показать художественность можно не только на этих примерах. Современные литераторы, мастера слова, могут разными способами объяснить и показать художественные особенности произведений, каждый даст свое толкование. Три стихотворения, приведенные в качестве примера, взяты из моих собственных сочинений. Образцы моего авторства являются прежде всего орудием политической пропаганды. Для того чтобы написать подобные произведения, необходимо много знать из разных областей жизни.

Что важно в художественности? Что нужно знать? Когда объясняешь это понятие, надо все показывать на примерах для того, чтобы читателям было понятно.

Поэтому дальше приведу несколько примеров и отрывков из разных произведений талантливых писателей, классиков и современников, моих товарищей. С ними нужно познакомиться начинающим литераторам.

Из стихотворения «Моя Родина» [4] великого Нацагдоржа:

Хэнтэй, Хангай, Саяны — выси прекрасных гор,
Хвойный таежный север — темный хребтов убор,
Мэнэн, Шарга, Номин — гобийских пустынь простор,
С юга — моря барханов, их не охватит взор.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!
Керулена, Онона, Толы прозрачная глубина,
Ключей журчащая влага, живительная волна,
Хубсугул, Увсунур, Буирнур — глубокая голубизна
Поит людей и животных, зачерпнутая со дна.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!
Бурлят красавицы-реки Орхон, Хохий, Селенга,
Богатые рудами недра, холмы, перевалы, луга.
Былых городов руины — память о них долга,
Бегут дороги, уводят на дальние берега.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!
От Хангая до пустыни — Халхи простор кочевой,
Изъезженный весь с годами, изведанный с детства мной.
На плоскогорьях длинных — охотников трудный лов,
А в золотых долинах — гонка лихих скакунов.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Здесь только пять четверостиший, существует еще семь, которые здесь не приведены. Но пяти четверостиший нам хватит для того, чтобы понять художественный стиль Нацагдоржа.

Что подумает человек, прочитавший эти стихотворные строки, что представит? Упомянутые здесь горы, реки, озера прекрасной монгольской страны: Хэнтэй, Хангай, Керулен, Онон, Тола, Хубсугул, Увсунур, Буирнур, Орхон, Селенга — в чем смысл? Читателям, которые родились и жили в Монголии, вспомнятся красота и богатство родного края, будут затронуты их чувства. Перед нами стихотворение, в котором восхваляется монгольская природа. Нет ни одного человека, которому Родина не покажется прекрасной. Прекрасное описание всех красот природы может стать основой будущего стихотворения.

Гимн красоте монгольского края является воплощением художественности. В каждой строке по шесть слов, в последних строках каждого четверостишия по семь слов. Нацагдорж не только смог выразить красоту своего края, но и описал в этом стихотворении стариков и детей, историю страны, памятные события, монгольских животных и птиц. Монгольский писатель создал настоящий литературный памятник, вместив в него все чувства, воспоминания и впечатления. Перед нами стихотворение с явным, внешним смыслом, которое не может не затронуть чувства читателей.

Примечание: повторяющаяся строка в конце каждого четверостишия, рефрен, служит украшением,

[3] В Монголии, как правило, на скачках наездниками выступают дети 7—12 лет.

[4] Перевод М. И. Синельникова. Mongolica-VII: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 110.

привлекает внимание читателя к главному смыслу стихотворения. Эта строка — главная тема. Стихотворение Нацагдоржа называется «Моя Родина» («*Миний нутаг*»), т. е. заголовок здесь выражает основной смысл произведения.

Возникает вопрос: стихотворение посвящено стране, которая является родиной для многих людей, но автор говорит «моя родина» («*миний нутаг*»), а не «наша родина» («*бидний нутаг*»). Почему? Да, на этот вопрос нельзя ответить, исходя из содержания произведения, автор упомянул слово «*миний*» вместо «*бидний*» для лучшего созвучия, руководствуясь внешней красотой стихотворения. Попробуйте сами. Замените слово, прочтите и вы увидите, что приятное созвучие пропадет.

Приведу пример еще одного современного стихотворения с явным смыслом.

Зимняя красота

Все вокруг бело,
С неба тихо падает снег,
Стоят безмолвные горы,
Накрытые белой дохой.
Прозрачные реки мерцают, как зеркала,
Смотрят вперед седые вершины гор,
На северной стороне сопки лес
Будто украшен белыми цветами.
Зимние маленькие птички
Скачут, летают, поют,
Радуются и щебечут.
Темный лес разукрашен
Тонким узором линий.
Красота всего вокруг,
Словно на картине пейзаж.
По белым, будто нефрит,
Степям и горам
Тянутся темные нити —
Это дороги караванщиков.
Кажется, будто они преодолевают
Высокие перевалы,
Песчаные барханы,
Будто в снежном белом тумане.
Пасется скот, раздается песня.
Можно видеть зимовье Монголии.

Понаблюдайте, в чем выражена художественность произведения. Для читателя, внимательно прочитавшего стихотворение, откроется красота зимней природы худона [5]. Подумайте, смог ли автор выразить красоту зимнего времени, движение жизни. Посмотрите, есть ли внутри каждой строки стихотворения интересные слова и какую роль они выполняют? Проанализируйте стихотворение, обратите внимание на каждую строку.

Приведу вам пример. Обратите внимание на образность строки («*их уул хадыг цасаар бүрхсэн нь даруй дах нөмөрсөн луга*»):

Стоят безмолвные горы,
Накрытые белой дохой.

[5] Х у д о н — сельская местность.

Автор стихотворения создал множество образов. Посмотрите, сколько образов создал автор: снежный цветок, реки-зеркала, свет, радуга. Большое количество образов не только составляет художественное достоинство сочинения, но и обращает на себя внимание читателей. Это красивое стихотворение. Проанализируйте несколько строк самостоятельно.

Приведу еще одно стихотворение под названием «Луна» Б. Ринчена:

Накинет хохотушка-пастушка Луна
На плечи тэрлик-тучку — узорный халат,
Луч — посох серебристый — в руках у нее,
По небу гонит звездочки — стадо телят.
Племянник-подпасок, проказник Ветерок,
Подул — и с плеч пастушки халатик совлек [6].

Первые строки стихотворения очень интересны, их «вкусно» читать. Автор рассказывает нам о луне через образ старухи, которая пасет телят вместе с мальчиком-подпаском. Главным является в произведении рассказ автора о звездном небе, луне. Рассказывать об одном с помощью другого образа — старый прием использования синтаксического и смыслового параллелизма. В одной строке говорится о старухе, в другой — о луне, вышедшей из белых облаков с восточной стороны в прохладную звездную ночь. Восхваляется и воспевается красота и возраст луны через образ человека. Очень интересное, образное стихотворение монгольского писателя Ринчена.

Приведу еще два примера.

О тебе

Словно жемчужные нити
Небесной девы,
Бесчисленные звезды играют,
В созвездия становясь.
Среди них улыбается
Полная круглая луна
Для того, чтобы в ней, как в зеркале, отражалась
Земных дев красота.

Серебряная дева

Темно-синий шелк
Расстелили в небесах.
Белоснежным серебряным ножом
Будто раскроили дэли земли.
По тонкой линии кругом
Ползет серебристая луна.
Только что появившаяся нефритовая дева
На ней смеется.

Эти два стихотворения хорошо подходят для того, чтобы объяснить, что такое художественное слово. Здесь также важна форма сочинения.

[6] Перевод Г. Ярославцева. Поэзия Народной Монголии. Т. 1. М.: Худож. лит., 1985. С. 71.

Читатели, проанализируйте самостоятельно эти стихотворения, обратите внимание на форму.

Сочинение, названное «Небесная дева», — образец высокого поэтического стиля. Посмотрите, как автор использует прием параллелизма.

Примечание. Данное стихотворение — пример не только глубокого смысла, но и красоты формы и слога в равной степени.

Приведу еще один пример из собрания сочинений (1919) писателя Магсара. «Острый» (*хурц*) Магсар — отец певца Дугаржава, знаменитого певца. Во время монгольской автономии Магсар прославился своим «острым языком», за что и получил прозвище *хурц*. Вот стихотворения, которые он написал в 1910 г.:

Первое.

Посреди Азиатского континента живет птица Гаруда,
Раскинув крылья, угрожает четырем сторонам света.
Силой смогла подавить четыре моря,
Но пришли охотники на птиц, схватили ее, —
к сожалению.

Второе.

Сытые и пьяные мужи упали без чувств,
Заснули беспробудным сном, проспав много веков.
Проснулись, когда их стали кусать блохи,
Проспали жизнь страны, — к сожалению.

Третье.

Старики мечтали о сытой жизни и счастье,
Но вдруг подул холодный ветер, заставил волноваться.
Старики разбудили своих сыновей,
Стали идти по дороге радости и мира, — к счастью.

В первом четверостишии говорится о правлении Чингис-хана, когда он захватывал все новые и новые земли, дойдя до Черного и Каспийского морей. В последних строках под охотниками имеются в виду китайские, маньчжурские колонизаторы. Во втором четверостишии автор создает образ насытившихся князей, правителей, которые забыли о своей стране, погрузились в медитацию. Когда же они проснулись, было уже поздно, править стал Пекин. В третьем четверостишии рассказывается о времени, когда в Монголию пришли гоминдановские войска, начались волнения, но страну спасли народные богатыри, которые смогли построить, создать новый мир.

Хотя в каждом стихотворении даны объяснения, но нужно обратить внимание на художественную сторону произведений Магсара. Его стихи могут послужить хорошим примером для начинающих писателей в создании стихотворений со скрытым смыслом.

Для того чтобы объяснить все читателю, приведу следующие примеры:

На небе мерцает разноцветная радуга,
Счастливы люди, открывшие мудрость мира.
На единственной дороге нет тропинки, неизвестен
путь.
Сбились с пути, сошли с главной, великой дороги, —
к сожалению.

* * *

Прочитали половину слов, хранящихся в библиотеках
Азии и Европы,
Открыли море знания,
Но пустоту этого мира
Нельзя заполнить пустыми словами — это смешно.

* * *

На сцене двадцать пятого года
Танцует и поет яркая девушка,
Притягивая взгляды людей.
Но вспомнили, что пришли с северной стороны
Старики, опираясь на посох.

* * *

Много поклажи, много людей в быстрой машине,
Пьяный водитель сбивается с пути,
Теряет разум, сердится,
Выпускает руль из рук, вредит себе и стране.

* * *

В желудках пусто и голодно,
Разевают голодные пасти,
Когда падают жирные куски.
Кажется, будто потеряли стыд от голода.

Это несколько примеров четверостиший со скрытым смыслом. Их можно объяснить по-разному. Некоторые похвалят сочинения, некоторые раскритикуют, кто-то объяснит, приведет в качестве примера. Но придет время, когда этим стихам будет дано объяснение.

Созвучия в стихотворении

Стихотворения, которые я приводил последними, получили сейчас очень широкое распространение, но созвучия среди них можно встретить редко. Трудно, когда учишься писать стихотворения и не знаешь, как правильно расположить слова. Сочинение не получится красивым и художественным без верного порядка слов. Поэтому нужно обратить внимание на стиль и созвучия в стихотворении, на композицию. Вышеупомянутые стихотворения представляют собой хорошо организованные сочинения со смысловым ядром, и с них нужно брать пример. Тем не менее дальше я приведу еще несколько примеров, обратите на них внимание.

Внутренняя рифма, цезура (ритм)

Цезурой называется созвучное сочетание длинных и кратких гласных. Такие цезуры есть и в парных стихотворениях. При написании стихотворений необходимо обратить внимание на композицию и ритм, сочетание слов и гармонию звуков. Для того чтобы понять цезуры, нужно при чтении разделить строку на синтагмы. Например:

Ази европын-номын сангаас-хагас угсийг уншаад
Эрдмийн далайг-нэвтрэн туулсны дээд сууриийг самардаж
Тэргүүний бөмбөрцөг-арилсан огторгуй-хоосон чанар бөгөөтөл
Аман сана-дэлхийд багтахгүй-дэгдэж явах нь инээдтэй.

Прочитав половину слов, хранящихся в библиотеках Азии и Европы,
Открыв море знания,
Поняли, что пустоту этого мира
Нельзя заполнить пустыми словами, — это смешно.

В этом стихотворении четыре строки, т. е. это строфа (*бадаг*). В каждой строке три синтагмы. Проанализируйте примеры, попробуйте самостоятельно не только найти и понять цезуру, но и сочинить произведение. Покажу на первой строке стихотворения:

Ази Европын-номын сангаас-хагас үгсийг уншаад — здесь три цезуры по два слова, их нужно читать вместе: «ази-европын» и т. д.

Таким образом, если мы первую строку делим на три синтагмы, то и последующие строки тоже должны будут делиться на три синтагмы. Это принцип, способ написания стихотворения, ведь должна быть гармония, верное чередование кратких и долгих гласных.

Мы проанализировали четверостишие, каждая строка которого состоит из семи слов. Конечно, существует много способов написания стихотворений. Поэтому обращайте внимание на цезуру следующих примеров.

В одной рифме может быть одно, два или три слова. Бывает и больше слов.

Раздается ква-ква,
Раздается скок-скок,
Раздается звук прыжков.
Птенчик прыгает,
Холодное тело
Среди синей травы
Выскочит, чтобы напугать человека.
Сидит, смотрит в небо.

* * *

Я — маленький попугай,
Тело мое крошечное,
Перья мои — пушок,
Слова мои — тонкие звуки.

* * *

От мыслей о проигрыше —
Ночь без сна.
Пока не полысел
Не оставил алчных мыслей.

* * *

Длинные волосы развеваются,
Полный котел приятно пахнет,
Я прекрасна, — говорит жена,
Украшено тело и лицо.

В современных стихотворениях различаются синтагмы по семь, пять и четыре слова, в пословицах и магталах синтагмы обычно состоят из 4 и 5 коротких слогов.

Приведу другой вид строки:

Улсын сүлд улаан туг алтан соёмбын гэрэл
Бүх улсдаа хотол гийгүүлж хүн бүхэн баясаад
Идэр шаламгай баатар зоригт монголын нүүдэлчин ард
Дэлхий дээрх дээд мөрөнд эрх чөлөөгөө илтгэнэ.

Символ государства — на красном знамени свет золотого соёмбо,
Освещает всю страну, радуя людей.
Ловкие богатыри, простой кочевой народ
Верит в свободу на пути мира.

Можно задать другое синтагматическое деление стихотворения (по четыре слова в строке), например:

Улсын сүлд улаан туг
Алтан соёмбын гэрэл
Бүх улсдаа хотол гийгүүлж
Хүн бүхэн баясаад
Идэр шаламгай баатар зоригт
монголын нүүдэлчин ард
Дэлхий дээрх дээд мөрөнд
эрх чөлөөгөө илтгэнэ.

Также обратите внимание на следующий пример:

Улсын сүлд улаан туг алтан соёмбын гэрэл
Бүх улсдаа хотол гийгүүлж хүн бүхэн баясаад
Идэр шаламгай баатар зоригт монголын нүүдэлчин ард
Дэлхий дээрх дээд мөрөнд эрх чөлөөгөө илтгэнэ.
Манай улсын баатар хүчит ардын улаан цэрэг
Улс орноо батлан хамгаалах хүчин сүрээ үзүүлнэ.

Символ государства — на красном знамени свет золотого соёмбо,
Освещает всю страну, радуя людей.
Ловкие богатыри, простой кочевой народ
Верит в свободу на пути мира.
Богатыри нашей страны — сильная красная армия,
Защищает Родину.

Можно и таким образом разбить стихотворение на синтагмы, посмотрите:

Улсын сүлд
Улаан туг
алтан соёмбын гэрэл
Бүх улсдаа
хотол гийгүүлж
хүн бүхэн баясна

Существует очень много видов, например, стихотворные строки по два слова, они, как правило, передают один смысл. Но обычно встречаются стихотворения, состоящие из четырех строк и четырех слогов.

Обычные (простые) стихотворения

Что имеется в виду под обычным, простым стихотворением? Современные стихотворения непохо-

жи друг на друга, они все очень разные, но мы можем выделить стихотворения, написанные простым языком. Посмотрим, как они выглядят.

Я маленький попугай,
Я глупый,
Повторяю человеческие слова,
Своих слов у меня нет.
Однако
Я могу говорить,
Хотя я глупый,
Я могу сказать:
Много старших!
Маленькие товарищи!
Тексты и стихотворения!
Кисти и бумага!

Или приведу похожее стихотворение:

Солнце вышло,
Небо очистилось.
Где же все-все?
Я продрог до костей.
Когда посмотришь, тепло,
Когда увидишь, нет облаков.
Что такое, когда щиплет щеки?
Голубое небо.
Ясный небосвод.
Кто же тогда щиплет за уши?

Или вот еще один пример:

Тысяча девятьсот семнадцатый год —
Год победы Октябрьской революции.
Год, когда спрятавшаяся в Петербургском царском дворце
Буржуазная власть,
Белые пережитки прошлого
На стороне Керенского
Вместе с меньшевиками должны умереть.

В октябре, в день Великой Октябрьской революции,
Рабочий народ Петербурга
Встал, взявшись за оружие.
Следуя за партией большевиков, истинных руководителей.
Шли вперед,
Горел красный огонь.
Революция началась
В день, когда захватили
Зимний царский дворец.

Есть простые стихотворения. Кроме того, к ним относятся стихотворения в прозе, однако они, безусловно, отличаются от обычных стихотворений. Что собой представляют простые стихотворения? Это привычные нам сочинения с глубоким скрытым смыслом, которые пишутся простым языком, и более того, по композиции они похожи на все другие виды стихотворений. В дальнейшем вы ознакомитесь с несколькими примерами.

Стихотворения в прозе

Когда читаете или пишете произведения, какую форму вы вспоминаете первой? Небольшие комические и сказочные повести и рассказы. В монгольской литературе с древности до настоящего момента широко распространены прозаические стихотворения. Они бывают и маленького, и большого объема (особенно популярны в странах Запада и Востока небольшие повести). Это вид литературных произведений, предназначенных для народа. Поэтому начинающие писатели должны много упражняться в написании стихотворений в прозе.

Виды стихотворений в прозе и способ их создания

Когда пишут стихотворения в прозе, нужно смотреть на примеры, подобные сочинения пишут простыми словами, имитируя разговор.

Продемонстрирую на примере старой литературы: во времена древнего Чингиса сочиняли стихи в прозе. Сохранилось много образцов. К примеру, Чингис устраивал пир, произносили тосты, пили водку, много братьев, богатырей и детей спрашивали, разговаривали с Чингисом, а он отвечал — так и получился сургал Чингиса. Во время, когда сватали корейскую принцессу Саран, сложилось повествование о разговоре Мухулая, Буртгэлжина и Саран. С ним можно познакомиться, прочитав летопись «Алтан товч». С древних времен и до сих пор живет и развивается этот вид сочинений — стихотворения в прозе. К ним можно отнести магталы, сказки, комические рассказы, жалобы, соболезнования, плачи.

Рассмотрим пример из древней литературы монголов — стихотворение под названием «Чингис-хан и три сотни тайчудов»:

Шесть сайдов, ведомые Чингис-ханом, обогнули северный склон горы Чахархай-хан, прошли южным склоном горы Жалман-хан, и тут прямо перед владыкой

Дикий горный козел
Проскакал, сиганул,
Бурой шерстью мелькнул.
А Чингис-хан за ним
На пятнистом коне —
Ловко лук натянул
И пустил по козлу
Золотую стрелу.
Высоко подскочил
И забился козел,
Сайды съехались вмиг
И хотели козла
Приторочить к седлу.

И так сказал тогда Чингис-хан:

«Добычу эту освежуйте и изжарьте. А я тем временем взберусь на горную террасу, округу огляжу».

Когда поднялся он на горную террасу, стало его клонить ко сну. И уперся Чингис-хан кнутом в гриву своего сивого коня и уснул в седле. И привиделся тогда ему сон. А когда очнулся Чингис-хан ото сна и вернулся к сайдам, то поведал им:

Я спал и видел сон…
А в это время
«Бум-бум» — в груди
Тревожно билось сердце,

«Хруп-хруп» — хрустели ребра, —
Не иначе
Как враг сюда
Пожалует сейчас.
Привиделось мне
В той степи широкой,
Что начинается
Там, за горой, —
Три сотни чужеземцев
Затаились.
Три черных знамени
Колышутся над ними.
И богатырь на рыжем скакуне
Три вражеские сотни возглавляет.
На нем блестит
Надежная кольчуга,
Остроконечные
Лежат в колчане стрелы.
То он направо зорко поглядит,
То грозно вдруг налево обернется.
Стремительный, как быстрая игла,
Проворен он,
Неутомим в движеньях,
Путь перед ним —
Натянутая нить.
О сайды верные,
Коль сон мой будет в руку,
Скажите, как послужите вы мне?

Так вопрошал Чингис-хан, обратившись к шести сайдам своим. И молвил в ответ Зэлмэ:

Телом своим,
Жизнью самой поступлюсь,
И на убоину,
Хан мой, я не поскуплюсь.
Если увижу врага —
Наскочу, повалю,
С кем ни столкнусь —
Разнесу, заколю, зарублю.
Кто мне дорогу заступит —
Башку размозжу,
Вырву у недруга
Черное знамя из рук,
А знаменосца
Замертво я уложу,
И ни единый из глотки не вырвется звук.
Брошу я знамя на землю,
Ногой затопчу,
Спесь неприятеля
В глотку ему вколочу.
Как бы он ни был,
Недруг наш, горд и силен,
Сил он лишится,
Вновь не поднимется он.

Затем слово свое сказал Чу мэргэн:

«Пусть не имею я силы с врагами сражаться,
Но в завоеванном месте смогу удержаться».
И клятвенно Борчу пообещал:
«Враг помериться силой придет —
Встану я на его пути.
Набежит, налетит, нападет,
Но заслон ему не пройти».
И поклялся Владыке Борохул:
«Я стану щитом
Перед летящей в тебя стрелой.
От острого жала
Укрою властителя смело».
И пообещал Владыке Мухали:
Всех мечом порублю
И к тебе поскачу.
Буду ночь я скакать,
Все слабея от ран,
Над хвостом скакуна
Будет виться туман;
Восходящее солнце
Направит лучи, —
Вестник полной победы,
Скачи же, скачи!
К властелину
Копыта коня ты направь,
О победе известье
Скорее доставь [7].

Это стихотворение в прозе, по форме напоминающее диалог. Так как есть начальная рифма, то стихотворение вышло красивым, не лишенным художественности. Прозаические стихотворения, сочинения, написанные простым языком, не входят в современную литературу, хотя форма произведений, в которых есть прозаическая и стихотворная части, очень интересна. Но примеров мало, даже если обратиться к прошлому опыту монгольской литературы.

Хотя практически нет опубликованных в наше время прозаических стихотворений, вот, в частности, приведу одно новое стихотворение под названием «Семидесятилетняя старуха, семилетний пионер и шутливая игра в шахматы».

Существует еще один схожий вид — ритмизованная проза. Вышеупомянутые сказочные рассказы и музыкальная драма — основные жанры, для которых сейчас используется форма ритмизованной прозы, похожей на прозаические стихотворения. Что называется ритмизованной прозой? В качестве примера можно привести записанную в этой тетрадке сказку о кошке и мышке. Различие состоит в отсутствии начальной рифмы и числе слов. Здесь также можно вспомнить о стихотворных произведениях без главных строк

С помощью формы ритмизованной прозы можно передать любой образ, речь, характер, цели, задачи, беседу, диалог, борьбу, соревнование, убеждение, страдание, печаль, радость, веселье. Но единственное, что нужно понимать, — это что к данному виду не относится магтал. Читатели часто путают эти виды произведений, не различают их, одно принимают за другое, поэтому важно изучить много образцов, созданных современными авторами, разобраться, где перед вами поэма, простое стихотворение или ритмизованная проза. Подобные произведения нужно писать со знанием их отличий, поскольку очень много случаев, когда их не различают. Чтобы разбираться в их различиях, нужно прочитать много литературы, внимательно отнестись к форме произведений.

[7] Чингисиана. Свод свидетельств современников / пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М., 2009. С. 381—384.

Старая форма вышеупомянутой ритмизованной прозы и до сих пор используется, сейчас появилось много видов и форм: кроме стихотворений, состоящих из одного-двух четверостиший, произведений без главных строк, есть примеры стихотворных строк, состоящих только из двух слов.

Познакомьтесь с примерами:

Семидесятилетняя старуха

Засыпая ночью, смотрит сны,
Будто умерла и летит,
Упала в аду и мучается, представляя,
Что снова стала молодой и ветреной.
Снится ей, что гонится за счастьем.
Наступило утро, все той же
Старухой проснулась,
Огорчилась, зажгла лучину.
Заторопилась —
Надо собрать лучину и хворост на растопку.
Не могла ни есть, ни пить,
Ни слова молитвы сказать.
Побежала во двор.
Бедная старуха Намсрай,
Спина ее стала похожа на лук,
Из глаз потекли ручьями слезы,
На голове будто иней упал.
Приближается час смерти, проходят дни и ночи.
Вот и каша есть.
Но где же праздник цам?
Что с растопкой?
Где же живая вода Хамба-ламы?

Если посмотреть на этот пример, то вы увидите, что четверостишия отличаются друг от друга, где-то слов больше, где-то меньше.

Но что такое ритмизованная проза? Это произведения с равным размером строк и с важными для понимания смысла акцентами, в них нет пустых слов. Например:

Глаз

Родившись на свет,
Получив воспитание,
Избалованный
С радостью смотрел на папу и маму,
Видел старших и младших братьев.
Четыре стороны света и восемь направлений —
Широта и простор,
Как описать
Прекрасные горы и реки?
Колышутся, качаются цветы и листья,
Попадаясь на глаза, радовали меня
Прекрасные цвета и украшения.
Красота перед домом радует глаз.
Красота мира
Прекрасна и интересна.
Смотрел бы и смотрел,
В жизни не наглядеться.

Беда, беда

Не зная о беде,
Не зная, по какой причине
Мои темные глаза стали плохо видеть,
Бедный я, стал близорук.

Самое важное

Видел туманно, кружилась голова,
Растерялся и расстроился.
Удивился, из-за чего, не зная, как быть,
Очень расстроился.
Поспешил туда, где можно найти помощь,
Желал побежать туда, где было спасение.
Пил лекарства,
Много молился.

Ой, бедный

Все становилось темнее и темнее,
Я уже почти ничего не видел,
Не под силу справиться с чувствами,
Однажды начал забывать, как выглядит мир.

Откуда я

Дверь не мог найти,
Я перестал видеть детей.
Хороший человек поможет, поведет за собой,
Плохой человек посмеется, запутает.

Ой, тяжело

Хоть и восходит солнце, все равно темно.
Хоть и живу, нет для меня мира.
Десять темных лет, слепые глаза,
Легкие, сердце мое страшно страдали.
Хорошего человека встретил,
Привел он меня к врачу.
К моему удивлению,
Глазной доктор понял причину.
Мои темные глаза увидели свет,
Снова увидел я старый мир.
Увидел красоту мира в солнечном свете,
Будто снова появился на свет.

Это современное стихотворение опубликовано Министерством здравоохранения. Сочинение, написано в форме ритмизованной прозы, послужит хорошим примером для начинающих писателей.

Обычные читатели любят произведения в форме ритмизованной прозы, их приятно и интересно читать. В приведенном примере стихотворения строка состоит из трех-четырех или пяти-шести слов, главных строк нет. Из-за того, что постоянно употребляется личное местоимение «я», сочинение похоже на простой разговор, монолог. В каждой строчке неодинаковое количество слов (то увеличивается, то уменьшается), это еще усиливает впечатление живого разговора. Ритмизованная проза и прозаические стихотворения имеют много общего, но это два разных вида произведений. В ритмизованной прозе мало пустых слов, а в прозаических стихотворениях

много — это так же, как не может сказочный рассказ состоять из одной-двух строф.

Парные строки

Двустишия — это не вид стихотворений, в которых много строк, слов, много четверостиший, это вид стихотворений, состоящих из двух или четырех строк, рассказывающих об одном явлении, имеющих внешнюю красоту формы и глубокий смысл. Стихотворения данного вида самодостаточны и немногословны.

По содержательной стороне они похожи на пословицы, однако с художественной точки зрения отличаются от них другой, особой красотой стиля. Обычно подобные стихотворения оформляются в печати красиво, с использованием приемов каллиграфии.

1. Распускаются цветки лотоса, радуются солнечному свету.
2. В молодости много радости, люди веселятся в театре.

1. С северо-востока дует в окна слабый ветер.
2. На юго-западе живет красивая девушка, сидит у цветника.

1. На синем небе темные облака, гремит гром.
2. На южных склонах гор рычит, свирепствует барс.

* * *

1. По восточному краю неба плывет черный дым, весь светлый мир скроется за тучами.
2. С северной стороны западного мира виден блеск красной звезды,
   до песни людской грусти доносится шум праздника.

* * *

1. Хитрый мужчина, обретя успех, не останавливается на пути.
   На краю синего неба будто безлюдно.
2. Честный человек изучит мир, поймет его глубину,
   Среди людей найдется тот, кто победит волка знанием.

Проанализируйте двустишия, а также четверостишия.

Гармония и красота двустишия в едином смысле двух строк. Сравните: в первой строке упоминается небо, во второй строке говорится о земле, или, например, первая строка о воде, вторая строка об огне. К примеру, в первой строке автор создает образ месяца, во второй строке говорит о красоте девушки. Красота, поэзия двустиший в сопоставлении, сравнении образов и явлений.

В чем заключается художественность двустишия? Приведу пример: «с северо-востока дует слабый ветер, на юго-западе девушка и парень качаются на ветру среди цветов» — в чем смысл? Значение в том, что любимый мужчина с северо-востока подглядывает в окно (передает ей мысленный привет), а девушка, радостная, отвечает ему. Есть и концевая рифма, например, «*баясана*» — «*цэнгэнэ*», «*үлээнэ*» — «*найгана*», «*дуурсана*» — «*бахирна*». Есть и смысловой параллелизм: в вышеприведенном примере в первой строке говорится о том, что распускается лотос, во второй строке говорится о радости и расцвете молодости. Обратимся к другим примерам, интересные образы черного дыма, горящей красной звезды, победы над волком. Смысловой параллелизм прослеживается в каждом двустишии.

В двустишии нет особой красоты слов, художественные достоинства заключаются в краткости и образности. Проанализируйте следующие примеры:

1. С северо-востока дует в окна слабый ветер.
2. На юго-западе живет красивая девушка, сидит у цветника.

Следите за поэзией двустишия.

1. С северо-востока дует в окна слабый ветер.
2. Неожиданно разбудил в душе мечту.

В чем смысл этих двустиший? Первая и вторая строки независимы. Но в каждой строке есть образ ветра, этот образ связывает в единый смысл две стихотворные строки, при этом каждая из них сохраняет свой смысл. В этом заключается особенность двустиший.

Примечание. Не только двустишия обладают единым смыслом, но и каждая строка обладает значением. Самостоятельно проанализируйте двустишия, если сможете разобраться со смыслом, то обратите внимание на художественную сторону произведений.

Пословица

Хотя пословица не относится к художественной литературе, этот вид произведений имеет большее отношение к жанру поучений и к комическим сочинениям, связан с юмором и иронией. Пословицы заключают в себе знание прошлого опыта человечества и красоту слога.

Из каких слов складываются пословицы?

Сказитель пословиц не просто использует простые слова, он берет слова, которые используют люди каждый день. Но для этого нужен талант. Он настоящий мастер слова.

Форма пословиц

Форма пословиц напрямую зависит от развития комической литературы, она динамична. Ее особенность заключается в маленьком количестве слов, которые должны остаться в памяти и сердце людей, ав-

торы используют острые слова, яркие выражения, заключающие глубокий смысл.

Как сочиняются пословицы?

Нужно всегда помнить о форме пословиц. Пословица — самая краткая художественная форма, она дидактична и полезна, люди используют поговорки каждый день в разных ситуациях. Например, когда мои отец и дед учили меня, то всегда начинали свою речь именно с пословиц. Они меня учили, что нужно следовать своим желаниям, что мудрые слова помогают в любой работе, приносят пользу. Пословицы они считали главным источником знания. Поэтому я приведу примеры, покажу пользу этого жанра. Как написать пословицу? Пословица — ответ на вопрос, сосредоточение мудрости и истины из всех областей жизни.

Каков пример пословиц? В основе пословиц лежит правда, но не нужно обращать внимание только на смысл. Писатель не должен описывать то, чего он сам не знает. Пословица должна заключать в себе самое главное. Ее нельзя просто придумать, в пословицах скрыто сравнение одного с другим.

Обычно пословица имеет не один смысл, смыслы пословиц неявные, скрытые. Обратите внимание на эту известную пословицу:

В начале дождя ветер,
В начале преграды ворон.

О чем здесь говорится? Можно объяснить скрытый, внутренний смысл. Если случится что-то плохое, то сначала появляется плохой человек, впереди дела приходят плохие новости. Если идет дождь, перед ним дует сильный ветер — это правда, на любую землю первым прилетает ворон — это тоже факт. Пословицы должны отражать правду.

Страдающая старуха лучше врача.
Страдания старухи из-за врача, не знающего рецептов.

Здесь говорится о том, что человек, который не владеет нужными знаниями, становится врачом, но не может помочь. Пожилой человек благодаря своему опыту, бывает, знает больше врача. Истинный смысл заключается в том, что нужно учиться и хорошо делать свою работу. Также здесь говорится об опыте и мудрости пожилых людей, к которым нужно прислушиваться.

Длинный подол запутает ноги,
Длинный нос запутает голову.

Если писатель не знает правды о жизни народа, то пословица не получится, все нужно сначала обдумать. Нет ничего удивительного в вышеприведенном примере: действительно, если надеть дэли с длинным подолом, то ноги могут запутаться, можно упасть.

Хороший человек — глазами,
Плохой человек — ушами.

Здесь говорится о том, что хороший человек доверяет тому, что видит сам, считает это правдивым. Плохой же человек верит слухам. В этой пословице один смысл. Искатель любой правды, хороший человек старается найти ее. Когда вы пишете пословицы, внимательно относитесь к материалу.

Ум — мера в человеке,
Ум человека в знаниях.
У смелого человека есть умение,
У человека с целью — дорога.

Право народа — жизнь государства,
Право государства — жизнь народа.

В конце хорошего — свет,
В конце плохого — тупик.

Где законы черта,
Там законы порабощения.

Все прошедшее неважно.
Все свое бесполезно.

Умный человек широк,
Беспокойный человек тороплив.

Нельзя помириться,
Нельзя спешить.

У плохого человека кривые мысли,
У хорошего человека прямые мысли.

У вора много хитрости,
У лжеца много слов.

Самостоятельно разберите смысл этих пословиц, проанализируйте их.

Перевод А. Сапожниковой
под редакцией Л. Г. Скородумовой

Информация об авторах

Аира Тойвгоо — кандидат медицинских наук, врач. Улан-Батор. Монголия
tg.aira@gmail.com

Батсуурь Гончигийн — кандидат филологических наук, директор Архангайского педагогического колледжа, литературный критик. Монголия
araagud. batsuuri@ yahoo.com

Болтач Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург
julia.boltach@gmail.com

Захарова Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
zakharovairina@mail.ru

Зорин Александр Владимирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург
kawi@yandex.ru

Кадырбаев Александр Шайдатович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН. Москва
kadyr_50@mail.ru

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург
kulgan@inbox.ru

Мандрик Мария Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Санкт-Петербург
mmandrik@mail.ru

Меняев Бадма Викторович — младший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований. Элиста
bmeyaev@mail.ru

Носов Дмитрий Алексеевич — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург
dnosov@mail.ru

Сапожникова Олеся Андреевна — аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва. Россия
sapoznikova89@mail.ru

Скородумова Лидия Григорьевна — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Москва
lidiaskorodumova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург
skryta999@mail.ru

Содгэрэл Тувааншав — аспирантка Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Санкт-Петербург
sodoo1981@yahoo.com

Сувданцэцэг Душчулуун — аспирантка Томского государственного университета. Томск
suvdjewel@gmail.com

Тамир Тойвгоо — врач. Президент монгольской ассоциации медицинских работников. Улан-Батор. Монголия
tg_tamir@yahoo.com

Токмаков Александр Сергеевич — магистрант Института восточных культур и античности РГГУ. Москва
tokmak.byan.gi.bu@gmail.com

Туранская Анна Александровна — научно-технический сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург
turanskaya@mail.ru

Харькова Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Санкт-Петербург
evam2000@mai.ru

Хишигт Норовсамбуу — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Монгольской академии наук. Улан-Батор. Монголия
khishigt_58@yahoo.com

Содержание Монголики-XVI

Л. Г. Скородумова. Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) — исследователь Центральной Азии и Сибири 6

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Е. В. Бойкова. Российская военная разведка в Монголии в начале XX в. 10
Ю. И. Дробышев. Отражение мировоззренческой оппозиции «свой — чужой» в землепользовании номадов Центральной Азии 17

ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА

П. О. Рыкин. Лингвистические особенности монгольского текста Тырской стелы 1413 г. 29
Л. С. Дампилова. Тюркомонгольские истоки в современной поэзии народов Сибири 44
Д. А. Носов. Семантика одновременного плача и смеха в народных сказках монголов, бурят и калмыков 51
О. А. Сапожникова. Традиция и новаторство в творчестве С. Буяннэмэха. Поэзия и проза 55

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

Отчет о летней командировке студента А. Бордзинкевича в калмыцкие кочевья Астраханской губернии (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой) 60
Т. И. Юсупова. О нереализованном проекте подготовки учебника монгольской истории Г. И. Грумм-Гржимайло 79

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. П. Петрова. Международный научный форум «Монголия и монголы: прошлое и настоящее» (Варшава, 23—24 ноября 2015 года) 91

Памяти Орловской Марии Николаевны (*Л. Г. Скородумова*) 92

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Монгольские пословицы (Перевод И. В. Кульганек) 95

Информация об авторах. 101